

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)

ББК 60+87я437

П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 9. — Севастополь : СевГУ, 2018. — 98 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ

© ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Философские науки

<i>Ткаченко Р. В., Стаценко О. С.</i> Проблема контекстуальности в юридической герменевтике	5
<i>Миронов А. В.</i> Ненасильственные альтернативы в мировоззрении М. Ганди	10
<i>Коркишко А. П.</i> История памяти или память истории?	15
<i>Чугунов С. В.</i> Идея свободы в философии Л. А. Тихомирова	23
<i>Климков О. С.</i> Развитие философского мышления в русском духовно-академическом богословии XIX в.	29
<i>Жиртуева Н. С.</i> Бхакти-йога в контексте компаративного анализа мистических традиций мира.	36

Исторические науки

<i>Вакулова Т. В.</i> Фортификатор Крымской войны	42
<i>Дмитриева В. В.</i> К вопросу о социализации ребенка в традиционной культуре греков Крыма и Приазовья	48
<i>Козлов М. Н.</i> Восточнославянское язычество в отечественной научной литературе XVIII-XXI вв.	53
<i>Осиповский С. Н.</i> Письма Мусиных-Пушкиных к В. С. Попову из Государственного архива Республики Крым.	62
<i>Коваленко В. В.</i> Черноморский адмирал Семён Афанасьевич Пустошкин	68

Политические науки

<i>Скребец Е. В.</i> Особенности взаимодействия Украины с Международным уголовным судом	78
<i>Чихарев И. А., Полулях Д. С., Бровко В. Ю.</i> Влияние новейших информационно-коммуникационных технологий на современное общество: некоторые сценарии	84
<i>Ярмак О. В., Канах А. М.</i> Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: дизайн социологического исследования	91

CONTENTS

Philosophical Studies

Tkachenko R. V., Statsenko O. S. The Contextuality Problem in Legal Hermeneutics.....	5
Mironov A. V. Nonviolent Alternatives in Gandhi's Worldview	10
Korkishko A. P. History of Memory or Memory of History?.....	15
Chugunov S. V. The Idea of Freedom in the Philosophy of L. A. Tikhomirov	23
Klimkov O. S. Development of Philosophical Thought in the Russian Church Theology of the 19th Century	29
Zhirtueva N. S. Bhakti Yoga in the Context of Comparative Analysis of Mystical Traditions of the World	36

Historical Studies

Vakulova T. V. The Fortifier of the Crimean War	42
Dmitrieva V. V. Revisiting the Child's Socialization in the Traditional Culture of the Greeks of Crimea and the Azov Sea Region	48
Kozlov M. N. East Slavic Paganism in the National Scientific Literature of the 18th-19th Centuries	53
Osipovskiy S. N. Musin-Pushkin's Letters to V. S. Popov from the State Archive of the Republic of Crimea	62
Kovalenko V. V. Black Sea Admiral Semyon Afanasyevich Pustoshkin.....	68

Political Studies

Skrebets E. V. Features of Co-Operation of Ukraine with the International Criminal Court	78
Chikharev I. A., Polulyakh D. S., Brovko V. U. The Influence of the Up-to-Date Information Communication Technologies on Modern Society: Some Scenarios	84
Yarmak O. V., Qanah A. M. Interethnic and Interreligious Concord Among Students of Crimea and Sevastopol: Design of Sociological Research	91

УДК 340.115:303.442.44

В статье рассматриваются различные вопросы, связанные с использованием методологии герменевтического анализа в сфере юриспруденции. Кроме того, исследуются отдельные аспекты философии права, связанные с проблемой интерпретации текстовых источников. Исследуется значение феномена контекстуальности в рамках постклассической теории права. Также проводится сравнительный анализ концепций различных философов и теоретиков права в отношении ряда методологических категорий.

Ключевые слова: контекстуальность, герменевтика, юриспруденция, традиция, диалогичность, правопонимание, дискурс.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

О. С. Стаценко, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: OSStatsenko@sevsu.ru

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Одной из характерных особенностей современной гносеологии является рассмотрение научных теорий в качестве неких формальных систем. Это заставляет обращаться к исключительно идеализированным теориям, упрощать научные концепции, основываться на принципе включения старых гипотез в новые либо прибегать к тому или иному виду аппроксимации.

Действительно, вне зависимости от культурной или исторической детерминированности определённой теории мы сталкиваемся с некой редукцией, которая в той или иной мере упрощает реальность. В данном случае теории конструируют реальность, базируясь (как правило) на одном аспекте специфической перспективы. Стоит отметить, что подобный подход применим и к юридическим дисциплинам. Так, исходя из принципов классического панлогизма, сущность права может быть интерпретирована в рамках феномена проявления объективно свободного духа в виде осуществления понятия права в действительности (в рамках философии права Гегеля). С другой стороны, мы можем говорить о праве и как об определённой форме социальной интеракции (Ю. Хабермас, Н. Луман) или социально-психологическом феномене, связывающем генезис права с психологическими особенностями и переживаниями отдельного индивида или публики (Л. И. Петражицкий, Г. Тард). Следовательно, при рассмотрении (и интерпретации) определённой проблемы мы подходим к ней в рамках того или иного теоретического построения, выступающего в качестве основы исследования. Любопытно, что выявление ключевых аспектов исследовательской базы также характеризуется вариативностью. Так, процесс рассмотрения той или иной научной проблемы в рамках парадигмальной концепции Т. Куна будет отличаться от базовых аспектов исследования в рамках концепции научно-исследовательских программ И. Лакатоса или концепции эпистем М. Фуко. Кроме того, детерминированность теоретического конструкта связана с определённой исторической спецификой и культурной традицией конкретного общества. Например, проблема восприятия и детерминированности сущности права будет зависеть от своеобразного базисного мировоззрения, лежащего в основе той или иной культуры, правовой системы или теории. Так, «для средневекового человека право представало, главным образом, как предмет власти, и эта власть была непосредственно божественной властью, представленной на земле папой и королями. Правовая наука была также предметом власти, но не рационального консенсуса» [2, с. 17]. Следовательно, феномен права мы можем непосредственно связывать с политическими аспектами, наделяя его неизбежным властным дискурсом либо же рассматривать право в качестве механизма достижения социального консенсуса и сглаживания социальных противоречий.

Стоит отметить, что проблему вариативности при восприятии и интерпретации базовых смысловых конструктов, затрагивало такое используемое во многих отраслях гуманитарных и общественных наук методологическое направление, как герменевтика. Так, анализируя работу

«Истина и метод» (1960 г.) крупнейшего представителя герменевтики бытия Г.-Г. Гадамера мы можем встретиться с категорией предпонимания, «помещающей» интерпретатора в определённую смысловую ситуацию, критерии которой устанавливаются культурной традицией, преданием. Первоначальный исторический план понимания и интерпретации текстовых источников (в области ли философии, права, истории и др.) Гадамер представляет в качестве феномена предпонимания, возникающего как результат обращённости к фактам в ожидании совершенства смысла. В данном вопросе Гадамер расходится с другим виднейшим мыслителем XX века, а именно с М. Хайдеггером, указывавшим, что философствование начинается с возобновления вопроса о бытии и, следовательно, субъект пребывает вне традиции, смысловых горизонтов и предпонимания. «Нам неведом даже горизонт, из которого нам надо было бы схватить и фиксировать смысл бытия» [6, с. 21]. Гадамер же, напротив, акцентирует проблему герменевтической традиции в качестве смыслозадающего критерия.

Герменевтическая традиция может рассматриваться в качестве смыслового базиса, оказывающего неизбежное влияние на восприятие определённого текстового источника и на оценку его значения и применения. В герменевтической традиции мы с неизбежностью сталкиваемся с прошлым. При анализе того или иного феномена (источника) мы постоянно актуализируем исторические аспекты и, в принципе, никогда не избавляемся от их влияния. «Мы всегда находимся внутри предания» [3, с. 335]. Вряд ли стоит утверждать, что мы можем находиться вне исторического вектора, рассматривая, например, базовые принципы романо-германской правовой семьи или при исследовании особенностей правоприменительной практики в системе общего права. Также, согласно Гадамеру, к герменевтической традиции некорректно применять качественные оценки. Здесь «неуместна как критика традиции, так и её романтическое воспевание, она должна пониматься в именно контексте герменевтического целого» [4, с. 62].

Немаловажное значение в процессе понимания принадлежит такому феномену как герменевтический круг. Систематическое текстовое изложение с необходимостью должно характеризоваться началом и окончанием. Однако, по Гадамеру, подобный подход к пониманию текстовых источников применим с трудом. Линейное восприятие не учитывает проблему соотношения текста и контекста и, поэтому, не является адекватным. Именно данное обстоятельство и объясняет приверженность Гадамера идее герменевтического круга. «Процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла» [3, с. 345]. Действительно, герменевтический круг выступает в качестве довольно важного метода познания как текстовых источников в целом, так и источников права в частности. Кроме того, герменевтика может выступать как один из методов понимания правовой действительности. Это объясняется следующими обстоятельствами.

При интерпретации полное осмысление значения какой-либо правовой нормы практически невозможно без её рассмотрения в контексте сопоставления с конкретной частной ситуацией. То есть налицо взаимосвязь общего и частного. Кроме того, экспликация смысла правовой нормы возможна только в соотношении её содержания с нормативной системой в целом. Также необходимо учитывать исторический контекст, так как полное понимание существующего правового явления (либо текста) возможно только с учётом его генезиса, с учётом исторической ситуации, в которой оно возникло. Следовательно, понимание не существует без взаимосвязи составляющих элементов. «На любой стадии герменевтического процесса без какой-либо очередной субординации даны все моменты указанного процесса: предпонимание, ожидание смысла, интерпретация, язык. И каждый из этих моментов имеет историческое измерение» [4, с. 61].

Также довольно важной герменевтической проблемой выступает проблема вариативности смысла того или иного текстового источника. В теории интерпретации значительное место уделяется вопросу субъективного в тексте, так как в процессе восприятия и истолкования немаловажную роль играет герменевтическая ситуация в которой пребывает тот или иной индивид. Границы данной ситуации определяются несколькими критериями. Это могут быть и рамки предания, и традиции, заданные исторической ретроспективой, и субъективизм, заданный параметрами личностного восприятия. Стоит отметить, что проблема субъективного в тексте появляется задолго до герменевтических штудий Гадамера. Её проявление мы можем встретить обращаясь к работам другого известного учёного, а именно Фридриха Шлейермахера (1768 – 1834), которого можно считать первым претендентом на систематическую разработку герменевтики как уникального научного метода. В сочинениях Шлейермахера поднимаются многие вопросы, повлиявшие как на позицию Гадамера, так и на позиции других представителей герменевтики. Так, метод истолкования текстовых источников, по Шлейермахеру, предполагает неизбежную диалогичность гуманитарного мышления и единство грамматической и психологической интерпретаций. Кроме того, на позицию интерпретатора неизбежно влияет «зависимость понимания от знания автора, понимание бессознательного в

творчестве автора (*справедливости ради, необходимо отметить, что это в большей мере касается художественной литературы – Р. Т., О. С.*), построение гипотез, основывающихся на предвзятости понимании» [4, с. 56].

Гадамер в своих работах также обращает внимание на проблему вариативности смысла, но стремится к более глубокой её детализации, чем Шлейермахер. Согласно автору «Истины и метода», интерпретатор всегда находится в некой герменевтической ситуации, установленной исторической преданностью. Основной задачей герменевта выступает её прояснение, так как за гранью понимания всегда остаются определённые смыслообразующие аспекты. «Горизонт понимания – поле зрения, охватывающее и обнимающее всё то, что может быть увидено из какого-либо пункта» [3, с. 358]. Интерпретатор, находясь в изначальной ситуации, установленной традицией и предпониманием, в процессе интерпретации текста (и диалога с текстом) стремится к расширению смысловых горизонтов и, следовательно, более глубокому пониманию того или иного источника. Понимание возможно только тогда, когда произошло расширение и встреча смысловых горизонтов автора и интерпретатора. Однако именно здесь и проявляются возможности для субъективизма. Так, Фридрих Шлейермахер указывал, что интерпретатор в процессе понимания того или иного текста (особенного исторического характера) потенциально может превзойти автора, так как находится в иной исторической ситуации и обогащён большим опытом. Следовательно, по Шлейермахеру, интерпретатор не только конгениален с автором, но в потенции превосходит его [5, с. 44–53]. Интерпретатор может оценить значение рассматриваемого текста в сравнении с другими историческими феноменами, проследить причинно-следственную связь между историческими событиями, дать оценку тому или иному явлению (тексту), используя сравнительно-исторический метод. Гадамер же (в отличие от Шлейермахера) утверждает о невозможности абсолютно полного слияния двух смысловых горизонтов, двух герменевтических ситуаций, так как каждый пребывает в собственном актуальном горизонте. «Понимание не есть перенесение себя в чуждую субъективность – это невозможно. Понимание есть расширение своего горизонта и обозрение другого нечто в правильных пропорциях» [3, с. 361]. Следовательно, в герменевтике Гадамера, не признаётся возможность как потенциального превосходства интерпретатора над автором текста, так и возможность абсолютно полного совмещения смысловых горизонтов. Единственным способом относительного прояснения понятийной ситуации выступает постановка вопросов и истолкование как диалектика вопроса и ответа. «Текст воспринимается как ряд ответов на вопросы, согласованность вопросов и ответов на них и есть понимание. Можно выразиться по-другому: ранее непонимаемое попало внутрь моего горизонта. Далёкое стало близким» [4, с. 64].

Несколько иной подход к проблеме вариативности при интерпретации правовых норм мы можем встретить в работах видного американского теоретика права Пьера Шлага. Так, в своей работе «Эстетики американского права» (2002) он указывал, что никакая норма или стандарт не может контролировать или определять контекст, в рамках которого или из которого эта норма или стандарт интерпретируются. Следовательно, интерпретация нормы всегда варьируется в зависимости от того, как изменяется контекст. Кроме того, не существует какого-либо привилегированного контекста, из которого данная норма (или любая часть текста) должна быть прочитана. Шлаг отмечает, что «абсолютное пространство неизменных правил и неподвижных прецедентов, которые характеризовали традиционную юриспруденцию, ушло. На его месте мы имеем «жизненное пространство» со многими областями ценностей» [8, с. 145].

Однако, помимо строго методологического измерения, проблема субъективного в тексте имеет также принципиальное значение и в процессе толкования законов. Конечно, правовой акт в идеале не должен быть зависим от субъективной позиции и личных интересов его авторов и издающих органов. Он должен отражать некие объективные социальные тенденции, стремиться к нивелированию наиболее острых противоречий и быть ориентированным на воплощение базовых законодательных принципов. Однако в реальности любой закон создаётся людьми и в той или иной мере отражает социальные, политические, а чаще всего экономические интересы определённой социальной группы. Довольно яркие примеры подобной инверсии (подмены объективного субъективным) мы можем встретить в работах американского экономиста и правового реалиста Роберта Ли Хейла. Например, согласно Хейлу, сама постановка проблемы права собственности в обществе всегда исходит из тенденции рассматривать категорию «собственность» с точки зрения имущих (собственников), а не неимущих. Следовательно, «функция права собственности является не просто жалованием прав собственникам, но лишением несобственников их прав» [7, с. 75]. Позиция Хейла в отношении реализации субъективных прав привела его к тому, чтобы рассматривать почти любой акт, затрагивающий экономические аспекты, как отрицательно воздействующий на чью-то свободу или собственность. Роберт Ли Хейл, по мнению теоретиков права, впервые ввёл понятие «юридическая

экономика», что впоследствии переросло в рассмотрение экономики как системы взаимного принуждения и юридического опосредования подобного принуждения.

Генезис герменевтических аспектов в феноменологии и экзистенциальной философии неизбежно связан с поисками смысла в правовом творчестве и правовом сознании того или иного индивида. Это вызвано тем, что процесс интерпретации происходит как на дисциплинарном уровне, так и на уровне обыденного сознания. Именно по этой причине герменевтическое творчество должно стремиться к большему сближению смылосодержащих и смысловыражающих аспектов, учитывать их взаимное проникновение, необходимое для грамотной интерпретации. Данная позиция важна и для правоприменительной практики. И законодатель, и правоприменитель с необходимостью должны понять смысл правовой нормы и соотнести его с конкретным случаем, юридическим фактом. Кроме того, современная герменевтика, по мнению Гадамера, невозможна без учёта ещё одной ключевой проблемы, а именно – проблемы диалога между автором текста и интерпретатором. Именно в этой проблеме возникает опыт соотношения «Я» и «Ты». Гадамер классифицирует три возможных варианта диалогичности в герменевтике.

В первом варианте «Я» предпочитает себя, а «Ты» рассматривается лишь в качестве средства самоутверждения. «С моральной точки зрения такое отношение к «Ты» означает чистейший эгоизм и противоречит моральному назначению человека» [3, с. 422]. Вторым вариантом опыта основывается на признании «Ты» в качестве личности только в корреляции с «Я». «Я» в этом случае с неизбежностью стремится превзойти «Ты» и обладает склонностью к постоянному доминированию. И только третий вариант герменевтического диалога рассматривает «Ты» в качестве полноценного, самостоятельного и самодостаточного начала. «Взаимосвязанность двух людей всегда означает открытость друг другу и способность слышать собеседника, партнёра по диалогу» [4, с. 65].

Таким образом, Гадамер считает недостаточным лишь констатировать факт необходимости диалога между людьми в силу их совместного бытия (или, говоря языком Хайдеггера, события). В герменевтике также необходимо отобразить условия данного диалога, его первичную архитеконику и личностную обусловленность. Причём предпосылки данного диалога, по Гадамеру, не извлекаются из него, а обладают некой трансцендентальностью.

Стоит отметить, что процесс правопонимания также обладает диалогическим характером, так как устанавливает своеобразный диалог между автором текста (историческим документом, действующим правовым актом) с одной стороны, и интерпретатором (исследователем, правоприменителем) – с другой. Здесь процесс интерпретации источника связан с принципом «наилучшего понимания», так как каждая последующая интерпретация источника становится несколько шире предыдущей в связи с включением в смысловое пространство новых аспектов, порождённых осмыслением единичных случаев, казусов.

Однако позиция Гадамера в отношении проблемы интерпретации текстов не является единственной. Довольно оригинальную методологию герменевтического анализа правовых источников разработал итальянский философ и юрист Эмилио Бетти (1890 – 1968). В своей фундаментальной работе «Герменевтика как общая методология наук о духе» (1962) он свёл проблему интерпретации к нескольким основополагающим аспектам (канонам), которые активно могут быть использованы как в области понимания исторических источников, так и в сфере юриспруденции. Кроме того, по Бетти, герменевтика применима и к пониманию мотивации действующего субъекта. «У юриста, как и у историка, интерес обусловлен тем, что практическое поведение даёт наиболее подлинные и достоверные улики, выдающие установку действующей личности, т.е. оно позволяет с уверенностью сделать обратное заключение к доминирующему мышлению» [1, с. 18].

Первым канонам выступает канон имманентности герменевтического масштаба, в котором выражается требование соответствия герменевтической реконструкции точке зрения автора. Данный канон подразумевает, что «смылосодержащие формы следует понимать сообразно их собственным закономерностям... Прилагаемый к ним масштаб должен быть имманентным их изначальному предназначению» [1, с. 29]. Благодаря этому канону смысл нельзя по наитию вложить (или, говоря языком Бетти, «подбросить») в смылосодержащую форму.

Вторым основополагающим канонам выступает канон смысловой связанности (принцип целостности). Сущностью данного канона является выявление зависимости целого от частей, а частей от целого. То есть, по сути, второй канон изучает проблематику того же герменевтического круга и контекстуальной взаимосвязи в тексте. Именно в свете данного канона проявляется взаимоотношение и когерентность между отдельными частями речи, а также рассматривается их «соотнесённость друг с другом и с целым, делающая возможным взаимное высветление смыслов и проявление смылосодержащих форм через отношение целого к его составным частям и наоборот» [1, с. 31]. Кроме того, данный канон обладает определённой юридической спецификой. Он активно применяется при

истолковании правовых норм, а также при понимании симптоматического значения противоправного поведения отдельных субъектов. «При истолковании правовых норм и законов толкователи более или менее сознательно апеллируют к канону тотальности, прежде всего в случаях, когда требуется исключить толкования, которые могут нарушить последовательность системы, выработанной средствами правовой догматики и включающей в себя толкуемую правовую норму» [1, с. 35]. При истолковании же мотивов преступления (противоправного деяния) данный канон требует выявить его симптоматическое значение в рамках проявившейся в данном факте личности преступника, его социальной девиации, то есть опять же обратиться к проблеме соотношения частного и целого.

Требования соотнесения смысла интерпретируемого явления с духовным горизонтом интерпретатора закрепляется в третьем каноне – каноне актуальности понимания. Согласно данному канону «интерпретатор должен в самом себе пройти путь творчества, повторно конструировать его изнутри, изнутри осуществить перевод чужой мысли в собственную актуальность» [1, с. 40], то есть приспособить сущность явления (источника, фрагмента прошлого) к собственному духовному горизонту. Именно благодаря подобному синтезу у интерпретатора появляется возможность конструировать и вновь познавать соответствующий объект. Однако, в данном каноне проявляется давняя проблема герменевтического истолкования, а именно проблема привнесения субъективности в текст или иной смысловой источник. Бетти рассматривал субъективность в качестве естественного явления и сомневался в возможности её полной элиминации. «Всякий новый опыт посредством своего рода присвоения становится частью нашего живого духовного космоса; и по мере вовлечения в этот космос новых переживаний они попадают в зависимость от его трансформаций» [1, с. 41].

Любопытно, но в отношении позиции герменевтики взгляды Бетти и Гадамера разнились. Так, для Гадамера герменевтика и философия выступали в качестве эквивалентных понятий, так как не может быть философии вне интерпретации. Для Бетти же герменевтика выступала в качестве общей теории и особой методологической базы наук о духе. В одном из писем к Бетти, Гадамер отмечал: «Я не предлагаю никакого метода, а описываю то, что есть» [3, с. 586].

Стоит отметить, что несмотря на эвристическую ценность герменевтики как научного метода, она далека от того, чтобы претендовать на абсолютность и непогрешимость в различных областях применения. Главная проблема, с которой сталкивается герменевтика, заключается в невозможности выработки конкретных критериев при анализе наук или иных социальных феноменов. Однако, теоретические разработки видных представителей данного течения (таких как Г.-Г. Гадамера и Э. Бетти) в сфере интерпретации и понимания текста, без сомнения, останутся актуальными и востребованными во многих научных сферах.

Список литературы

1. Бетти, Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: «Канон+», 2011. – 144 с.
2. Ван Хук, М. Право как коммуникация / М. ван Хук. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.
3. Гадамер, Г. - Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. - Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В. А. Канке. – М.: Логос, 2000. – 320 с.
5. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Кузнецов. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 192 с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503с.
7. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права / И. Честнов. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
8. Шлаг, П. Эстетики американского права / П. Шлаг // Российский ежегодник теории права. – 2010. – №3. – С. 112 – 180.

Статья поступила в редакцию 25.01.2018

Tkachenko, R. V., Statsenko, O. S. The Contextuality Problem in Legal Hermeneutics

The article deals with a series of problems regarding the methodology of hermeneutic analysis used in law. The author focuses on certain aspects of law philosophy connected with the problem of interpreting written sources. Furthermore, the concept of contextuality is analysed through the prism of postclassical law theory. Moreover, the paper attempts a comparative analysis of several philosophical and legal theories which center on various methodological categories.

Keywords: contextuality, hermeneutics, law, tradition, dialogical self, legal consciousness, discourse..

Рассматриваются ненасильственные инициативы, выдвинутые М. Ганди в качестве политического средства в борьбе за независимость Индии. Акцент делается на особенностях индуистского вероучения, в котором моральные положения совпадают с идеей гражданского неповиновения, оказавшейся эффективным способом личностного участия в процессе сопротивления английской администрации. Личностное совершенствование в этой концепции становится определяющим фактором.

Ключевые слова: ненасилие, гражданское неповиновение, уважение к живому, самосовершенствование, соотношение морального и политического.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ М. ГАНДИ

Насилие является одним из основных средств решения возникающих проблем в политической, социальной, религиозной, экономической сферах жизнедеятельности человека в современном мире. Оно принимает формы физического воздействия, психологического подавления, политического манипулирования, межличностной конкуренции и соперничества. Данный модус реализации этнических, социальных, корпоративных интересов, представленный в общественном пространстве, переносится и в область индивидуальной коммуникации в качестве максимально эффективного способа достижения поставленных целей. Взаимодействие на межгосударственном уровне между субъектами отношений ведется с позиции силы и потенциальных возможностей ее применения. Использование насилия в конфликтных ситуациях воспринимается общественным мнением, как константа, которая не имеет реальных альтернатив. Опасность последствий его использования осознается мировым сообществом, но любые дискуссии о смене форм взаимодействия между конфликтующими сторонами носят ярко выраженный теоретический характер и оцениваются как утопические ожидания. Нарастающая угроза военного конфликта обосновывает потребность обращения к историческим прецедентам бескровного выхода из межгосударственного противостояния. Мировоззренческая позиция выдающегося индийского мыслителя М. Ганди представляет актуальный интерес, так как в ней представлены не только моральные аспекты пацифизма, но и заинтересованность в решении конфликтных национальных и политических проблем своей страны мирным путем.

Задача исследования состоит: 1) в определении особенностей взаимодействия религиозных, моральных, политических составляющих ненасильственного мировоззрения в контексте жесткого столкновения государственных интересов, связанных с кардинальными векторами дальнейшего развития; 2) в анализе становления ценностных ориентиров, не допускающих применение насилия, 3) в рассмотрении цивилизационной специфики формирования механизма ненасильственных действий. В статье используется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий провести параллели европейского восприятия ненасильственных действий как должного идеала межличностной и социальной коммуникации и индуистской традиции мирного сосуществования. Комплексный подход к рассмотрению данной проблемы способствует обоснованию целостной картины противостояния насилию в формате противоречия морального и политического.

В истории цивилизации можно проследить две основные тенденции в понимании основы социальных отношений: первая - стремление к всеобщему миру, согласию, гармонии, раскрывающееся в доверии, терпимости к другому, милосердии, уважении, осознании ценности чужой жизни, и вторая - борьба за личные, национальные, религиозные преференции, трансформирующиеся в конкуренцию и соперничество между противоборствующими сторонами. Миф о «золотом веке», в котором отсутствовало насилие и агрессия между людьми, приводился великими моралистами (Конфуций, Лао Цзы, Будда) в качестве примера организации общественных связей, организованных на качественно иной ценностной платформе, чем было принято во время их жизни. В идее всеобщего благоденствия исключалась корыстная составляющая в мотивации поступка, а вместе с ней индивид освобождался от вражды, зависти, тщеславия, амбиций, инициирующих межгосударственные и межличностные конфликты. Изменение сущностной природы человека – переход от добра ко злу, с которым ассоциировалось насилие, обосновывалось религиозными положениями о победе темных сил, смене исторических циклов, грехопадении. Философские интерпретации физического и психологического давления на личность, ее притеснение и принуждение, использование силы в государственной политике как средства разрешения внешних и внутренних разногласий, сводились к недостаткам

социальной организации, просчетам общественного воспитания, неэффективному использованию рациональных способностей человека (Платон, Аристотель). Становление полисной цивилизации, а в последующем - империй предполагало развитие гражданских доблестей во имя социума, реализуемых в воинских подвигах и готовности отстаивать с оружием в руках интересы города-государства. Расширение территориальных границ, приобретение жизненно необходимого для выживания сообщества, передел сфер влияния утверждает насилие как вынужденную данность, адекватную обстоятельствам политического и национального противостояния.

В христианских заповедях содержится требование «Не убий», воспрещавшее посягательство на чужую жизнь. В ней представлена интерпретация физического насилия как нарушения Божественной воли относительно существования конкретного человека. Проявление подлинных качеств христианина (милосердие, доброта, взаимопомощь, сострадание, жалость к нуждающимся) вступало в противоречие с мирским представлением о необходимости насилия и, тем самым, формировало смирение, тождественное отказу от борьбы, физического сопротивления, применения силы даже в случае угрозы собственной жизни. В католической и святоотеческой православной литературе приводятся примеры соблюдения шестой заповеди как образец святости помыслов и действий (Святой Франциск Ассизский, Святой Преподобный Серафим Саровский, Чудотворец). «Любите врагов ваших... и молитесь за гонящих вас» [Матф. 5-44]. Принятие этого положения в качестве жизненной позиции нейтрализует вражду к другим и обесмысливает конфликт в его эмоциональных проявлениях. В христианском истолковании подавление эгоистического начала, инициирующего насильственные формы отстаивания собственных предпочтений и интересов, представляется первостепенной задачей, определяющей самоосуществление в вере. Расхождение светских и религиозных ценностных установок сформировало в общественном мнении точку зрения о несовместимости социальных задач и ненасильственных принципов.

Теория Ч. Дарвина о естественном отборе и борьбе за существование исходит из посылки об ограниченности предоставляемых природой ресурсов для выживания представителей одного вида. Следствием эволюционного процесса становится использование насильственных действий в отстаивании ареала обитания, защите особей своего вида в случае стайного проживания, групповые объединения в условиях общей опасности. Натуралистический подход распространялся и на интерпретацию социальных конфликтов, исключая специфику духовного бытия, представленную моралью и религией. Сущностью поступков определялась агрессия, как первооснова мотивации деятельности, в которой максимально раскрывается природное происхождение человека. Демонстрация силы становится условием доминирования среди сородичей и правом пользоваться большими возможностями. Агрессивное поведение служит основным регулятором межвидовой коммуникации, структурирующим проявления интересов участников процесса взаимодействия и, таким образом, формируется способность признания статуса индивидуального и коллективного превосходства между ними. Естественный отбор действует во благо будущих поколений, избавляясь от тех, кто неспособен приносить пользу или претендует на большее, непропорционально своему участию: «... недостаточность социальных контактов и особенно их исчезновение («потеря любви») относится к числу сильных факторов, благоприятствующих агрессии» [5, с. 49]. Понимание общественных столкновений, войн между государствами в контексте популярной в Европе биологизаторской концепции (в XX веке ее поддержал З. Фрейд) исключало ненасильственные инициативы из теоретического обсуждения, а политическая ситуация вступала в противоречия с пацифистскими убеждениями.

Государственная жизнь Индии последние полтора века развивалась в смысловом диссонансе национальной традиции и искусственного внедрения английской ментальности, связанной с колонизаторским присутствием. Индуизм, как национальная религия, и буддизм являлись платформой, определяющей мировоззренческие принципы большинства населения в сфере морального общения с соплеменниками и иноверцами. Поиск истины носит индивидуальный характер и предполагает борьбу с личными недостатками, поэтому любые формы духовного принуждения, физического диктата, обращенные на других, могут рассматриваться как препятствие к самосовершенствованию, обесмысливая усилия личности на пути к просветленности. Человек ищет свое предназначение в мире через ограничение эгоистических стремлений. Желание освободиться от искушений имманентно включало отказ от жестокости, коварства, произвола как способов приобретения материальных благ и социальных преимуществ. Избавление от страданий – общее положение для индуизма и буддизма – логически исключало использование насильственных действий по отношению ко всему живому, как противоречащее представлениям о перерождении души. Дж. Неру, анализируя текст «Махабхараты», отмечал: «... понятие об ахимсе, то есть ненасилии, тесно связано с мотивом действия, оно имеет в виду отсутствие агрессивных действий, самодисциплину и обуздание гнева и ненависти, а не физическое удержание от насильственных действий, когда оно становится необходимым и неизбежным» [4, с. 88]. Акцентуация на внутренних коллизиях души нивелировала общественные проблемы, переводя их в ранг второстепенных, не имеющих прямого воздействия на личность.

Кастовое обособление вносило специфику в личные коммуникации (индуизм), воспрещая и структурируя не только общение с представителями других групп, но и трансляцию способов самоосуществления. Характер кастовой жизни общества отражался на межличностных связях граждан: принимая идею реинкарнации, они испытывали дискриминацию в профессиональной сфере, сложности с допуском к интеллектуальной деятельности, ограничения в брачных союзах. Отсутствие главенствующей парадигмы инициировало свободу выбора векторов духовного развития индивида, предполагая равенство мнений не только о личностной самореализации, но и о наиболее важных вопросах этнического развития: восприятию социума, власти, государства. Интеллектуальная и моральная толерантность, сформированная религиозными принципами, купировала агрессию и нетерпимость в обществе и при этом сталкивалась с историческими вызовами времени.

Пробуждение национального самосознания в 20-40 годы XX века, начавшееся в странах, находившихся в состоянии колониальной эксплуатации, актуализировало вопрос о политических средствах достижения государственной независимости. Процесс освобождения от колониализма принимал, как правило, формы насильственной борьбы (городские восстания, национальные войны, партизанские диверсии, в некоторых случаях бессмысленное уничтожение собственности и беспощадную жестокость по отношению к мирным жителям). В Индии, в силу многонациональности, религиозных отличий, кастовой дифференциации этот процесс представлял большую опасность, так как мог превратиться в «войну всех против всех», используя накопившиеся вековые обиды и оскорбления, трансформируясь в орудие сведения счетов и мести. Предложенное Махатмой Ганди духовное учение (сатьяграха) дистанцировалось от крайностей вооруженного противостояния и представляло собой синтез политики, морали, религии, отвечающий национальным особенностям и задачам становления новой государственности.

Существенное влияние на личностное становление Махатмы Ганди оказала его адвокатская деятельность, направленная на защиту прав цветного населения в Южной Африке. Дискриминация по национальному признаку противоречила *habeas corpus act*, принятого английским парламентом и ставшего составляющей конституций ряда европейских государств, с которым он познакомился во время учебы в Лондоне. Юридическое преследование и притеснение определялись не цветом кожи, а проступком, совершенным человеком. Заведомая предубежденность, проявляемая английской администрацией к индусам, проживающим на территории колонии, вызывала протест у начинающего адвоката и стала импульсом обращения к социальной проблематике. Сам Ганди отождествлял свои общественные инициативы с религиозными исканиями, которые должны помочь людям. «В течение тридцати лет я стремился только к одному – самопознанию. Я хочу видеть Бога лицом к лицу, достигнуть состояния мокша. Я дышу, двигаюсь, существую только для достижения этой цели. Все, что я говорю и пишу, вся моя политическая деятельность – все направлено к этой цели» [2, с. 208]. Он отказывается от популярных в это время европейских социально-политических теорий, предпосылками которых было установление материального равенства, власти трудящихся или национального превосходства.

В его учении моральное начало носило приоритетный характер, оно отождествлялось с религиозными чувствами. Истина открывается тому, кто способен преодолеть пороки, наносящие вред другому. Самовоспитание и самосовершенствование индивида представлены в моральных поступках, которые выражают внутреннюю сущность человека. «Любовь к человечеству» выступала универсальным критерием действия и, вследствие этого, исключала мотивацию, результатом которой могло стать насилие по отношению ко всему живому (учась в Англии, М. Ганди был секретарем вегетарианского общества и до конца жизни следовал этому принципу). Синтез морали и религии в его учении принимал характер практического воплощения, обращенного к нуждающимся в помощи, страждущим, «неприкасаемым», а не замыкался в рамках духовной медитации. Осуждение порочности, неприятие ее, недопущение в свою жизнь, по мнению Ганди, не должно персонифицироваться, в противном случае оно превратиться в борьбу с конкретным человеком. Он разделяет сущность явления и его носителя, первое требует личностных усилий, направленных на преодоление индивидуальных слабостей, второе стимулирует концентрацию агрессии и насилия в индивиде, отвлекая его от сосредоточения на собственных недостатках. Следуя традиции индуизма, Ганди формулирует постулат, который стал основой его политического учения: чтобы изменить мир к лучшему, человек должен нравственно соответствовать своим устремлениям. Ложь по отношению к себе и другим является барьером, разделяющим людей, и препятствует подлинному единству. Транслируемые государством, социальными группами, знаковыми фигурами ложные идеи, трансформируются в действия, представляющие угрозу, как всему миру, так и отдельному человеку.

Ксенофобия, свойственная социальным системам с жестким разделением на «своих» и «чужих», формирует подозрительность и враждебность в качестве предпосылки коммуникации. В Индии кастовое обособление отражалось в недоверии, возникавшем при установлении личных контактов с представителями других групп, затрагивая при этом и иные верования. Замкнутость в пределах своего сообщества минимизирует социальные контакты. Политическая и общественная солидарность в

данном контексте представлялась достаточно проблематичной, так как интересы стратифицированной деятельности не совпадали между собой (профессиональное, образовательное, государственное участие определялись сложившимися вековыми традициями). По мнению Ганди, открытость к человеку, демонстрация расположенности к нему, выполнение моральных предписаний, честность воспитывают веротерпимость, на основе которой должна была решаться общая для всего населения задача по освобождению Индии от колонизаторов. При всех исторически сложившихся отличиях внутри общества оно способно выработать понятные большинству общественные цели, отвечающие внутренней природе человека: справедливость, равенство перед законом, соблюдение прав гражданина.

Сложности истолкования и использования принципа ахимсы (ненасилия) связаны с противоречиями, возникающими в социальной жизни. Ганди исключает из поведенческой мотивации вражду, мщение, ненависть, но подчеркивает, что сам принцип абсолютизируется только теми, кто признает его как единственный способ самореализации и существования, при этом он не должен становиться стимулом потворства злу, беззаконию, преступности. «И совсем недавно я убеждал индусов, что не веруя в полную ахимсу и не следуя ей в своей жизни, они совершают тяжкий грех против религии и человечности, если с оружием в руках не защищают женщин от преступника, повадившегося их похищать» [2, с. 247]. Духовное развитие индивида в каждом конкретном случае становится отправной точкой в принятии решений о сопротивлении злу. Ганди не абсолютизирует свой путь к истине в качестве общеобязательного, но подчеркивает, что зло, выраженное в мотивации поступков или насильственных действиях, наносит больший вред самому исполнителю, чем тому против кого оно направлено.

Находясь на учебе в Англии, Ганди познакомился с учением Л. Н. Толстого о «непротивлении злу силой» и до конца своей жизни признавал его одним из своих духовных учителей. При существенных различиях в вероучении индуизма и христианства (толстовское истолкование христианства не совпадает с церковным православным канонам) его привлекла моральная требовательность к себе и выход за пределы национальных, государственных, религиозных ограничений в истолковании смысла жизни. «Гипноз общественного мнения», довлеющий над человеком в лице семьи, социального окружения, чиновного аппарата вытесняет личностную ответственность за совершаемые поступки, оправдывая их государственными и церковными интересами (в этот период в России церковь являлась частью государственной системы). Нравственное начало в человеке формируется подлинными добродетелями, «любовь к ближнему» - определяющая из них. В ней сконцентрировано милосердие к другому в виде конкретной помощи (Толстой участвует в помощи голодающим, жертвует нуждающимся, способствует гражданским инициативам по борьбе с эпидемиями). Его учение игнорировало национальные интересы и по своей сущности находилось к ним в оппозиции и на этом основании не признавало легитимность государственного насилия. «Христос открыл мне, что пятый соблазн, лишаящий меня моего блага, - есть разделение, которое мы делаем между своими и чужими народами. Я не могу не верить в это, и потому если в минуту забвения и может подняться во мне враждебное чувство к человеку другого народа, то я не могу уже в спокойную минуту не признавать это чувство ложным, не могу оправдывать себя, как я прежде делал это, признанием преимущества своего народа над другими, заблуждениями, жестокостью или варварством другого народа ...» [6, с. 338]. Члены толстовских общин, следуя этим принципам, отказывались служить в армии, брать в руки оружие, не использовали вооруженное сопротивление как форму защиты личности и собственности. Улучшение мира, по мнению Толстого, должно произойти не через политические изменения, связанные с борьбой и конфронтацией, а с помощью религиозно-нравственного совершенствования отдельно взятой личности, преодолевшей мнимые социальные установки самоутверждения. Духовные усилия избавляют индивида от зависти, алчности, враждебности по отношению к другим и исключают проявления насилия.

В 1920 году Ганди становится лидером национального движения за освобождение Индии, а через год – главой Индийского национального конгресса. Находясь в тюрьме после трагических событий, произошедших в Амитсаре, где мирная демонстрация закончилась погромами и человеческими жертвами, Ганди выдвигает в качестве руководства к действию свое учение сатьяграха, в котором объединялись политические цели и моральные принципы. Формой сопротивления колонизаторам объявлялось гражданское неповиновение, выраженное в отказе от сотрудничества с английской администрацией, сознательном невыполнении ее распоряжений, игнорирование проанглийских средств массовой коммуникации, разъяснение своих требований всем желающим, но при этом никакого вооруженного и насильственного противостояния с противником, способного нанести вред жизни и здоровью. С точки зрения Ганди, обращение к сатьяграхе возможно в том случае, когда все остальные средства воздействия на государство и его структуры исчерпаны. Использование этого способа, чтобы добиться политических результатов предполагало самоотрешение личности от привязанностей материального мира и готовность к жертвенности (преодоление боли, страха, угрозы жизни). Основой поступков являлась уверенность в истинности целей и действий, в них исключалось

своекорыстная мотивация и амбиции, в противном случае действия утрачивали непреклонность и изначальную содержательность. Сатьяграха не отождествляется с фанатизмом, добровольность и осознанность – условия ее применения. Человек должен испытывать радость от участия в ее мероприятиях и надежду на просветление тех, кто готов наносить ему физический вред и потенциально покушается на его жизнь. Гражданское неповиновение (в понимании Ганди) основано на неприятии чуждых волеизъявлений власти и демонстрации непричастности к ее решениям относительно политических и социальных вопросов, касающихся большинства населения. «Ненасилие – это активная позиция, предполагающая сознательное страдание. Быть приверженцем ненасилия означает не смиренно отдаться на волю злодея, но противопоставить ей всю свою душу. Воплощая на практике этот закон нашего бытия, один-единственный человек может бросить вызов всей мощи несправедливого государства, чтобы спасти свою честь, свою религию, свою душу и способствовать падению или возрождению этого государства» [3, с. 543]. Стойкость, мужество, чистота помыслов протестующих должны трансформировать сознание потенциального врага и изменить его ценностные установки к причинам происходящего. Добро купирует зло, поглощая его последствия в том случае, если накал насилия не возрастает по причине усугубляющегося конфликта между участниками. Для исповедовавших учение сатьяграха целью борьбы являлось не причинение ущерба своим противникам, а демонстрация несогласия с несправедливостью и воли к отстаиванию своих убеждений.

Доверие сограждан – платформа морального диалога Ганди со своими последователями. Ложь исключалась из него, что кардинально отличало политический процесс под его руководством от привычного в политике умалчивания, дезинформации, использующейся в целях укрепления личных амбиций и своекорыстных интересов. Синтезируя религиозное и нравственное, акцент делается на достоинстве человека, на его личных добродетелях, которые не приемлют искажение правды и в силу этого отвергают несправедливый путь зла. Самоотречение становится в подобной ситуации более действенным средством достижения справедливых требований, чем насильственные действия. Подавляющая сопротивление сторона неспособна дать адекватный ответ на мирный протест и вынуждена искать компромиссы (в Индии английская администрация вынуждена была признать свою беспомощность в управлении страной и предоставить ей независимость).

Учение М. Ганди о ненасилии опирается на национальные традиции Индии, представленные религиозными положениями индуизма и буддизма. Моральная составляющая, обоснованная принципами перерождения души человека, раскрывается в отказе от насилия по отношению ко всему живому. Духовное совершенствование индивида, выраженное в терпении, взаимопомощи, стремлении к истине совпадало с задачами политического характера: освобождение, независимость, собственный путь развития. Гражданское неповиновение, опирающееся на принцип ахимсы, послужило объединительным началом для большинства населения в силу своей простоты и ясности. Политические цели и моральные убеждения дополняли друг друга в процессе борьбы за новую государственность.

Список литературы

1. Библия.
2. Ганди, М. Все люди – братья / Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века ; пер. с англ. Р. Ульяновского. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 207-250.
3. Ганди, М. Моя жизнь. Моя вера / М. Ганди ; пер. с англ. В.Н. Ахтырской. – М.: Колибри, 2016. – 736 с.
4. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц ; пер. с нем. Г. Ф. Швейника. – М.: Прогресс, «Универс», 1994. – 272 с.
5. Неру, Дж. Открытие Индии / Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века ; пер. с англ. В. Исакович, Д. Куниной – М.: Художественная Литература, 1987. – С. 5-169.
6. Толстой, Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? / Л. Н. Толстой. – Л.: Художественная литература, 1991. – 416 с.
7. Чаттопадхьяя, Д. Живое и мертвое в индийской философии / Д. Чаттопадхьяя ; общ. ред. Н. П. Аникеева ; пер. с англ. Е. Ю. Суrowой. – М.: Прогресс, 1981. – 417 с.

Статья поступила в редакцию 18.02.2018

Mironov, A.V. Nonviolent Alternatives in Gandhi's Worldview

Nonviolent initiatives put forward by M. Gandhi as a political tool in the struggle for India's independence are considered. The stress is put on the features of Hindu religion, in which morality coincides with the idea of civil disobedience, which turned out to be an effective way of personal participation in the process of resistance to the British administration. Personal improvement in this concept becomes a determining factor.

Key words: nonviolence, civil disobedience, respect for the living, self-improvement, the ratio of moral and political aspects.

УДК 930.1

Рассматривается сложный комплекс связей истории, различных ее сечений и их отображение в памяти. Предпринята попытка совместить наработанную в веках категориальную канву исторического знания с категориями исторической памяти с целью усиления звучания гуманитарной составляющей культуры.

Ключевые слова: историческое знание, историческая память, общественное сознание, форма культуры, индивидуальная память, поколенческая трансляция.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kormanial@mail.ru

ИСТОРИЯ ПАМЯТИ ИЛИ ПАМЯТЬ ИСТОРИИ?

Научное сознание всегда содержит в своем фундаменте сквозные темы, так называемые, вечные вопросы. В философском мире к числу таковых принято относить вопрос о соотношении истории и оценочных суждений, который в настоящее время еще более осложнился на фоне падения роли культуры как регулятора общественной жизни. На наших глазах возникают такие феномены истории, когда разобраться в их структуре и функциях, т.е. реализовать стандартные наборы исследовательских программ, как показывает практика ведения общественных дискуссий на телевидении, допускающая даже публичную драку между журналистами, становится труднодостижимой задачей, особенно тогда, когда их проецируют на фон «вечных вопросов». С одной стороны, статус «вечной» проблемности дискуссии должен был бы обеспечивать тщательную предварительную фокусировку поднятых проблем (фильтрация терминов, устранение омонимичных построений и т.п.), т.е. хронологически координировать работу различных методологических программ (например, в дискуссии изначально должно быть определено, что анализ документов предшествует экспертной оценке или наоборот и т.д.). С другой – только так и возможно корректно перейти от анализа привходящих условий всего происходящего к содержательным онтологическим констатациям относительно выбранного исторического фрагмента, которая только и определяет структуру причинно-следственных связей.

Недавняя потасовка тележурналистов по поводу различной оценки роли И. Сталина в начальный период Отечественной войны (речь идет о «схватке» Н. Сванидзе и М. Шевченко) убедительно доказывает, что в настоящее время в обществе продолжает воспроизводиться эффект «истории, ведущей в окопы», который свидетельствует о неугасающих спорах и конфликтах в глубинах исторического сознания народа, пережившего XX век, обозначенный двумя мировыми войнами, революциями и другими катаклизмами.

С феноменом «истории, ведущей в окопы» люди, находящиеся на разных этажах социальной практики, столкнулись еще в самом начале исторического времени, и с тех давних пор «преданья старины глубокой» то соединяли, то, наоборот, разъединяли людей, и вели они себя в этой связи, если вспомнить историю, далеко не всегда сдержанно или, как ныне принято выражаться, транспарентно. Более или менее подробно множество завязавшихся здесь смысловых узелков попробовал распутать И. Курилла [5], который, как историк, в целом достойно справился с этой задачей. Не отрицая исторических результатов его исследования, которые и любопытны, и глубоки, попытаемся расширить историко-философские аспекты осознания обозначенной темы.

С музой Клио – старшей дочерью богини памяти Мнемозины – у историков всегда складывались непростые отношения. Уже Геродот, как свидетельствуют источники, испытал на себе непростой нрав покровительницы истории. Ни строгая хронистика, ни подробная аналитика не могли сохранить полную достоверность, отражаемого куса истории. Задача невероятно усложнялась, когда исследователи прикасались к вопросам «кто именно?», «зачем?», «каким образом?» Вот почему уже в ранне-христианских текстах различимы признаки глубокой озабоченности по поводу отсутствия гармонии и единства между историческими Словом и Делом. В канонических текстах мы находим следующие суждения: «... обманываем самих себя и истины нет в нас» (1:8 1-е Иоанна), «заблуждение во всех делах его» (19:14 Исайя) и т.д.

Скорее чувствуя, чем осознавая причины, вызывающие внутренние разломы содержания исторического знания – отсутствие систематической теории, слабость методологического обеспечения и т.п. – историческое сознание времени, стремясь сохранить цельность и смысловую направленность, сначала облеклось в моральные одежды (Зенон, Сенека и др.), которые, спустя несколько веков, поменяло на теологические, что полностью совпадало с логикой культурогенеза. Различные школы, с

известными различиями трактуя историю, сходились в том, что универсальным измерением истории выступает мораль, ее нормы.

Уже упомянутая школа стоиков особым образом трактовала механизм осуществления мирового развития, который одновременно выступал и промыслом, и судьбой, являя, таким образом, пример отождествления необходимости и судьбы. Человеку в этой философской схеме отводилась роль уравнивающего начала, поскольку конечная цель человека, счастье, определялось как процесс стремления к природе, к логосу. Именно такая жизнь, по их мнению, только и была добродетельной, наполненной смыслом.

В этой точке стоических рассуждений и рождается бинарный принцип исторического мировидения Стои: благо – это знание добра и зла, а порок – единственное зло.

Моральная проповедь, особенно задрапированная в исторический материал, приобретала особую поучительность и в этом смысле становилась апофеозом исторического знания. Соразмерность исторического и морального сознания специально не рассматривалась и потому специальных проработок по этому поводу в античное время, как мы можем об этом судить, не проводилось.

Простые нормы ранне-исторической морали, пришедшие на смену все еще остающейся патриархальной античности представлялись надежным фиксатором исторических событий в целом – и людских намерений в частности. Очевидность подобного измерения исторического времени первоначально не вызвала больших сомнений. В разных апологах в целях достижения полной ясности понимания истории отрабатывались и шлифовались приемы нравственной оценки. Но что парадоксально? Чем более интенсивными становились нравственно ориентированные изыскания – вспомним хотя бы Стою – тем все отчетливее прорисовывались контуры парадокса, зафиксированного уже ранне-христианскими авторами: «Если Бог – всемогущ, то может ли он создать камень такого веса, который будет не в состоянии поднять?» Острота парадокса только подчеркивалась представлением о том, что Бог является самым совершенным нравственным существом, и, уж коли ему сия задача не по силам, то о людях и говорить нечего. Получалось так, что содержание исторического прошлого в настоящем обретало совсем не дружественный характер. Поэтому не случайно, на наш взгляд, Августин Блаженный так решительно атаковал понятие «время». Однако, нанося удары по понятию «время», христианские богословы не могли не понимать, что такие понятия, как «историческая память», «исторический диалог эпох», существуя и углубляясь в толщу исторической практики, продолжают свое бытие без должного теоретического объяснения и понимания.

Такого рода застой в развитии философии истории растянется на почти полторы тысячи лет и продлится едва ли не до эпохи Просвещения, изредка прерываясь вспышками интеллекта в пору Возрождения и Нового времени, которые знаменовали собой наступление рациональной эпохи в философии природы и теории методов познания (Н. Кузанский, Д. Бруно, Р. Декарт, Б. Спиноза и др.), практически не затронув поле исторического исследования.

Из сказанного вовсе не следует, что на протяжении пятнадцати столетий поиск универсального исторического мерила прекратился. С одной стороны, философский авторитет античности, провозгласивший мораль как доминанту исторической оценки, был непререкаем (Аристотель, например, и сегодня остается звездой первой величины для десятков современных католических университетов мира), с другой – уже Никколо Макиавелли в своем «Государе» в ряде случаев вынужден признавать, что мораль и политика (история в узком смысле слова), в определенных случаях не совпадают. При этом несовпадение носит не случайный, ситуативный характер, а непосредственно влияет на мотив исторических поступков государя, как субъекта истории.

По сути, история в сознании философов, не говоря об обывателях, перестала быть одномерной. В ней обнаружились разные пласты – прагматика, уровень принятия решений, поколенческая связь и т.д. Эти пласты вступали между собой в сложные взаимодействия, менялись местами, обретали разные оценки у современников и потомков.

Мы уже упоминали об «окопном синдроме» истории, и должны подчеркнуть, что возник он не сегодня, а уходит корнями в далекое прошлое, которое по отношению к настоящему отнюдь не безобидно. Убедиться в этом несложно – достаточно посмотреть на замысловатые па современных украинских историков, когда они начинают создавать произвольные исторические конструкты, в которых «свободно» оперируют историческими терминами, таким образом, что в официально одобренную национальную историческую память умещается и лингвистическое первенство украинского языка в семье славянских языков и лидирующая роль украинского менталитета в процессе кристаллизации исторической памяти европейских народов (вспомним сюжет, причем максимально не украинизированный, кинофильма «Ярославна – королева Франции» - удивительное переплетение подлинного историзма и эмоционально окрашенных, а порой и откровенно политически ангажированных мнений).

Ясно одно, современная практика социального управления – справедливости ради заметим, что Украина здесь – не одинока – не чуждается манипуляций с исторической памятью, что само по себе очень опасно. Однако, оставим на время экскурсы в современность, как бы интересны они не казались, и вернемся на историческое поле.

Вплоть до XX века разрешение подобных познавательных ситуаций осуществлялось путем редукции сути всех наблюдаемых явлений общественной жизни к понятию «историческое время». Механизм выявления его содержательных черт, по мысли А. Тойнби, сводился к системе «Вызов – Ответ», которая историческим и философским сообществом, исключая профессиональный отряд советских философов, воспринималась как в целом удовлетворительная, хотя и нуждающаяся в ряде уточнений.

Действительно, если пренебречь частными моментами, доктрина Тойнби выглядела вполне убедительно, а для некоторых историков продолжает оставаться таковой и сегодня.

Причина подобной методологической эластичности доктрины крылась в особом восприятии самого термина «история». Нигде специально не оговаривая объем и содержание понятия «история», Тойнби использует его в предельно широком смысле слова, одновременно переплетая в своих исследованиях субъективные и объективные исторические факторы на общем фоне реализации свободной воли, реализующего свои цели человека. А. Тойнби и его последователи, таким образом, преодолевали главное затруднение исторического исследования – задачу строгого определения содержания термина «история», и связанные с ней проблемы определений дальнейших методологических ракурсов. Этот по-своему изящный теоретический фортель, позволил Тойнби обойти препятствия, воздвигнутые еще А. Далем, который, как известно, в своем «Толковом словаре» указывал до десятка возможных определений «истории». Заметим, что Тойнби, прямо об этом не говоря, не столько пытается универсализировать историю как таковую, сколько стремится быть свободным от строгих теоретических обоснований конкретных причинно-следственных связей, возникающих в историческом пространстве. В самом деле, здесь возникает целый букет вопросов: почему эти связи возникли, от кого или чего это зависит, как они зафиксированы в истории (механизмы исторической памяти и т.д.), способы и формы оценок и т.п.

Видимо, не случайно стремясь выйти за пределы жестких причинно-следственных исторических схем, А. Тойнби прибегнул к приему исторической эссеистики, который возбуждал читательский интерес, но нарушал методологический канон, запрещающий использование сослагательного наклонения в историческом исследовании. Его историкоподобные зарисовки подобного профиля (например, «Чем бы закончился поход А. Македонского на Восток, если бы он не умер в Индии?») невольно порождали сомнения в самой возможности построения магистральной истории. Вот почему уже во второй половине XX века возникают серьезные сомнения в правомерности тойнбианской исторической схематики, приведшие к возникновению альтернативного ряда точек зрения, среди которых выделялась позиция Э. Х. Карра – известного британского историка. Он стал известен в научном мире, как яркий представитель идеи исторического детерминизма, не побоявшийся скрестить шпаги с такими крупными специалистами, как К. Поппер и И. Берлин, отстаивавшими, как и Тойнби, принцип свободы воли в истории. Карр в ситуации острого теоретического противостояния обратился к изучению советского периода России, который, на его взгляд, изобилует примерами торжества детерминистской модели исторического объяснения над различными либеральными концепциями истории, отталкивающимися от принципа оценочного плюрализма и сводящими исторические объяснения к принципу гедоники [4, с. 27-31]. Британский историк разглядел в логике современного ему гедонизма очевидные попытки редуцировать философскую схему к ощущению простых радостей жизни, которые, по словам Маркса, становились «пустой фразой, как только они начинали претендовать на всеобщее значение и провозглашали себя жизнепониманием общества в целом [6, с. 391].

Запутанность возникающей социально-философской оценки становилась осязаемой, как только, вспоминался фрагмент из «Диспута» Г. Гейне: «Бери барабан и не бойся, целуй маркитантку звучней, вот смысл глубочайший искусства, вот смысл философии всей» [1, с. 150].

Видимо, не случайно к этой непростой задаче обратились взгляды ученых широкого профиля, начиная от историков и философов и кончая системотехниками.

В первой половине прошлого века интересно обозначилась позиция Мориса Хальбвакса[9], которая расширила поле традиционных исторических разработок и ставшая одним из первых исследований социально-исторических функций памяти. Рельефность выводов М. Хальбвакса подчеркивалась в работе «Эпоха крайностей» содержательными заключениями другого британского историка Э. Хобсбаума[10], стоящего на позициях материалистического понимания истории и охарактеризовавшего прошедшее столетие как «короткий XX век».

Эти оценочные позиции были неоднозначно восприняты как отечественными, так и западными авторами прежде всего потому, что соприкосновение понятий «память» и «история» рождало массу нерешенных вопросов как теоретического, так и методологического свойства.

Из множества, остающихся нерешенными проблем, попробуем ответить на вопрос: «Что именно объединяло позиции Э. Х. Карра, М. Хальбвакса и Э. Хобсбаума в один исследовательский кластер?» По всей видимости – это стремление хоть как-то упорядочить разнообразные виды и формы взаимодействий памяти и течения исторического времени.

Эти соприкосновения могут быть, по Хальбваксу, прямыми и опосредованными, эмоционально наполненными и холодными, терминологически определенными и погруженными в речевую обыденность, т.е. любыми по форме, но всегда направленными на получение определенного эффекта запечатления и кристаллизации оценочного бытового поведения (речевые клише, физиогномические реакции, выбор диеты, люди и т.д.). Например, современные китайцы до сих пор исключают из своей диеты молочные продукты в знак народной памяти об ужасах давнишнего монгольского завоевания, т.е. один энергичный мазок наполняет все живописное полотно народной жизни новым содержанием. Вот почему так обострился современный межкультурный, этнический, расовый диалог, который проходя в едином историческом поле, создаваемом *homo sapiens*, порою приобретает форму резких конфликтов. Их преодоление в стиле Киплинга – «что делать, бывает...» – в современных условиях становится практически невыполнимым и потому научное сообщество продолжает напряженно работать в этом направлении. Основная проблема, с которой оно столкнулось – это проблема организации разных уровней и форм памяти в одно согласованное и упорядоченное целое. В самом общем виде память по способу существования может быть представлена как точечная и объемная. Очевидно, что точечной памятью индивидов легче манипулировать и активно влиять на нее посредством клипового мышления на TV, других информационно-прессинговых кампаний в масс-медиа, которым в первую очередь, подвержена молодежь. Таким образом, под жесткий социальный контроль попадают связи поколенческой трансляции, которые, как правило, окрашены в психоэмоциональные тона, которые не обременены профессиональными знаниями и потому, с точки зрения социального проектирования, представляют едва ли не идеальный материал для возведения произвольных (историки либерального толка говорят в таких случаях о пространстве реализованной свободы), а на самом деле политически ангажированных конструкций.

Однако историческая действительность плохо согласуется с подобными «социологическими» проектами, поскольку, как уже отмечалось, опирается на разные виды памяти.

Так, задачи концептуального содержания решаются на уровне объемной памяти, подчиненной законам логического дискурса. До недавней поры концептуальные проекты – а это уровень рационального мышления – реализовывались в основном в семантическом и синтаксическом поле интернета. Территория эта представлялась с точки зрения информационных технологий надежно освоенной и устойчиво управляемой (кое-где уже в этой связи заговорили об информационном рабстве), но совсем недавно в компьютерных кругах зазвучали предложения, направленные на коренную реорганизацию интернета, которые, в свою очередь, должны наполнить коммуникативные связи консолидирующими пространство общественной памяти новым содержанием.

Британский ученый Тим Бернес-Ли, создатель Всемирной паутины, считает свое детище – извращенной версией первоначального замысла (создание мировой мега-Сети) и предлагает вернуться к началу: каждый хранит в сети свою личную информацию, не относя к себе общесетевые положения. Только так, человечество приблизится к созданию идеальной модели интернета [3]. Перед нами образец возникновения очередных исторических иллюзий по поводу возможности создания компьютерного универсального устройства, помещенного на фундамент солидных знаний в области информационных технологий.

Несложно догадаться о причинах их возникновения – они лежат в области представлений современных людей о всемогуществе вычислительной техники, которая способна решать любые задачи.

Не вдаваясь в подробности философии техники, ограничимся только суждением о том, что современный ансамбль научного знания продолжает оставаться на принципе предметности. Поэтому как бы не велики были достижения в области синтеза научных дисциплин с помощью математики, ее глубокое проникновение в такую философскую дисциплину как логика, к счастью, саму логику оставляет в поле философских аналитик. Аналогичным образом и временной исторический континуум устоял несмотря на все усилия А. Т. Фоменко создать новую хронологию с помощью все той же математики, которая позволит, по его мнению, вычислить историческую истину [8].

Подобные эффекты мы наблюдаем и в традиционной гуманитаристике, когда философия, литература, психология, причудливо переплетаясь, создают перекличку идей (содержательную и потому плодотворную), но иногда порождают тяжелые заблуждения.

Выше мы уже касались проблемы упорядочивания истории, памяти, искусства и отмечали большую запутанность вопроса в сознании представителей философского, социального и исторического знания разных эпох и разных профилей. Стремление к диверсификации гуманитарного подхода привело к тому, что, умножая число предметных аналитик, таких как «история и мораль», «история и религия», «история и искусство», мы в аналитическом запале не замечали того, что, углубляясь в частное (мораль, религия и т.д.), мы вуалировали общее, т.е. саму историю, которая при этом продолжала оставаться многозначной и неочевидной.

Действительно, строя различные формы диалога «настоящее – прошлое», мы замечаем, что предмет, нас интересующий, по-разному присутствует в нас, будучи зафиксированным в трех исторических измерениях. Настоящее в своих оценках прошлого грешит непостоянством (это еще мягко сказано), а уж относительно будущего оно вообще порой бесцеремонно. Эту удивительную смысловую игру можно наблюдать на отрезке XIX – XX вв. на примере, поражающем нас своими контрастами. Оценивается один предмет – «искусство» и его влияние на жизнь человека. Оценщики: с одной стороны, немецкий философ XIX века Ф. Ницше, с другой – русский поэт XX в. И. Бродский. По Ницше – «искусство дано человеку чтобы не сойти с ума», а Бродский видит в искусстве «гармонизацию человеческого духа», мира в целом. Как сказал бы А. С. Грибоедов: «Дистанция – огромного размера!», оценивая масштаб разрыва оценок, но мы попытаемся разобраться в причинах возникновения такого впечатляющего разлада в сфере историко-социальной идентификации всего за несколько десятков лет.

Если XIX в. устами Ф. Ницше прямо или косвенно подтверждал культурологические умозаключения Шпенглера, изложенные в «Закате Европы», то русский поэт XX в. И. Бродский координирует задачи истории и искусства уже по-иному, кардинально изменяя и форму, и смысл оценки. Ницше работал по формуле «от чего» искусство спасает исторического человека, Бродский же в этой формуле заменяет предлог «от» на предлог «для» и смысл сказанного им диаметрально меняется. Как видим, на протяжении одного только столетия ценностная матрица такой важной составляющей истории как искусство перевернулась с головы на ноги. И дело здесь не в индивидуальном подборе оценщиков, или особенности их нравственных ориентаций, а в понимании самой сути дела. Невольно на ум приходят слова К. Маркса из уже цитируемой нами «Немецкой идеологии», характеризующие способ, рождения оценочных матриц «прошлого» и «будущего» в мышлении: «Это зависит не от сознания, а от бытия; не от мышления, а от жизни; это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивида, зависящих, в свою очередь, от общественных отношений. Если обстоятельства, в которых живет этот индивид, делают для него возможным лишь одностороннее развитие одного какого-либо свойства за счет всех остальных, если они дают ему материал и время для развития одного только этого свойства, то этот индивид и не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития. Никакая моральная проповедь тут не поможет» [6, с. 239].

В случаях, подобных рассмотренному, приходилось по ходу дела признавать досадные факты несовпадения исторического понимания и исторического объяснения.

Марксову мысль, на первый взгляд весьма очевидную, длительное время было принято трактовать как наглядный пример срабатывания (правда, на социологизаторский манер, учитывающий причинения, идущие от одних только общественных отношений, взятых как таковые; иные взаимодействия в расчет не принимались) материального фактора в истории, что приводило к серьезным искажениям последней.

Препарированная, таким образом, история, когда категории «общественного бытия» и «общественного сознания» брались исключительно в контрастно-понимаемом соотношении, практически исключало возможность человеческим, понятным языком раскрыть причину возникновения смысловых турбуленций в истории, подобных той, что уже была рассмотрена выше. Если на них и обращалось внимание, то только как на проявление исторической парадоксальности, лежащей за пределами категориального анализа. Ситуации, подобные изложенной, и приводили, на наш взгляд, к закреплению специфической роли «вечных вопросов» в процессе объяснения и понимания истории, что с некоторыми оговорками можно рассматривать в качестве своеобразного механизма смысловой конверсии теоретического и обыденного уровней сознания. Эта склейка уровней до сих пор не очевидна гуманитарному знанию, но проблема начинает постепенно проясняться.

Мы уже в начале статьи касались этого вопроса, но учитывая его многогранность и глубину, затронули далеко не все его аспекты, особенно те, которые относятся к пониманию феномена «социальная память», его передачи, хранения и т.д. Морис Хальбвакс, углубившийся в историческую феноменологию, одним из первых в начале XX века обратил внимание на это явление. Ему принадлежит пока еще спорная, но конструктивная мысль о том, что история, как таковая, и память о ней (а она, заметим, по своей природе всегда субъективна) находятся между собой отнюдь не в контрарном, а в контрадикторном соотношении.

С логической точки зрения решение этого вопроса очевидно, но только мы погружаем его в содержательную конкретику, как сталкиваемся с неравномерностью и неравновесностью истории, затрудняющими историческую компаративистику как таковую.

Допустим, в стиле уже упомянутого А. Т. Фоменко, что нам условно удалось квантифицировать «прошлого», «настоящего» и «будущего», т.е. представить содержание каждого из обозначенных временных разрезов в соотносительной логике. Если да, то можно ли за одну условную единицу «настоящего» дать столько же «прошлого» и «будущего»? Или мы готовы за что-то из перечисленного дать больше или меньше?

При ближайшем рассмотрении перед нами возникают классические вопросы из области теории социальных измерений: «что такое шкала измерения по своей природе?» и «что такое единица измерения?» Будучи совмещены, эти вопросы неизбежно продуцируют третий, самый коварный: «совпадают ли между собой «шкала» и «метод измерения»?

За частоколом логических рассуждений кроется вопрос о том каков может быть объем заблуждений в контрарном и противоречивом соотношении «истории» и «памяти». Если мы оперируем указанными понятиями контрарно, то, следовательно, между ними располагается нечто такое, что может быть, как истинным по своему содержанию, так и ложным. Если мы в этой конфигурации отталкиваемся от истинного посыла первого, то однозначно можем заключать о логической природе второго, но если ложно первое? Тогда-то и возникает смысловая сутолока, ответственная за возникновение множества недоразумений в поле философской оценки, которые постмодернизм вкупе с другими современными течениями попытался разрешить с помощью гносеологической установки, граничащей с примитивизмом: «Я так вижу». Это позволяло удерживать в поле анализа любую ситуацию, но практически исключало возможности содержательных переходов, построения какой-то определенной теоретической базы, т.к. строгость логического следования контрарных понятий была нарушена.

Переход к противоречивой схеме, с логической точки зрения, тоже не может считаться панацеей, т. к. дихотомия, лежащая в основе схемы, содержательно обедняет вывод – от А мы можем заключать только о не-А – хотя операционально и выглядит основательней.

Вероятно, это инстинктивное стремление обогатить вывод новым содержанием и толкало субъектов культуры на логические небрежности, которые, по мнению М. Хальбвакса, осложняли процесс запечатления истории в памяти. Проще говоря, субъективированные формы культуры, оседая в общественной памяти, вольно или невольно вызвали искривления восприятия истории. Не исключено, что размышления, подобные этому, подтолкнули Тютчева написать известные строки: «Кто может знать, как слово наше отзовется...»

Загадочные, на первый взгляд, слова русского поэта XIX века нашли широкий отклик в отечественной литературе XX века. Разноплановость творчества И. Бродского, В. Чивилихина, Д. Балашова, В. Солоухина наглядно очевидна, но обращает на себя внимание их пристальное внимание к роли памяти. И «Память» В. Чивилихина, и «Камешки на ладони» В. Солоухина – остальные произведения и их авторов не упоминаем только из-за недостатка места – посвящены тщательному изучению механизмов формирования памяти, языковых возможностей расширения ее культурного потенциала и вширь, и вглубь и т.д.

Однако вопрос о роли памяти, как видоизменяющего фактора исторического времени, рассматривался по преимуществу в узком смысле слова, когда объемы и содержание памяти осмысливались в объеме понятия «субъективный фактор», что практически сразу же исключало память из числа причиняющих начал, т.к. было невозможно представить себе историческую связь, в которой бы идеальное начало детерминировало материалистически истолковываемую историю. Поэтому события 1917 года осмысливались как перелом мировой истории, который на долгое время вперед определил характер и силовую природу истории. Память в этой трактовке не рассматривалась в числе ведущих исторических детерминант. Таковой оказалась плата за линейное восприятие поступательного хода развития истории, которое, в свою очередь, было обременено прогрессорскими умонастроениями, раскладывающими историю на стадии закономерно сменяющие друг друга.

Совсем иначе эта ситуация стала выглядеть в самом конце XX века, когда начался отсчет новейшей истории, разворачивающийся на фоне исторического плюрализма. Вопрос заключается, на наш взгляд, не только в том, что на смену идеологическому монизму советской истории пришёл контрастный по отношению к нему ценностный комплекс либерального типа (на этот момент по преимуществу и обращал свое внимание Э. Хобсбаум), сколько в том, что во время «исторической пересменки» в очередной раз (!) на конкретном отрезке истории произошла (конспирологический аспект оставляем в стороне) смысловая рокировка понятий «воля» и «свобода», данная нам, как уже говорилось, в виде забавной перестановки мест предлогов «от» и «для», а на самом деле разрушающая нормативные пласты сознания путем растворения границы между «можно» и «нельзя». Сам по себе

слом одной нормативной системы и замена ее другой для истории болезненный, но привычный. Однако в настоящее время завязывается совершенно иной исторический сюжет.

Если XIX и XX века, устами Ф. Ницше и И. Бродского, произнесли диаметрально противоположные оценки искусству и его роли в истории, заставив нас восхититься масштабностью их мышления, то XXI столетие решительно приступило к реформатированию истории в целом. Совсем иначе в исторической памяти современников стали присутствовать знакомые ранее исторические персонажи, которые вдруг изменяли свой привычный облик и обретали неведомые ранее качества. Стоило несколько сместить акценты медико-биологических исследований останков Ивана Грозного, или под другим углом оценить его полемический, публицистический дар (вспомнить хотя бы его переписку с А. Курбским), как на авансцену исторической проекции уже выступает не злобный самодур, убивший своего сына, а тонкий, проницательный социальный аналитик XVI века...

Или вспомнить возникновение новых современных трактовок реформаторских усилий Петра Великого, авторы которых теперь готовы сохранять за именем Петра в исторической памяти лишь числовой индекс его правления без упоминания значения его преобразований. Эластичность наличной памяти становится шокирующей, когда от оценочной матрицы личности Петра I («царь-реформатор», «царь-тиран»), которая так или иначе вбирает в себя всю палитру человеческих проявлений этого персонажа, мы уже деловито препарируем историю в нашумевших кинолентах «Матильда» или «Смерть Сталина». И дело здесь даже не в той бесцеремонности, с которой мы перетряхиваем историю – это – вопрос этических завихрений, культурой освоенный – а в том, что на протяжении жизни одного-двух последних поколений произошел глубинный сдвиг в характере и способе взаимодействия памяти и истории. В этой связи обостряется вопрос о допустимости насильственного вторжения в память (речь идет о сносе памятников, деформациях языка, манипуляциях со СМИ), насколько силовые действия по отношению к памяти деформируют историческое сознание, влияют на его устойчивость и качество.

На самых ранних стадиях истории и в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, основная нагрузка по достижению более или менее плавного хода истории ложилась на плечи такого социального института как семья, внутри которой и происходило ролевое обеспечение и производство этой общественной задачи с одновременным контролем. В результате закреплялся общественный стереотип поведенческих приемов поколений, который и придавал истории необходимую увесистость и значимость, закрепляясь в нормах бытовой речи.

В настоящее время мы наблюдаем функциональную и частично структурную перестройку общественной системы, когда происходит резкое смещение смысловых центров социальной памяти во внешний план, поддерживаемый со стороны государства коммеморационной политикой, включающий огромный комплекс средств контроля и производства феноменов сознания, начиная от индивидуальных и кончая общественными (работа с памятниками, образовательные программы, музейное дело и т.д.). Особую роль во всей этой деятельности играет язык, который воспринимается уже не столько как средство общения, но, прежде всего, как смысловое пространство памяти, открытое для всевозможных перестроений истории, начиная от различных смысловых исторических маневров с частицей «бы» в стиле А. Тойнби и заканчивая законодательным творчеством в области языковой политики Украины в настоящее время. Последнее вполне может быть использовано как декорация в театре абсурда, но вернемся к основной теме, хотя последнее замечание, показывает, как тесно переплелись разные уровни, формы исторического сознания, как непредсказуемое прошлое загадочно отображается в исторических прогнозах будущих процессов, незримо заявляя о себе уже сегодня.

Как ни странно, но социальная память пока справляется с задачей панорамного видения истории, хотя последнее время ее осуществление становится все более затруднительным, ввиду того, что разрыв между целостным и стадийным временным восприятием достиг критических размеров. Еще шекспировский Гамлет, горевал о нарушении связи времен, но была жива надежда на её возможное восстановление... Похоже, что настоящее окончательно разрушает надежды, что история когда-нибудь обретет долгожданную устойчивость, которая бы позволила ей утвердиться в антропном измерении, стать близкой и понятной человеку.

Подтверждением сказанному может служить серьезный конфликт, который осложнил украинско-польские отношения в связи с принятием изменений в польский закон об институте национальной памяти. Эти изменения, по мнению украинской стороны, могут навредить и той и другой стороне. За этой внешне взвешенной оценкой скрываются очень серьезные встречные претензии в области исторической оценки.

Для украинских и значительной части отечественных историков украинский гетман Богдан Хмельницкий выступает как лидер национально-освободительного движения, тогда как польская сторона, восстание казачьей вольницы напрямую связывает с Холокостом, усматривая в украинском национальном герое лицо, которое сделало «первый аккорд в гибели Речи Посполитой» [7]. При этом польский сенат значительно расширил временные рамки принятого закона, распространив его не

только на далекое прошлое, но и включив в него указание о наступлении уголовной ответственности за пропаганду «бандеровской идеологии».

Наблюдая со стороны, за разгорающимся дипломатическим скандалом, мы видим, что обе стороны не считают себя обязанными соблюдать нормы дипломатического протокола, особенно тогда, когда речь заходит о прошлом. Такая решительность в поведении сторон обусловлена на наш взгляд, тем обстоятельством, что и та и другая сторона, преследуя собственные цели, неожиданно для себя вдруг оказались в одной лодке, т.е. превратились в страны с непредсказуемым прошлым.

Исторические игры в измененную память, похоже, относятся к числу излюбленных исторических построений людей и в разные исторические периоды, представители разных культур и народов, используя, разнообразные приемы (от античного мифа до современных юридизмов) неустанно продолжают предаваться этой, скажем так, исторической утехе, которая не однажды приводила к печальным результатам, и это несмотря на разнообразие примененных средств и методов.

Если оглянуться в наше историческое прошлое, то мы не можем не признать основательности, с которой Гесиод и Гомер возводили мифологический каркас истории античности. Его эволюция в XVIII столетии привела к созданию в эпоху Просвещения разветвленной социальной утопии, диалектически снятой в дальнейшем доктриной Маркса, в свою очередь, приведшей в XX веке к «Бунтующему человеку» А. Камю. XXI век попытался успокоить страсти XX в. концепцией мультикультурности, но, увы, безуспешно, – она распадается на глазах на просторах Европы.

Видимо, генерализация материала всегда имеет какую-то толику исследовательской ценности. Подчеркнем – только какую-то. Поэтому спору нет – беглый взгляд на историю, тем более в рамках статьи, выглядит всегда, скажем мягко, незащитно и немного наивно, но именно наив в своей простоте позволяет нам интуитивно угадывать направление силовых связей истории (особенно истории, творящей себя по рыночным лекалам), их отражение в памяти, так необходимое нам всем для понимания бережного отношения не только к историческим фактам, но и к способам их хранения и понимания, т.е. памяти. Поддавшись историческому очарованию наива, идущего из глубины XIV века, вспомним тихие слова из духовной грамоты великого князя Семена Гордого: «А пишу вам се слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла» [2, с.14].

Список литературы

1. Гейне, Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2 / Г. Гейне. – М.: Художественная литература, 1975-1980. – 315 с.
2. Гумилев, Л. Чтобы свеча не погасла / Л. Гумилев, А. Панченко. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 128 с.
3. Кадочникова, С. Спаси, не сохраняй. Интернету грозит уничтожение (28 января 2018) / С. Кадочникова // Lenta.Ru (Лента.Ру): сайт. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/01/28/webisdead/> (дата обращения 29.01.2018).
4. Карр, Э. Х. История Советской России / Э. Х. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
5. Курилла, И. И. История, или Прошлое в настоящем / И. И. Курилла. – СПб.: Изд-во европейского ун-та в СПб., 2017. – 168 с.
6. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
7. Порошенко обеспокоился польской концепцией истории // lenta.ru (Лента Ру): сайт. – URL: <https://lent.ru/news/2018/02/18/history> (дата обращения 20.02.18).
8. Фоменко, А. Т. Истину можно вычислить. Хронология глазами математики / А. Т. Фоменко. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 479 с.
9. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
10. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914 – 1991 / Э. Хобсбаум; [пер. с англ. Е.М. Нарышкиной, А.В. Никольской]. – М.: Независимая Газета, 2004. – 630 с.

Статья поступила в редакцию 10.03.2018

Korkishko, A. P. History of memory ore memory of history?

The article focuses on complicated complex of historical bonds and their different aspects in memory reflection. It is an attempt to combine traditional, categorical basis of historical investigation with historical memory for deepening knowledge of the humanities.

Keywords: historical knowledge, historical memory, social consciousness, form of culture, individual memory, generational translation

УДК 141.5:2-335(470)"1852/1923"

В статье рассматривается концепция свободы в философии Л. А. Тихомирова. Русский философ раскрывает особенности различных форм свободы человека, понимая под свободой процесс самоосуществления человека. Условием и защитой свободы личности видится государство, которое способствует стремлению человека к осуществлению своих интересов. Индивидуальная свобода конкретна и деятельна и не может быть осуществлена, если нет потребности в ней.

Ключевые слова: мир, свобода, человек, государство, Л. А. Тихомиров

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ Л. А. ТИХОМИРОВА

Лев Александрович Тихомиров (1852 – 1923) – религиозный мыслитель, политический деятель, один из представителей консерватизма. По его мнению, Россия не могла не быть монархическим государством. Уже в языческий период, идея монархии, соединенная с политикой племен привела к зарождению Русского государства. Более того, утверждал мыслитель, монархия является, наиболее соответствующей духу русского народа. Отличительная черта русского духа – это любовь и стремление к свободе.

Что такое свобода? На этот вопрос, как считал мыслитель, можно ответить, только выделив ее основные признаки. Прежде всего, свобода должна быть реальной. В этом случае, люди имеют возможность отстаивать свои права и интересы, бороться за собственность, противостоять любым негативным внешним воздействиям. Реальность свободы обуславливается динамикой взаимодействия всех форм ее проявления. Иллюзия свободы, попытки ее подмены «пустыми обещаниями» недопустимы.

Во-вторых, утверждал Тихомиров, свобода должна быть многообразной. Многообразие форм свободы, охватывающих различные стороны общественной жизни, способствует укреплению государства, сплочению власти и граждан. Государство, имеющее власть, конечно, не может ни ограничивать свободу своих граждан, различными требованиями и предписаниями. В тоже время, оно имеет власть и над другими людьми, поэтому способно обеспечивать и расширять границы проявления индивидуальной формы свободы, поэтому государственная власть способна препятствовать произволу и стеснению свободы одними людьми по отношению к другим.

В-третьих, свобода должна быть конкретной. Только, в этом случае, свобода будет иметь положительный смысл. Тихомиров пояснял, гарантами и носителями свободы являются реальные социальные силы, ставящие конкретные задачи и требования, предпринимающие действия по их достижению. Жизнь человека как существа социального, политического и духовного, также неразрывно связана проблемой свободы, подчинения власти и влиянию авторитета. Человек наделен умом, волей, чувствами, именно он является главным источником и целью свободы. Ведь только конкретный человек может испытывать реальное психическое состояние внутреннего освобождения.

Мыслитель выделял три основных формы проявления свободы в обществе: политическую, гражданскую и внутреннюю, но их нельзя разграничивать и рассматривать независимо друг от друга. Эти формы взаимосвязаны и представляют собой некое социальное целое, объединенное основополагающим элементом свободы. Такой подход, как утверждал Тихомиров, позволяет исследователю избежать односторонних определений свободы, выявить ее механизмы действия и причины возникновения как социального феномена.

Анализ политической формы свободы требует научного обоснования сущности социальных явлений, критериев действий социальных сил. Свое исследование, мыслитель начинает с несвойственного для консерватизма положения: социальная жизнь человека – это природно-материальный процесс, опирающийся на действие различных законов. Можно знать эти законы и использовать их, можно только догадываться об их существовании. Но в том или другом случае, необходимо прийти к выводу, что политическая жизнь не свободна и строго детерминирована. Даже в тех случаях, когда люди стремятся проявить свою волю, стремления в осуществлении цели, они действуют в границах обусловленных социальной необходимостью.

Общество и государство, таким образом, явления мира необходимости, а не свободы. Более того, социальные процессы могут быть обусловлены чисто физическими факторами: условиями питания,

борьбы с природой, свойствами территории и т. д. Если же в обществе и существует потребность в свободе, то такая потребность объясняется тем, что само человеческое общество организовано существами, обладающими духовной жизнью, неспособными отказаться от свободы. Люди проявляют свободные действия в различных духовных процессах, например, в проявлении чувств, эмоций, стремятся распространить свободу и на социальные явления их жизни. Однако, как подчеркивал Тихомиров, даже глобальные исторические процессы состоят из небольших социальных событий, что и не позволяет исследователям выявить реальные причины и границы действия политической свободы.

Государство представляет собой союз людей, расслоенных на различные социальные группы. Такие группы, мыслитель назвал кооперацией, как некую совокупность социальных связей, образованных на основе законов. В основе законов лежат чувства и желания людей, которые составляют внутренний психологический мир. Поэтому, политика, в какой-то мере, является выражением чувств, желаний и потребностей, а власть – источником их осуществления.

В основе деятельности государства должен лежать общечеловеческий принцип справедливости, контролируемый и защищаемый соответствующей формой верховной власти. Деятельность власти опирается на отношения принуждения и подчинения. Подчиняясь, люди в тоже время осознают силу своей свободы, ведь познавая необходимость, человек постигает свои возможности и подчиняется только им. Тихомиров считал, что нельзя утверждать противоположность свободы и власти. Это, по его мнению, проявления одного и того же факта. Он писал: «Обладание силой дает свободу как субъективное состояние сильного и дает власть как его объективное состояние в отношении окружающих. Даже равносильные существа, вступая в компромисс или соглашение, не делаются оба только свободными, а также в известных отношениях взаимно подчиняются. Но равносильных существ, вообще говоря, не бывает, а группировка еще более усложняет отношения, отчасти уравнивая силы, отчасти еще более увеличивая их различие. В результате человеческое общество оказывается все соткано из разнообразнейшего сплетения всевозможных видов взаимной власти и подчинения» [1, с.17]

Мыслитель пришел к выводу, что государство, благодаря справедливой власти является главным условием человеческой свободы, а личность приобретает власть над собой и внешними обстоятельствами. При этом каждый человек не подчиняется никому и не может подчинить других, а главное он не в состоянии быть подвергнутым чужому влиянию или давлению и сам не может его оказать. Таким образом, люди стремятся к свободе, при этом власть, сдерживая эти стремления в области политики, контролирует действия социальных сил, а государство их направляет в общечеловеческое русло. Государство только в том случае имеет смысл, если способствует развитию творческих сил человека и его жизни. Тихомиров подчеркивал, что «даже с точки зрения политика, которому дорого только великое государство, его гением устраиваемое, нет пользы, если он для приобретения мира погубит личность. Не создаст он без нее ничего великого и, устранив накопленные до него запасы силы и творчества личности, быстро приведет государство к ничтожеству и распадению» [1, с.322]

Политика и власть не должны строиться на насилии. Тихомиров считал, что сложное психологическое строение личности предполагает в себе не только стремление избежать принуждения, но и желание власти над собой. Критерием этого желания является стремление подчиниться такой власти. Мыслитель не соглашался с мнением, что эту потребность личности можно рассматривать, как результат слабости человека, его неуверенности в себе. Скорее, это выражение скромности, смирения, т.е. общечеловеческих нравственных качеств. Подчинение в той или иной форме свойственно человеку, если, конечно, оно не принимает форму насилия. Власть и принуждение исторически вечны, они выражают природу человека, его стремление к укреплению личной свободы. Субъективная оценка власти и подчинения должна зависеть от того, какие цели преследуют властные структуры и каковы их возможные последствия.

Цели власти разнообразны. Главной, по мнению Тихомирова, является установление и поддержание порядка. Ни один процесс не может существовать без должного порядка, как устойчивого сочетания элементов. Отсутствие упорядоченных связей ведет к неизбежному разрушению и хаосу. В государственной власти, порядок, представляет собой определенную форму общественных отношений. В основе этой формы лежат желания и ощущения людей жить так, а не иначе. Обычаи, традиции, различия пола, возраста и т.п. можно определить в качестве границы фактических отношений. Однако порядок будет устойчивым, только в том случае, если носители власти приведут в соответствие свои личные желания общеобязательным нравственным нормам. Целью существования общественного порядка и государственной власти должен быть живой человек, а не его модель. В этом,

по мнению мыслителя, заключается аксиома государства. Государство защищает безопасность прав и свобод граждан.

Государственная власть должна быть сильной, чтобы, с одной стороны, поддерживать отношения подчинения, а, с другой стороны - доводить до логического результата свои решения. Власть обязана быть разумной и не отступать от реальных интересов своих граждан. Решения власти должны носить законный характер, отрицая любую возможность противозаконных действий.

Одной из форм проявления политической свободы является международная политика. Как считал мыслитель, в основе международных отношений должен лежать свободный договор. Тем не менее он может быть нарушен, ибо для большинства независимых государств, понятие суверенитета является отличным и зависит от собственного решения, поэтому в основе свободного договора должны лежать общечеловеческие нравственные принципы или общий закон, ограничивающие агрессивность внешней политики. В отличие от закона, который предписывает и не может быть отменен, договор, являясь простым соглашением, не всегда, способствует своему соблюдению и быстро расторгается. Причина проста – отсутствие власти или силы, но при этом условии свобода или право победить не могут.

Любая государственная власть ограничена интересами своего государства или нации. В отношении других государств или народов у власти нет никаких прав или обязательств. Даже необходимость участия в международной жизни может нарушаться в ту или иную сторону в зависимости от собственных инициатив. Поэтому мыслитель пришел к выводу, что свобода государства зависит от собственных сил и внутренних ресурсов.

Тихомиров отрицал факт возможности построения всемирного государства [3, с. 448]. По его мнению, этому процессу препятствует ряд причин. Первая причина связана с разнообразием политических форм власти и противоречиями между ними. Вторая заключается в природе свободы личности. Человеческое общение требует нравственного единения, в свою очередь, оно свободно, т.к. связывает тех, кто этого желает и нарушается теми, кто этому противостоит. Поэтому свободное нравственное единение не может способствовать созданию государства, не имеющего силы воздействия. Воздействие предполагает власть, а без власти государство бессильно.

Не является условием возникновения всемирного государства и культурное единение народов. Как утверждал Тихомиров, оно не может быть связано с идеей общей власти, а без этого последствия культурного сближения имеют совершенно другие цели. Общественные идеалы, скорее, ведут к усилению необходимости существования отдельного государства, чем к сближению наций. Чем более творчески развиваются общественные идеи блага внутри нации, тем труднее для нее отказаться от своей самостоятельности. В результате, если возникнет возможность создания всемирного государства, то только по причине господства одного из сильнейших государств и путем объединения остальных.

Тихомиров подвергал критике социал-демократическую и анархистскую концепции государства. При социализме на первый план выходят материальные условия производства, которые ограничивают внешнюю свободу. Личность перестает быть основой государства, утрачивая возможность реализации своих внутренних идеалов и запросов. «Личность не есть основа, не есть начало, а следствие, результат» [2, с.412]. Утрачивая возможность верить, а вместе с ней связь с Богом, человек становится внутренне не свободен. Анализируя работы Ф. Энгельса, мыслитель пришел к выводу, что уничтожение классового государства не приведет к развитию свобод личности. Принудительная власть одного класса над другим будет существовать, а права личности не станут целью государственного строительства. Для социализма необходима личность дисциплинированная и исполнительная, а не сильная и решительная. Человек должен преклоняться перед обществом, чьи задачи развития обязаны стать целью его жизни.

Для концепции анархизма, наоборот, идеалы личности выходят на первый план. По мнению Тихомирова, анархизм мог зародиться только, в тех странах, где развита духовная культура. Когда личность утрачивает религиозную веру, возникает тенденция отрицания необходимости подчинения. Анархизм утверждает, что человек сам может стать Богом и быть выше всех внешних обстоятельств своей жизни. Люди имеют право относиться друг к другу как они этого желают, следовательно, нет необходимости в каких-либо властных структурах. Свобода не совместима с существованием опеки со стороны власти, которая может быть заменена на свободный договор между гражданами.

Важное значение Тихомиров придавал гражданской форме проявления свободы, условием которой является стремление личности к свободному проявлению своих интересов. В то же время, личность, живя в обществе, должна подчиняться условиям и законам общественной жизни. Свобода личности не может быть абсолютной, так как возможности различных социальных сил и структур,

всегда более широкие. Неслучайно мыслитель обратил внимание на проблему защиты прав и свобод граждан. Он указывал, что проблема заключается не в том, как общество обеспечивает функционирование системы защиты, а в том насколько она эффективна.

Общество и государство - это среда развития и жизни личности. Все формы социальных связей являются такими, какими их может создать личность. Если государство стремится к ослаблению способности созидательного творчества, то оно может погубить даже необходимые формы общественных отношений. Таким образом, вопрос о личности прямо связан с проблемой развития политики и права. Личность переживает негативное отношение к себе. В способности оценить личность и ее права выражается степень уважения к ней со стороны государства и власти. От степени этой способности зависят возможности государственной жизнедеятельности. Так, по мнению Тихомирова, рождается система гражданской свободы и права, учитывающая интересы человека как индивидуальности и как гражданина.

Охрана прав и свобод в любом типе общества всегда относительна. Расширение границ системы охраны возможно при условии действия двух взаимосвязанных причин: разумности в развитии общественного мнения и в обеспечении развития самой личности. Для осуществления этих причин, как считал Тихомиров, необходимо, существование в обществе разумной системы авторитетов. Общество разделено на различные социальные слои, выполняющие многообразные функции. Каждый человек – это неотъемлемая часть какой-либо социальной группы, имеющая свои обязанности. Выполняя их, человек нуждается в совете, в руководстве от людей наиболее уважаемых в обществе. Идеи этих людей, обладающих авторитетом, укрепляют веру граждан в принятые решения и осуществляемые действия.

Гражданские свободы не возникают сами по себе, условием их существования являются гарантии со стороны государства. Однако если государство основано на «ложных обещаниях», то гражданская свобода превращается в фикцию. Возможность участия личности в управлении государством должна быть реальной, поэтому, подчеркивал Тихомиров, задачей государства и общества является не гарантия свобод, а укрепление и расширение условий их реального осуществления.

Для защиты гражданских прав и свобод, как считал мыслитель, необходимо развивать общественное мнение. В его основе лежит осознание того факта, что та или иная ступень свободы лежит в основе прав граждан. При этом права личности, как со стороны других людей, так и со стороны государства должны признаваться в одинаковой степени, ибо имеют одно и то же основание – общепризнанное мнение.

Внутренняя свобода – это возможность выполнять разнообразные виды деятельности. Ее основа заключается в уверенности в своих индивидуальных способностях и подчинении внутренним силам, а, главное, в способности ее проявлять. Индивидуальная свобода конкретна и деятельна, она проявляется в многообразных жизненных ситуациях, в отдельных событиях. Событие происходит по причине потребности в нем, так и свобода, как социальный процесс, не может осуществляться, если ее носители не испытывают в ней потребности.

Тихомиров был не согласен с либерально-демократическим мнением о слиянии понятия индивидуальная свобода с правом личности участвовать в управлении обществом. Мыслитель подчеркивал, что участие в управлении государством не отрицает возможности деспотического отношения к отдельной личности. Более того, такой подход не принимает во внимание социально-бытовую сторону жизни человека и затрагивает только его права гражданина. В этом философ видел главную ошибку либерального подхода. Она заключается не только в отрицании роли индивидуальной свободы личности, но и ее духовной основы. Человек перестает быть ответственным за свою свободу, лишается потребности в ней. В государственной политике пренебрежение или враждебность к конкретной личности может проявляться в различных формах, потому что основные законы творчества государства и личности противоположны. Государство действует принудительно и общими мерами. Личность творит только свободно и индивидуально. Эта противоположность принципов существования и творчества естественно может приводить к столкновениям, если только они не устраняются политическим действием, направленным на защиту интересов личности. Личность нуждается в независимости, свободе, иначе она не может развивать творческие силы. Это, по мнению мыслителя, антитеза государственному творчеству. Политическая сознательность власти должна привести к признанию свободы, которая появляется в обществе только из-за личности, и только в тех отношениях, где необходима деятельность личности. Важным фактором, формирующим личность способную к свободе, является ее сознание обязанности долга. Это относится к религии, к семье, к социальной роли человека. От своей свободы человек может легко отказаться, и иногда отказывается.

Долгом он пренебречь не может также как и средствами для его исполнения. В результате этого, такой тип личности становится в государстве опорой гражданской свободы и носителем контроля за ее осуществлением.

Тихомиров не согласился с утверждением Руссо, что человек рожден свободным. Личность не может быть от рождения свободной по трем причинам. Во-первых, человек не свободен в физическом отношении. Он зависит от различных факторов: пространства, времени, действия природных законов, да и просто бытовых условий своей жизни. Свобода человека, по своей природе, может быть только духовной. Во-вторых, сама по себе свобода не предполагает отсутствия нравственных и духовных запретов для действий человека. Она лишь смягчает внешние принудительные требования гражданской власти, развивая внутреннее самостоятельное самоуправление личности духовно владеющей собой. Такое проявление процесса свободы считалось идеалом личности, рожденным христианством. Ее развитие не только не угрожает обществу, а, наоборот, укрепляет самосознание людей, обеспечивая общественный порядок. В-третьих, люди не получают свободу от рождения, а вступают в борьбу за нее, доказывая или опровергая свое право быть активными свободными личностями.

Человек может приблизиться к Богу, но имеет право удалиться от него. Тихомиров объяснял, что причины стремления к «автономному существованию» заключаются в нежелании ограничивать индивидуальную свободу. Человеку свойственно чувствовать себя могущественным, равным Богу. Такое чувство, мыслитель называл «гипертрофией свободы». Гипертрофия разрушает и подавляет все остальные ощущения, нарушая внутреннюю гармонию человека и оставляя только одно, чувство абсолютности. Стремление обрести абсолютную свободу, в конечном итоге, приводит к желанию властвовать и подавлять. Противоположностью этому стремлению человека, по мнению философа, может быть только любовь, стремление к единению с Божественной красотой и благом.

Приуменьшение возможностей индивидуальной свободы или атрофия также нежелательно. Оно превращает человека из «строителя своей жизни» в «покорного слугу» жизненных обстоятельств. При этом личность утрачивает чувство достоинства, гордости, испытывая страх за свои действия и мысли. В данном случае человек утрачивает право быть активным и свободным «Я».

Источником внутренней дисциплины является Бог. Тот, человек, кто любит Бога, видит в нем опору, поддержку для проявления личной свободы. Создавая человека, Бог вкладывает в его душу стремление проявить все свои разумные качества: духовные, нравственные и т.п. Мыслитель указывал, что в отношении личности к себе самой является личной свободой, в отношении Бога является долгом. И постоянное напряженное давление личности на общество в этом направлении является источником гражданского права и гарантией поддержки системы этих прав. Стремление к свободе коренится в самой душе человека, а для этого, необходимо укреплять связь личности с духовным миром, с Богом. Тихомиров подчеркивал, что любые попытки разорвать эту связь ведут к утрате человеком чувства свободы, стремления к саморазвитию. Религия, как считал мыслитель, имеет важное социальное значение, она выражает связь человека с вечностью, абсолютностью. Тихомиров, ссылаясь на Данилевского, утверждал, что абсолютное и вечное не исчезает в человеке в процессе его социальной жизни, наоборот, является основой для укрепления силы личной свободы и стремления к выражению богатства духовной жизни. Церковь имела и имеет важное значение в развитии Российского государства. Она – источник нравственной дисциплины, порядка и влияния на духовное развитие народа. Отказ от религиозных идей ведет к неправильному пониманию места человечества в мире, своих возможностей и свободы. В конечном итоге, это приводит к отрицанию нравственно–духовных основ общественной жизни, возможности социальной справедливости, к подрыву устоев государства и разрыву единства власти и народа.

Человек живет в мире, в котором свобода и необходимость переплетаются. Философ указывал, что мир необходимости – это границы человеческой воли и свободы. Будучи свободными, люди имеют право идти к Богу или пренебрегать им. Принимая Бога, человек остается индивидуальностью и активной личностью, выбирая нравственные основы своей жизни. Источником нравственных основ является божественное откровение, которое указывает людям на подстерегающие их опасности, если относиться к свободе без должной ответственности. Откровение не учит человека, как жить, что считать добром и как противостоять злу. Оно несет в себе осознание, что любовь и добро в мире являются реальностями, а поскольку это так, то реально и зло, как результат неразумности и безответственной свободы человека.

Общение личности с духовным миром является основой формирования способности к свободе. Важным качеством свободного человека, по мнению Тихомирова, является самостоятельность. Это качество не заключается в возможности принимать решения и нести ответственность за свои действия.

Самостоятельность - это выбор поступать так, а не иначе в определенной ситуации. Человек живет в обществе, зависит от различных условий социальной деятельности, подчинен конкретным обстоятельствам, но обладает правом свободного, самостоятельного выбора. Выбор заключается в психологической готовности человека проявить активность вопреки условиям социальной ситуации и позиции других людей. Однако, если человек не религиозен, то его выбор может быть не правильным и лишенным каких-либо нравственных принципов. Выбор верующего человека носит духовный характер, опирается на морально- психические основания. Личность, способную к свободе, отличает ее сознание обязанности долга. Это относится, по мнению мыслителя, к религии, к семье, к социальной роли человека. Долг предполагает определенные обязательства, которыми человек не может поступаться. Более того, личность сохраняет и не уступает никому права, которые выступают средством исполнения долга. Таков путь формирования личности, выступающей в обществе опорой, не только его свободы, но и контроля ее действия и защиты. Вместе с развитием личности формируется ее самодисциплина и уверенность в своих действиях и правах, не допускающих безнравственных поступков.

Список литературы

1. Тихомиров, Л. А. Избранные произведения / Л. А. Тихомиров. – М.: ЭКСМО, 2012. – 910 с.
2. Тихомиров, Л. А. Критика демократии / Л. А. Тихомиров. – М.: Москва, 1997. – 672 с.
3. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М.: ГУП «Облиздат», 1998. – 668с.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018

Chugunov, S. V. *The Idea of Freedom in the Philosophy of L. A. Tikhomirov*

The article deals with the concept of freedom in L. A. Tikhomirov's philosophy. The Russian philosopher reveals the features of various forms of human freedom, understanding freedom as the process of self-fulfillment of a person. The state is seen as the condition and protection of individual freedom contributing to the striving of the individual to realize his/her interests. Individual freedom is concrete and active and cannot be realized if there is no need for it.

Keywords: peace, freedom, person, state, L. A. Tikhomirov

УДК [130.2:271.2-21]"18"

Соотношение веры и разума является одной из ключевых проблем христианской мысли. Здесь сокрыта неразрешимая рациональным способом антиномия, приводящая зачастую верующий разум к диаметрально противоположным выводам. В данной статье рассматривается феномен развития и укрепления философской проблематики в русле традиции русского духовно-академического богословия XIX в. Анализируется становление идеи постепенной «философизации» православия в умах наиболее выдающихся богословов этой эпохи. Подчеркивается преобладание задач апологетики религии над отвлеченным умозрением в сочетании с критикой философского рационализма.

Ключевые слова: русское богословие, философия религии, вера, разум, мистицизм, православная философия, теология.

О. С. Климков, канд. филос. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: ole823@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РУССКОМ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОМ БОГОСЛОВИИ XIX В.

Как соотносить между собой веру и разум, мистическое и рациональное, Откровение и естество – уже на протяжении двух тысячелетий эта проблема остаётся актуальной для большинства христианских мыслителей. Здесь мы имеем перед собой неразрешимую антиномию, которая занимала умы множества богословов и философов. Данная проблема была поставлена уже в первые века существования христианства, когда богооткровенные истины религии следовало изложить с помощью понятийного аппарата греческой философии. С тех пор мы наблюдаем различные подходы к разрешению этой противоречивой проблемы. С одной стороны, перед нами линия радикального отрицания всякого участия разума в делах веры, восходящая к Тертуллиану, с другой – апология философии как истинного богопознания (Иоанн Дамаскин), отводящая разуму роль незаменимого помощника в познании догматических истин Откровения. Однако, следует отметить, что всеми православными мыслителями человеческий разум рассматривается как отблеск разума Божественного, но отблеск помраченный – поврежденный и ограниченный вследствие грехопадения.

В русском православии осмысление данной проблемы происходило по тем же направлениям, однако, мы можем констатировать определенный перевес мистико-аскетических тенденций, восходящих к идеям византийского исихазма, над рационализирующими, благодаря чему «в православном богословии окончательно утвердилась ведущая роль веры в структуре религиозного сознания» [18, с. 247]. Кроме того, было решительным образом заявлено, что «содержательное ядро христианского сознания не может быть выведено из рационального философствования: бытие Бога, его сущность есть предмет нерассуждающей, всепоглощающей веры» [18, с. 247].

С достаточной определённой можно показать, что к началу XIX в. в русском православном богословии, разрабатывавшемся в стенах духовных академий, царило настороженное отношение к философии. Тем не менее в первой половине XIX в. произошел поворот к пониманию необходимости использования разума для более ясного осознания истин религиозного Откровения. Профессора духовных академий занимаются разработкой философской проблематики применительно к задачам богословской науки. Множество «Введений в философию» было написано ими в этот период. «Объясняется это тем, что в духовных академиях преподавание философии было поставлено более полно, чем в университетах», – считает Э. Л. Радлов [15, с. 147]. Н. А. Бердяев говорил, что «судьба философии в России мучительна и трагична. Философия постоянно подвергалась гонению, она была на подозрении. Она нашла себе приют главным образом в духовных академиях. Голубинский, Кудрявцев, Юркевич с достоинством представляли философию» [1, с. 229]. «В Академиях за XIX-ый век сложилась своя философская традиция» [17, с. 240], – подчеркивал Г. В. Флоровский.

Само собой разумеется, что основой религиозного сознания может быть только вера, но на более высоком теоретическом уровне возникает необходимость философской интерпретации данных религиозного опыта. Вл. Соловьев писал, что «религиозная вера в собственной своей стихии не заинтересована умственной проверкой своего содержания: она его утверждает с абсолютной уверенностью, как свыше данную, или открытую истину. Философский ум не станет заранее отрицать этого откровения – это было бы предубеждением, несвойственным и недостойным здравой философии; но вместе с тем, если он даже находит предварительные основания в пользу религиозной истины, он

не может, не отказываясь от себя, отказаться от своего права подвергнуть эти основания свободной проверке, отдать себе и другим ясный и последовательный отчет в том, почему он принимает эту истину» [16, с. 763].

Однако, в начале XIX в. в русской духовно-академической традиции происходит постепенный сдвиг в сторону положительного принятия разума в качестве необходимого инструмента развития богословской мысли. Этот сдвиг замечен уже в «Православно-догматическом богословии» митрополита Макария (Булгакова), которое явилось своего рода эпохальным событием в русском богословии. И всё же этот труд «приобретает характер априорной сухости и книжной безжизненности, а научное раскрытие оказывается прямо схоластическим с утончёнными подразделениями и теоретическими схемами. Мысль не столько принимает догмат и свободно соглашается с ним, сколько подчиняется ему насильственно. Здесь научная схоластичность теряет истинную научность, которая всегда жидется на рациональном признании, приводящем разум к добровольному «послушанию вере»» [3, с. 7].

В трудах наиболее выдающихся представителей духовно-академического богословия первой половины XIX в. мы можем уже видеть некоторое изменение традиционных представлений о вере как единственной основе религиозного сознания. Первым из них по времени был профессор С.-Петербургской духовной академии протоиерей Ф. Ф. Сидонский, выпустивший в 1833 г. «Введение в философию». По словам Г. Г. Шпета: «Сидонский – скептик, который боится не быть философом, и философ, который боится не быть православным христианином» [22, с. 382]. Главным для него является вопрос об отношении философии и религии. «Он допускает, что философские изыскания и истины веры – две отличные, хотя и не отдельные области, но допускает только до тех пор, пока под верою «разумеется не определенная какая-либо, но всякая известная по Истории»» [22, с. 382]. Вера и разум, как считает Сидонский, в принципе не могут находиться в антагонизме, так как и то и другое – от Бога. Сходным путем продвигался и другой академический мыслитель, поскольку можно констатировать, что «несмотря на то что в философии Кудрявцева-Платонова звучал традиционно православный мотив возвеличивания веры по отношению к разуму, именно он одним из первых академических философов интерпретировал веру как органически составную часть единого процесса познания, не противопоставляя ее разуму, а объединяя их» [19, с. 47].

С этого времени профессора духовных академий, «если не ставят своих оригинальных вопросов, то все же ищут более или менее самостоятельных ответов на кардинальный вопрос теистической философии об отношении веры и разумного знания» [22, с. 406]. При этом явственно наблюдается развитие философской мысли. «Если в начале 30-х годов впервые в стенах духовных академий было высказано мнение о возможности философского обоснования вероучения (Ф. Ф. Сидонский), то уже в 40-е годы в лекциях по философии религии («Метафизика») Ф. А. Голубинского это философское обоснование находит свое конкретное воплощение» [14, с. 12]. «В истории становления православной богословской мысли использование философских идей и ссылки на философские авторитеты прошлого было общим явлением» [2, с. 11]. В XIX в. особенно сильным было влияние немецкой идеалистической философии, что уже не могло устраивать православных богословов. Основные предпосылки к разработке философской догматики содержались уже в лекциях Ф. А. Голубинского. В рамках духовно-академической традиции сложилось новое понимание религиозной веры. При этом традиционное содержание христианской религии излагалось «применительно к секулярному сознанию» [9, с. 66].

В религиозной периодике широко обсуждались вопросы «философизации» православия, возможности использования философских аргументов для обоснования истин веры. Большинство авторов были уверены в плодотворности сближения православия с философией. Однако, подчёркивалось, что человеческий разум повреждён вследствие грехопадения, поэтому он должен иметь подчинённое место по отношению к Божественному Откровению. Различие между истинно православной философией и богословием видели в различии форм познания Бога. Так, у последователей Ф. А. Голубинского «не было подмены существенных богословских понятий философскими» [9, с. 66]. Важным фактором развития философии в духовных академиях была её связь с задачами богословской апологетики религии. Н. Н. Глубоковский писал, что философия «в русских Духовных Академиях всегда была направлена к раскрытию религиозно-богословских областей знания. И все видные представители этой дисциплины... неизменно и успешно служили данной цели» [3, с. 40].

Выдающейся фигурой в отечественном духовно-академическом богословии XIX в. был профессор Московской духовной академии протоиерей Ф. А. Голубинский, который при жизни почти ничего не печатал (его лекции были изданы посмертно его учениками). Он отличался «искреннею

теистическою убежденностью» [22, с. 401] и «выбрал философски и историко-философски, пожалуй, наиболее благородный путь восстановления философского догматизма» [22, с. 406]. «Свою задачу Голубинский понимает как задачу честной, бескомпромиссно верующей догматики» [14, с. 402]. Философия, по Голубинскому, опирается на опыт и идеи. Дело рассудка – вносить единство в разнообразие. Главным источником познания остается Откровение. «Мысль Голубинского очень цельна, в ней очень ярко выступает внутреннее единство; он стремился к синтезу свободной философской мысли и данных Откровения» [8, с. 106], – говорил В. В. Зеньковский, считавший Голубинского стоящим «выше всех, по силе философского дарования» в среде профессоров духовных академий [8, с. 104]. Главной идеей Голубинского может быть названа идея Бесконечного Бытия (философский аналог религиозной идеи Бога). «Идея Бесконечного – есть первое и непосредственное начало нашего познания», – пишет он в «Лекциях философии» [4, с. 71]. Понять эту идею Бесконечного было бы невозможно, если бы оно не предстояло нашему уму со всей непосредственностью. При этом «ум» для Голубинского – это высшая сила в человеческом духе. От неё следует отличать «разум» как нечто низжестоящее, как способность образования понятий.

Приступая к разработке своего введения в философию, Ф. А. Голубинский анализирует само понятие философии, выделяя в нем ее происхождение, предмет, источники, форму, разделение и цель. Признавая частичную истинность взглядов древних мыслителей на происхождение философии, он утверждает, что в них «нет еще главного начала философии» [5, с. 19]. Этот вопрос должен быть рассмотрен в двух аспектах: историческом и внутреннем. В последнем он различает философию как состояние духа от философии как знания, указывая на приоритетное значение первого как состояния устремленности к познанию, относящегося ко второму «как сущность к форме» [5, с. 23]. Отсюда следует вывод о недостаточности одного лишь эмпирического опыта для развития философского мышления, нуждающегося в высшем действии ума. «Итак, – заключает он, – главным источником философии признаются идеи ума, а пособием к раскрытию оных служат свидетельства внутреннего и внешнего чувства; разум же есть только способность формальная, коей свойство разнообразное в чувственных впечатлениях приводить в единство сознания, неопределенное и неясное, доставляемое идеею ума, перелагать в чистые и ясные свои понятия» [5, с. 25].

Определяя в качестве естественных источников философии ум и опыт, Голубинский указывает превосходящий их источник познания, содержащийся в откровении, что приводит к тезису об ограниченности философского способа познания определенными рамками. «Философия не имеет права выступать из своих пределов, из пределов посредственного откровения; в руках ее одни естественные пособия: опыт, как внешний, так и внутренний» [5, с. 25]. Вследствие поврежденности грехом человеческая природа радикально искажена, однако в ней все же сохраняется отблеск истинного бытия, что и дает возможность, хотя и частичную, подлинного познания. «Внешняя природа не так еще закрыта, загромождена злом, чтобы не открывались в ней следы мудрости, благодати и любви Божией» [5, с. 27]. Надо лишь помнить о несовершенстве человека и не пытаться абсолютизировать его достижения.

Предметом философии выступают наиболее общие, значимые и главные законы устройства природы и человека, а также свойства Бога. Голубинский отделяет философское познание от многообразного человеческого знания, поскольку оно призвано отсекают избыточное историческое и эмпирическое содержание, возводя ум к первоначалам. «Итак, философия имеет предметом исследования только главных и основных сил, законов и целей существ» [5, с. 28]. Итогом же философского постижения внешней и внутренней природы должно стать возведение полученного понимания к первоисточнику всякого бытия – Богу. Таким образом, философские исследования подразделяются на три вида соответственно: природа, человек, Бог.

Мыслитель настаивает на необходимости систематичности философского познания, где все должно быть возводимо к одному началу и к общим основаниям. Утверждая, что нельзя ожидать от философии всецелого удовлетворения человеческой любознательности, он подчеркивает, что такого рода познание, во-первых, невозможно и, во-вторых, даже если бы было возможным, явилось бы для человеческого духа пагубным, поскольку ум не должен находиться в бездействии. Он размышляет о цели философии, находя ее в возбуждении и воспитании в человеке любви к мудрости Божией. Эта любовь, по его убеждению, «человеку врождена, она предшествует всякому познанию, поелику влечет человека к предметам познания и чрез познание стремится усвоить себе оные, но она часто бывает в человеке усыплена и подавлена» [5, с. 31].

Первоочередной задачей становится здесь пробуждение в человеке свободной любви к мудрости и философский подход помогает отличить верные и ложные пути и направления в движении этой любви. Главная же цель философии заключается в том, чтобы «возбудить в человеке нужду искания

единой бесконечной премудрости Божественной и человеку предназначенной, которая есть Воплощенное Слово» [5, с. 32]. Отсюда проистекает вторичная цель – стимулировать интерес к мудрости человеческой, что призвано послужить подготовительной фазой на пути к достижению высшей цели. Эта вторичная цель достигается двумя способами: самоуглублением и вниманием к природе. На пути самопознания человек обретает идею истины в уме, идею красоты в чувстве и идею добра в воле. На пути познания внешнего мира он находит отображение божественного замысла. И то и другое ведет человека к богопознанию в доступной ему мере. Определяя задачу философии в данном контексте, Голубинский говорит о восходящем и нисходящем путях, на первом из которых достигается мудрость познания, на втором – мудрость жизни.

На основании данного рассуждения мыслитель предлагает следующее определение философии: «Философия есть система познаний, приобретенных разумом под управлением ума и при способствовании опыта, как внешнего, так и внутреннего, о всеобщих главнейших, существеннейших силах, законах и целях природы внешней и внутренней, равно и о свойствах Виновника всех оных – Бога, – система, направленная к тому, чтобы возбудить в духе человеческом, воспитать и направить любовь к премудрости Божественной и человеку предназначенной» [5, с. 34]. Основываясь на классическом постулате о трех силах души (познание, чувство, воля), он разделяет философское познание на соответствующие три рода, заключающиеся в стремлении к исследованию и постижению истины, красоты и добра. Голубинский соглашается с современным ему делением философии на теоретическую, практическую и эстетическую, подчеркивая, что «сие разделение согласно с ходом нашей деятельности» [5, с. 35].

«Голубинский, опираясь на школьную философию вольфианской традиции, вместе с тем критиковал ряд положений вольфианцев, прежде всего те, которые, по его убеждению, расходились с христианским мировоззрением (например, учение о предустановленной гармонии)» [12, с. 131]. Критика западной философской мысли и, вместе с тем, определенная зависимость от нее стали существенными чертами развития русской философии. «В истории русской философии, – отмечает И. И. Евлампиев, – мы должны видеть не только ее явно провозглашавшееся противостояние западной философии, но и совершенно очевидную (с 20-х годов XIX века) зависимость от последней» [6, с. 6]. Будучи обусловленной данными рамками в процессе своего становления, отечественная мысль нередко уклонялась к эклектизму, что с полным правом может быть названо болезнью роста. «Русская философия, существующая между Востоком и Западом, – подчеркивает С. А. Нижников, – вынуждена была считаться как с религиозной традицией (Восток), так и с рационализмом и мистическим пантеизмом (Запад), вынуждена была не всегда синтетически, а порою и явно эклектически воспринимать в себя совершенно разнородные начала» [13, с. 331].

Особо следует выделить богословско-философскую концепцию профессора Киевской духовной академии В.Н. Карпова, который «исходным пунктом философских построений считал сознание, «взятое конкретно», в полноте его содержания» [8, с. 113]. Карпов отвергает гегельянское положение об абсолютном характере человеческого сознания и утверждает, что христианская философия по сути своей не может быть рационалистической. Он выступает против рационализма, как и против натурализма, который связывает с пантеизмом. Однако, в целом его позиция традиционна: «Героически разрубив узел проблемы веры и знания тем, что «дух» был отнесен в области для метафизики недоступные, Карпов уже не боялся никаких компрометирующих философских выводов, лишь бы они не противоречили истинам, «раскрытым в Св. Писании с совершенною ясностью»» [22, с. 397]. Указывая на очевидную раздробленность философского знания, он утверждал, что «нельзя требовать от философии и совершенной положительности: никакое учение ее не может и не должно превращаться в догмат; философский догмат есть яд, приводящий в оцепенение ум, убивающий его силы, мертвящий его деятельность» [10, с. 67]. Именно в познании человеком самого себя усматривает он стержень философии, отмечая, что «наука самопознания постоянно действовала в сфере философских изысканий и почти всегда служила для них основанием» [10, с. 82].

В. Н. Карпов предлагает следующее определение предмета философии: «самопознание и исследование всего в целом, как одного бытия, полного разнообразной жизни и деятельности, то есть исследование мира метафизического, поколику он является сверхчувственным и мыслимым» [10, с. 92-93]. Он категорически убежден в том, что философское мышление должно развиваться систематическим образом, поэтому «метода философии, по самому существу ее идеи и предмета, необходимо и исключительно должна быть метода систематическая» [10, с. 101]. Более того, систематичность признается им за необходимым признак истинной философии, ибо «философ не тот, кто о чем-нибудь и как-нибудь философствует, ...но тот, чье философствование есть выражение одной неизменной идеи о мире и жизни, и стремление к развитию этой идеи в одно систематическое целое»

[10, с. 103]. Размышляя о самом фундаменте философского исследования, он пишет, что «ни чувство, ни постулаты закона, ни идея Бога не могут быть положены в основание философии, все признаки субъективного ее начала, очевидно, приличествуют сознанию» [10, с. 114]. Таким образом, «истину, представляющуюся в сознании первой, непосредственно известной, ясной и всеобщей, без всякого сомнения, надобно почитать объективной стороной начала философии» [10, с. 120].

По убеждению Карпова, цель философского исследования заключается в определении места, значения и отношений человека в мире. Однако цель эта никогда не будет достигнута полностью, поскольку философия не в состоянии целиком исчерпать весь объем мыслимого. Но смысл философского напряжения ума состоит не в достижении конечных результатов, но с самом устремлении к ним, поэтому данный факт никак не может обесценить философствование в качестве важнейшего свойства человеческого духа. Особый интерес представляют его рассуждения о важности национально-религиозной специфики в деле формирования самобытного философского мышления. «Нам нужна философия отечественная, оригинальная» [10, с. 175], – убежден мыслитель. При этом она «должна иметь в виду определение места, значения и отношений человека в мире, поскольку человек, сам в себе всегда и везде одинаковый, в развитии охарактеризован типом истинно русской жизни и, раскрыв требования его природы, прояснить ему его обязанности по отношению к отечеству и религии» [10, с. 177-178]. Это особенно важно, потому что любая теория «только тогда получит у нас характер истинно-русский, когда будет проистекать из оригинально-русской философии» [10, с. 181].

Размышляя о возможности построения системы философских наук, В. Н. Карпов указывает, что, поскольку человеческому сознанию «непосредственно присуще только наше Я», постольку первым моментом сознания может выступать только сам человек. Соответственно, первой из философских наук должна стать «наука самопознания, или субъект в сфере мыслимого» [10, с. 184]. Вследствие обширности и сложности области, подлежащей самопознанию, необходимо принять правильное решение о том, с чего же именно начинать это исследование. В истории философии можно проследить различные подходы к этой фундаментальной проблеме. Иногда в центр помещалась деятельность человека, иногда само его существо как самостоятельное и всегда себе равное, иногда опыт. Карпов предлагает использовать синтетический метод, призванный объяснить бытие человека из разрозненных элементов его психической жизни. Однако этот метод неприменим к развитию как целостной философской системы, так и науки самопознания во всем ее многообразии, поскольку синтез в данном контексте является эвристически ограниченным после достижения определенных логических выводов.

Философ приходит к выводу, что «дело самопознания состоит не в том только, чтобы, по возможности, найти содержание нашего субъекта и определить его природу, но в том, чтобы показать форму его бытия, раскрыть его организм, то есть изложить законы гармонически совокупной его деятельности» [10, с. 188]. Для решения первой задачи он предлагает использовать синтетический метод, а для решения второй – аналитический. При помощи метода психологического анализа можно раскрыть законы и формы деятельности умственной, волевой и сердечно-чувственной жизни, что заставляет философию обращаться к языку психических феноменов. Далее философское познание может продвигаться двумя разными путями в зависимости от признания или отвержения наличия абсолютного начала в человеческой природе. В первом случае психологический анализ наделяется характером безграничности, но такая точка зрения, согласно убеждению Карпова, противоречит реальности. Второй путь, исчерпав феноменологическое разнообразие человеческой жизни, приводит к осознанию своего логического завершения, так как из понятия о субъективном невозможно вывести объективное. Но философское исследование отнюдь не заканчивается вместе с прекращением психологического анализа, простираясь на всю область мыслимого, развивающегося из соотношения духовного и физического.

Рассуждая о возможности и способах такого исследования, Карпов настаивает, что «мыслимо-объективное поставляется в параллель с мыслящим и о пределах первого позволено судить не иначе, как по пределам последнего; то есть мыслимо-объективное на этом основании должно распространяться на такие истины, к каким может возводить его природа и развитие мыслящего; или, что то же, – синтез в мире мыслимо-объективном должен определяться анализом в области самопознания» [10, с. 192]. Для достижения своей цели философия призвана возвыситься над своими логическими и конкретно-дискурсивными ограничениями и достичь искомого трансцендентального синтеза, включающего осмысление бытия человека. «Попытка Карпова создать цельное мировоззрение путем синтеза разнородных, но не антагонистических начал, – верно утверждает Л. Е. Шапошников, – стала одной из ведущих тем русской философии» [21, с. 267].

К середине XIX в. в духовно-академической традиции достаточно определенно сформировались основные принципы философской интерпретации религиозного сознания. Это, во-первых, признание за разумом права на построение логически выверенных аргументов на основании опыта, во-вторых, утверждение о невозможности познания Бога одним только разумом без помощи Откровения. С точки зрения профессоров духовных академий вера и разум являются двумя различными формами познания религиозных истин. Они призваны находиться в единстве и взаимосвязи. «Духовно-академические философы утверждали, – отмечает И. В. Цвык, – что только православная мысль, не «испорченная» в отличие от католической слишком активным проникновением разума в тайны религии, способна представить гармоничное единство веры и разума в деле богопознания и обоснования основных религиозных идей» [19, с. 45]. Однако, в первой половине XIX в. мы не находим достаточно убедительной философской разработанности данной проблемы, хотя начало этому процессу все же было положено.

Во второй половине XIX в. русское православное богословие было призвано к философскому обоснованию богооткровенного содержания религии перед лицом возрастающего влияния немецкого идеализма и протестантской теологии. Потребовалось новое изложение религиозных истин на более высоком концептуально-теоретическом уровне. При этом учитывалась опасность неправомерного внедрения философствующего разума в область веры. Особая роль здесь принадлежала философии религии, понимаемой в качестве рационального обоснования бытия Бога. Было ясно, что «философия совершенно необходима для религии и для религиозной веры... которая сама собою наводит на философию и нуждается в последней в качестве своей опоры» [15, с. 195]. Так П. Д. Юркевич в своих работах обращался к философско-психологическому аспекту проблемы происхождения религиозного сознания, признавая, что «и страх и зависимость и стремление к счастью сыграли определенную роль в происхождении религиозного чувства» [11, с. 29]. По справедливому замечанию А. Ф. Замалева, «подступы к философии всеединства обнаруживаются уже в сочинениях Карпова и Юркевича, двух крупнейших отечественных мыслителей, впервые пытавшихся придать самобытному русскому любомудрию форму цельного систематизированного знания» [7, с. 133]. Однако не следует видеть в духовно-академических философских изысканиях начало русской софиологии. Так, например, «у Ф. Голубинского нет высказываний о наделении прообраза мира в уме Божиим свойствами субстанциального бытия, ипостасными свойствами любви, сознания и т.д. В критике пантеизма у Голубинского подчеркивается неправомерность признания какого-либо вечного ипостасного бытия, кроме Пресвятой Троицы» [12, с. 133], – утверждает В. И. Коцюба.

Таким образом: «В конце XIX века наиболее передовые православные богословы уяснили двойственность стоящей перед ними задачи: необходимость философски осмыслить религиозные представления о мире, обогатить православное мировоззрение достижениями светских наук и неправославной философии, поднявшись таким образом на уровень, соответствующий духовному развитию эпохи; тем не менее, оставляя при этом неизменными основы православного вероучения» [20, с. 9]. В заключение следует отметить, что проблема соотношения веры и разума явилась «методологической предпосылкой решения вопроса о взаимоотношениях философии и богословия в духовно-академической традиции и теоретической основой духовно-академической гносеологии» [18, с. 235]. Итак, данная тема и поныне остается одной из основных для современной философско-религиозной мысли. Для историка отечественной мысли особенно важно помнить, что «академическая традиция является одним из важнейших источников формирования самобытной русской философии» [21, с. 269], что еще раз подтверждает актуальность ее исследования.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Русская идея. В 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – С. 204-286.
2. Воронкова, Л. П. Критика философской догматики Православия. / Л. П. Воронкова. – М., 1984. – 189 с.
3. Глубоковский, Н. Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – М., 2002. – 191 с.
4. Голубинский, Ф. А. Лекции философии. Вып. I-IV. / Ф. А. Голубинский. – М., 1884. – 412 с.
5. Голубинский, Ф. А. Лекции по философии, умозрительному богословию, умозрительной психологии. / Ф. А. Голубинский. – СПб., 2006. – 695 с.
6. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть I. / И. И. Евлампиев. – СПб.: Алетей, 2000. – 415 с.

7. Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия: XI-XX вв. / А. Ф. Замалеев. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2007. – 208 с.
8. Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 2. / В. В. Зеньковский. – Л.: Эго, 1991. – 280 с.
9. Иннокентий (Просвирнин). О творческом пути священника Павла Флоренского / Иннокентий (Просвирнин) // Журнал Московской Патриархии. – 1982. – №4. – С. 65-76.
10. Карпов, В. Н. Избранное. / В. Н. Карпов. – СПб.: Тропа Троянова, 2004. – 282 с.
11. Климков, О.С. Проблема происхождения религиозного чувства в философии П. Д. Юркевича / О. С. Климков // Человек и Вселенная. – 2004. – № 2. – С. 29-30.
12. Коцюба, В. И. Прот. Ф. А. Голубинский и софиологическая традиция / В. И. Коцюба // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 129-141.
13. Нижников, С. А. Метафизика веры в русской философии / С. А. Нижников. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 355 с.
14. Печурина, О. А. Философское обоснование веры в православной духовно-академической традиции (30-90-е годы XIX века) : автореф. дисс. ... канд. филос. наук / О. А. Печурина. – СПб., 1991. – 24 с.
15. Радлов, Э. Л. Очерк истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии / Э. Л. Радлов. – Свердловск, 1991. – С. 96-216.
16. Соловьёв, В. С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. / В. С. Соловьёв. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
17. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. / Г. В. Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 600 с.
18. Цвык, И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. / И. В. Цвык. – М., 2002. – 333 с.
19. Цвык, И. В. Проблема соотношения веры и разума в русской духовно-академической философии XIX в. / И. В. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 4. – С. 41-50.
20. Цвык, И. В. Религиозно-философская система В. Д. Кудрявцева-Платонова : автореф. дисс. ... канд. филос. наук / И. В. Цвык. – М., 1995. – 23 с.
21. Шапошников, Л. Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков / Л. Е. Шапошников. – СПб., 2006. – 489 с.
22. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии / Г. Г. Шпет. – Свердловск, 1991. – С. 217-578.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018

Klimkov O. S. *Development of Philosophical Thought in the Russian Church Theology of the 19th Century*

Correlation of faith and mind is one of the key problems of Christian thought. Here we deal with an antinomy that cannot be resolved in the rational way. This article is concerned with the phenomenon of development and establishment of the philosophical problematics in the tradition of Russian church theology of the 19th century. The author analyses formation of the idea of gradual "philosophisation" of orthodoxy in the minds of the most outstanding theologians of that epoch. The predominance of the tasks of apologetics over abstract speculations with criticism of the philosophical rationalism is underlined.

Key words: Russian theology, philosophy of religion, faith, mind, mysticism, orthodox philosophy, theology.

УДК 233-852.5Й:165.613

Бхакти-йога является имманентной мистической традицией, направленной на «слияние» с личным Абсолютом (Вишну, Кришна). Уникальность традиции бхакти-йоги заключается в том, что она имеет теистический характер и признает существование Божественной и человеческой личности. Учение приобретает дуалистический характер, рассматривая материальное бытие как «нижнюю» форму энергии. Основным методом мистической практики является любовь-доверие и преданность Абсолюту (бхакти). Также используются дисциплинарный аскетизм и медитативное созерцание Абсолюта (джапа). Результатом мистической практики является трансформация сознания, переживаемая как эмоциональный экстаз любовного «единения» с Богом (према). В статье осуществляется компаративный анализ бхакти-йоги с другими мистическими традициями, прежде всего, с раджа-йогой, тантра-йогой и суфизмом.

Ключевые слова: имманентная мистика, Абсолют, бхакти, эгоцентрическое сознание, просветленное сознание, джапа, према.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р. филос. н.

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

БХАКТИ-ЙОГА В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА МИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ МИРА

Современное религиоведение уделяет значительное внимание исследованию мистических учений, которые во все времена воспринимались как самая сокровенная (внутренняя) часть религии, противоположная ее культовой (внешней) стороне. Интерес к мистике на современном этапе развития цивилизации вызван серьезным духовным кризисом и поиском новых ценностей и идеалов для человечества, убедившегося в ограниченности чувственно-материального мира. Такое направление как компаративное религиоведение направлено на анализ универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира с целью нахождения общего начала религии. Можно согласиться с мнением Ю. А. Кимелева, что возрастание интереса к мистицизму обусловлено стремлением найти «базисное, глубинное единство всех религий», а также связанные с ним экуменические и глобальные интеграционные надежды. Мистицизм очень часто воспринимается «как безусловная, несокрушимая, соответственно высшей ценности, оправдательная инстанция по отношению к конкретным религиозным традициям или религиозности вообще». Вот почему исследование этого феномена имеет большое значение «в ситуации осознаваемого религиозного плюрализма, т. е. в ситуации открытого глобального соперничества множества претендентов на обладание единственной религиозной истиной» [5, с. 120-122].

Целью статьи является исследование учения бхакти-йоги как одной из известных мистических традиций индуизма. К отдельным аспектам этой темы обращались в своих работах Н. Гафурова, В. Лысенко, С. Радхакришнан, Е. Торчинов и другие исследователи. В статье предлагается оригинальная методология компаративного анализа универсальных и индивидуальных особенностей бхакти-йоги.

Универсальное начало мистики можно представить в виде шести основных характеристик [3, с. 62-65]. Индивидуальные особенности мистических традиций предлагается исследовать согласно трем основным позициям: 1) сущность Абсолюта и характер мистического контакта с Ним; 2) соотношение идеального и феноменального (материального) бытия; 3) методы мистической психопрактики. Первая позиция является определяющей и утверждает существование двух мистических типов – имманентного и трансцендентно-имманентного. Если первый допускает имманентное слияние мистика с Абсолютом, то второй предполагает разнородность человека и Абсолюта. Большое разнообразие традиций в пределах двух основных типов мистики формируется в зависимости от решения вопроса о соотношении идеального и феноменального (материального) бытия (монистическая, дуалистическая, плюралистическая, холистическая, интеграционная). Влияет на особенности мистической традиции также выбор основного метода психопрактики – дисциплинарный аскетизм, психосоматические упражнения, медитативное созерцание и любовь-доверие к Абсолюту [2, с. 205-209].

Основы учения *бхакти-йоги* (от санскрит. «быть преданным») излагаются в XII и XVIII разделах Бхагавадгиты («Песни богов»), которую называют «пятой Ведой» индуизма. Она говорит, что учение бхакти есть знание «самое тайное» и «последнее».

Существуют две основные формы бхакти-йоги. Первой из них является бхакти «Гиты», признающая безличного, непроявленного Абсолюта, от которой берет свое начало традиция *ниргун-бхакти*. Но самой распространенной стала традиция *сагун-бхакти*, которая, во-первых, имеет теистический характер, и, во-вторых, утверждает различие двух личностей – человеческой и Божественной. Самым известным направлением сагун-бхакти стало *вишнуистское бхакти*, почитающее защитника простых людей, справедливого и любящего бога Вишну в двух его земных воплощениях (*аватарах*) – пастуха Кришны и царя Рамы. Ярким примером этого движения было учение бенгальского вишнуита Чайтаньи (конец XV – начало XVI вв.), хорошо известное также под названием *кришнаизм*. Оно сформировалось под влиянием идей Рамануджи и Мадхвы. Чайтанья находился в оппозиции к адвайта-веданте и относил ее, как и буддизм, к атеистическим учениям [9].

Во времена средневековья индуизм испытал влияние других учений – натхов, сикхов, тантрических буддистов. Значительное влияние на учение бхакти имела также мусульманская мистика, что нашло свое выражение в индуистско-мусульманском религиозном синтезе [4, с. 32]. Неудивительно, что такой выдающийся представитель движения бхакти как мистик Кабир (1440-1518) в своих стихотворениях называет Бога самими разными именами – Рам, Хари, Аллах, Рахим, Эмир, Пир, Брахман, Атма, Пуруш, Сат и др.

Кабир выступал с критикой религии, лишенной мистического духа, отстаивая мысль, что Бог принадлежит всем племенам и народам: «Если Бог обитает в мечети, то кому принадлежит весь этот мир? Если Рама пребывает в местах паломничества, воплощен в идолах, кто же тогда находится вокруг? Известно ли это кому? На Востоке живет Хари, на Западе – обитель Аллаха. Вглядишься в свое сердце, там ты найдешь и Карима, и Раму. Сколько ни есть на свете мужчин и женщин, все они воплощение его. Я – Кабир, дитя Аллаха и Рамы, они для меня и Гуру, и Пир» [4, с. 194].

Неслучайно в истории индийской религиозной мысли Кабир занимает уникальное место. Для хинду он святой бхакта, для мусульман – пир, для сикхов – бхагат, для членов ордена кабирпантх, последователей его идей – аватара Высшего Духа. А для учения неоведанты он выдающийся представитель Универсальной Религии, или Религии Человека. Кабир является также поэтом-реформатором и пропагандистом идеи индо-мусульманского единства. Его называют «индийским Лютером», который был врагом кастовой системы, института «неприкасаемых» и всех форм социальной дискриминации.

Результатом такого религиозного синтеза стал либеральный дух бхакти-йоги, отрицающий все социальные и кастовые разграничения. По мнению Н. Б. Гафуровой, путь бхакти является самым открытым и демократическим в Индии, что способствовало распространению этого учения среди самых широких масс индийского населения [4, с. 21].

Представление о сущности абсолютной и феноменальной реальности.

В учении Чайтаньи *Вишну* является первичной Абсолютной реальностью, личным Богом любви и милосердия, который владеет атрибутами сат-чит-ананда. Он одновременно Ниргуна-Абсолют, поскольку свободен от качеств пракрити, и Сагуна-Абсолют, поскольку наделен всеми атрибутами всемогущества. Среди основных атрибутов Бога выделяют любовь и силу радости.

Кришна признается одной из аватар Вишну, выражающей сущность личного Бога. Основные силы Кришны – это чит, майя и джива. С помощью первой он хранит свою божественную природу, с помощью второй – творит мир, а с помощью третьей – создает души. Любимая жена Кришны *Радха* является сущностью силы, связанной с наслаждением [8, с. 686-687].

В учении бхакти также утверждается, что Бог есть Всевышний Господь и Верховная Личность, Индивидуальность и Существо. Чайтанья учил, что есть много общих черт между Богом и человеком, например, жизненная сила, бессмертие и индивидуальность. Однако Бог отличается от всех других личностей и существ тем, что «Он – первый среди них, тот, кого никто не может превзойти», поскольку, в отличие от других существ, Бог является безгрешным – «Тем, кто никогда не падает» [10, с. 30, 33].

В отличие от джняна-йоги, бхакти-йога признает реальность материального бытия. Но в отличие от раджа-йоги, материальное бытие рассматривается не как результат действия пракрити, но эманация самого Абсолюта, изливание Его энергий, называемое *экспансией*. Даже безличного Брахмана признают только эманацией Бога. Космическую экспансию называют *майя*, но не потому, что она является иллюзией, а потому что не вечна. Абсолют выше творения и уничтожения: «существует еще и другая природа, вечная и трансцендентальная к проявленной и непроявленной материи. Эта высшая природа никогда не уничтожается. Когда все в этом мире уничтожается, эта часть остается

неизменной» [10, с. 44]. Безгрешность Бога объясняется тем, что Он не обусловлен материальной природой, и не способен попадать под ее влияние.

В учении Чайтаньи говорится о двух энергиях – духовной (трансцендентальной) энергии Бога и материальной энергии, которая существует в виде трех гун.

Человек и его эгоцентрическое сознание.

Человек одновременно един с Кришной и отличен от Него. Наличие в человеке двух природ становится причиной рождения двух «Я» – низшего материального и высшего духовного.

Бхакти-йога утверждает, что материальные энергии способны скрывать духовные, в результате чего человек ошибочно отождествляет себя не с духовным началом, а с материальной формой. Результатом этого становится возникновение *эгоцентрического сознания* (*ахамкары*). Человек обусловлен привязанностями к материальному бытию, что влечет за собой множество *страданий*. Кабир подчеркивал, что Эго человека обладает необыкновенной силой: «[Я] не встретил [еще] преданного друга. Все, кого встречал – себялюбцы». «Я видел, как горит мир, [и] каждый горит в своем огне» [4, с. 307].

Для бхакти-йоги характерно противоречивое отношение к материи, которая признается «загрязненной» низшей формой энергии, скрывающей энергию чистую, духовную. Бхагавадгита учит, что «материальное тело нельзя отождествлять с твоей истинной сущностью; ни твой ум, ни твое обманчивое Эго не является твоим истинным “Я”».

Подготовительный этап психопрактики.

Противоречивое восприятие материального бытия отразилось на психопрактике бхакти-йоги. Она не требует аскетизма и квиетизма. *Метод дисциплинарного аскетизма* подразумевает самодисциплину с целью борьбы со страстями, поскольку «душа ненасытна до наслаждений, [а] вокруг волны мирских страстей. Тело делает [то, что] диктует [ему] душа». По мнению Кабира, «страсти пожирают душу, как червь зерно» [4, с. 276, 355].

Кришнаизм призывает не отказываться от материальных благ, но пользоваться ими во имя Бога, в процессе служения Ему: «Мы только просим людей делать все, что они делают, в сознании Кришны». Например, предлагается не отказываться от вкусной еды, но приготовить так, чтобы можно было предложить ее самому Кришне, поскольку «истинное отречение состоит в том, чтобы отвергать все, что не было предложено Кришне» [7, с. 150].

Бхагавадгита не пропагандирует бездеятельность и социальную пассивность. Напротив, она призывает к выполнению своего долга, а аскетизм, скорее, понимается как отречение внутри действия – самодисциплина и незаинтересованность в его последствиях (состояние недеяния в деянии) [6, с. 129]. Но, с другой стороны, *бхакт* («преданный») должен «оставаться в этом мире, не затрагиваясь его скверной» [10, с. 34]. Поэтому ему рекомендуется стремиться к общению с другими преданными и святыми (*садху*). По мнению Кабира, очень важным для человека является его окружение: «Гибну от дурного общества, как банан от близости ююбы». «Чтобы стать садху, нужно держаться общества совершенных» [4, с. 277, 290].

К «нечистым» людям относятся две категории людей – те, кто не отдались Кришне, и те, кто слишком привязаны к женщинам. Грех сластолюбия бхакти-йога признает одним из самых тяжелых. Кабир говорил: «Наслаждаясь, сластолюбцы разрушают бхакти. Они потеряли [бесценный] Алмаз [и] провели жизнь напрасно». «Ослепленный [любовью к женщине], мужчина ни о чем не думает, теряя самообладание». Отношение к женщине в учении бхакти существенно отличается от тантрического: «Женщина – очистки мира, [она - нечто] среднее между хорошим и плохим». «Мужчина, [любящий женщину], никогда не обретет любовь [к Господу], не обретет спасение [и] Божественное знание» [4, с. 352-355]. В тантризме женщина – помощница мужчины в мистической практике, участница божественной игры-лилы, а в бхакти-йоге – опасное препятствие на пути просветления [1, с. 29-30].

Признавая материальное бытие «низшей» энергией, возникшей в результате эманации Божества, бхакти-йога так и не смогла преодолеть противопоставление материального и идеального: «этот мир – каморка с сажой, крепость [- тело] тоже в саже» [4, с. 272]. Большинство ее направлений остались *дуалистическими мистическими традициями*. В психопрактике практически не используется *метод психосоматических упражнений*.

Основной этап психопрактики. Просветление как экстаз любовного единения с Богом (према).

Бхакти-йога утверждает, что мистическое просветление достигается только путем *любви и преданности Богу*. Все другие методы – гнозис, медитативное созерцание, аскетика – помогают мистическому познанию, однако не способны их заменить. В Бхагавадгите Кришна обращается с такими словами к Арджуне: «Меня можно познать только путем преданного служения». «Всегда думай

обо Мне, стань Моим бхактой, поклоняйся Мне и выражай Мне почтение. Так ты непременно придешь ко Мне. Я обещаю тебе это, ибо ты - Мой дорогой друг».

Кабир говорил, что «все могут заниматься йогой тела, [но] мало тех, кто [совершают] йогу души. Все сиддхи достигли сахаджья, [потому что] занимались йогой души» [4, с. 178-179]. «Чтение молитв, аскеза, паломничество, обеты – все бесполезно. Человек обманут [этим], словно попугай плодами хлопчатника» [4, с. 190]. Мистик учил, что не в храме, но в своем сердце следует искать Бога: «Люди в храмах склоняют голову перед [Божеством]. [Но] Хари обитает в [твоем] сердце, так дай обет себе всегда быть с Ним». Поэтому Кабир критиковал культовую часть религии, когда ее превращают в самоценность. «Обряды, обеты, священные книги – все это ложь, истинный Бог не в храме, а в сердце человека» [4, с. 178, 188-191].

Бхакт должен осуществлять все свои дела (йогу, поиски знаний, ритуальные действия) только при условии того, что он абсолютно *доверяет* Богу. В двенадцатой главе Бхагавадгиты преданному обещается освобождение: «Тот, кто сосредотачивает свой ум на Моей личностной форме и занят поклонением Мне, полный горячей духовной веры, того Я считаю самым совершенным».

Теология бхакти предполагает разнообразные типы отношений между человеком и Богом. Например, Кабир называл Бога одновременно и Любимым и Другом: «Завел Друга, Которому неведомо ни счастье, ни горе. Я с любовью дружу и играю с Ним – я никогда не отделюсь от Него» [4, с. 191]. В учении Чайтаньи предусмотрены четыре степени отношений между человеком и Богом: 1) как раба к своему Господину и активное служение Ему; 2) как к Другу; 3) как к Отцу; 4) как к Мужчине или Любимому [10, с. 160]. Последний тип считается самым высшим.

Любовное поклонение и *самоотверженное служение* Абсолюту направлены на достижение цели мистической практики бхакти-йоги - *эмоциональный экстаз любовного «единения» с Богом (према)*, который преодолевает различие между человеческой и Божественной личностью. Одной из техник достижения према является *джапа* - сосредоточенное повторение имени Любимого Бога (*ишта-девата*).

Существуют три формы осуществления джапа – вслух, безмолвное произношение, мысленно. Считается, что каждый следующий уровень джапа более эффективен, чем предыдущий. Ее целью является концентрация мысли на ишта-девата, чтобы сделать привычку повторения имени Бога сильнее всех других привычек ума. Как только ум начинает отвлекаться на другие темы, бхакта должен вновь и вновь возвращать свое внимание к имени Бога. Для осуществления джапа желательно пребывание в сатсанге, то есть в окружении единомышленников. Способствует этому также помощь учителя-гуру, который является не только руководителем, но и посредником между учеником и Богом.

В кришнаизме активно применяется джапа в форме радений (*киртан*), во время которых верующий отождествляет себя с Радхой, стремящейся к возлюбленному Кришне. Киртаны сопровождаются музыкой, ритмичными движениями тела и пением известной махамантры Чайтаньи: «Харе, Кришна, харе, Кришна, Кришна, Кришна, харе, харе. Харе, Рама, харе, Рама, Рама, Рама, харе, харе».

Сначала стремление к концентрации внимания на ишта-девата является волевым актом, но чем более ум сосредотачивается на объекте поклонения, тем более он отдалается от объектов мира. Любовь к Абсолюту постепенно трансформируется в Его *медитативное созерцание*. Чем более сознание проникается мыслью о Боге, тем более неуместными кажутся ему все будничные увлечения. Результатом джапа есть постоянное памятование о Боге, что создает «любовное опьянение», сопровождающееся эмоциональным экстазом. Поведение «опьяненного» даже может напоминать поведение сумасшедшего. Кабир писал, что любовь к Богу вынуждает влюбленного потерять голову: «Волшебный напиток Рамы – сок Любви; пьющий [его чувствует] безграничную сладость. Кабир: [но] напиток трудно [получить, потому что] Калал просит [взамен] голову» [4, с. 55].

Однако бхакта рад принести такую большую жертву, потому что обретает намного больше: «Я приношу себя в жертву такой Любви, благодаря которой забываются касты, сословие, род». «[Если человек] живет словно мертвый, отказавшись от всех мирских желаний, и служит своему Господину, то Хари оберегает [своего] слугу от страданий» [4, с. 20; 48].

Целью бхакта является состояние сахадж-самадхи, в котором исчезает любое различие между человеком и Богом. Путь бхакти начинается с осознания отделенности поклоняющегося от Любимого Бога. Однако, в конце концов, бхакта чувствует, что источник любви и блаженства существует в нем самом. Отныне джапа повторяется сама собой, а все иные привязанности, кроме привязанности к Богу уходят. Кабир сказал так: «Все говорят: “сахадж”, “сахадж”, - [но] никто не понимает, [что такое] сахадж. Когда человек легко отказывается от своих чувственных страстей и удовольствий, это и есть

сахадж». «Обыденно [и] просто все ушли: сын, богатство, женщина, любовь. Теперь раб Кабир слился воедино с Рамой» [4, с. 50].

Любовный экстаз единения с Богом может переживаться не только эмоционально, но даже эротично. Поэтому мистическая поэзия бхакти всегда наполнена мотивами любовного томления. Но было бы ошибкой отождествлять мистику бхакти с мистикой тантризма. Бхакти-йога всегда проводила четкое разграничение между *према* и *кама*, духовной и половой любовью [8, с. 688]. В мистической практике происходит постепенная трансформация любви-кама в любовь-према.

В текстах традиции бхакти рассказывается, как божественная энергия *раса* воплощается в любовных играх Кришны и Радхи. Однако сам бхакта, в отличие от тантриста, только наблюдает за этими играми, не принимая в них участия. Секта натхов совсем отказалась от сексуальных отношений, признавая их основной причиной растрачивания энергии *раса*. Натхи основным условием достижения бессмертия души считали безбрачие [4, с. 53-54].

Учение бхакти-йоги близко мусульманскому суфизму, в котором мистическое единение человека и Бога изображается в образе любви между мужчиной и женщиной. Различие двух учений заключается в том, что в суфизме мужское начало символизирует человека, а женское – Бога. В эзотеризме бхакти, напротив, Бог – мужчина, а бхакт – женщина.

В мистической любовной поэзии бхакти и суфиев особое место занимает тема разлуки (*вираха*), которая неразделимо связана с любовью. В отличие от суфизма, разлуку, как правило, испытывает женщина-бхакт. В стихах Кабира она описывается как *вирахиня* – женский символ души-супруги, отделенной от своего любимого и ожидающая мистического единения с ним: «Супруга, которая разлучилась [со своим Возлюбленным], [горя желанием] увидеть [Его], падает [от усталости] и снова встает. [Если ты] покажешься [мне] после [моей] смерти, то какая польза от этой встречи?» [4, с. 185].

Чайтанья сравнивал живые существа с пылающими искорками, которые вылетели из пламени, а Верховного Господа – с пылающим пламенем солнца [10, с. 85]. Бхакт также начинает излучать свет, когда достигает «единения» с Абсолютом, и переживает *опыт мистического света*.

Выводы. Особое место бхакти-йоги среди восточных мистических традиций связано с представлениями о теистической сущности Абсолюта. Но теизм бхакти существенно отличается от теизма «религий откровения»: он имеет политеистическую сущность. Дух человека признается *имманентным личному Богу*, а различие между ними выражается только в том, что Божество стоит первым в длинной цепи существ, которые появляются в результате эманации Его сущности. Хотя учение бхакти и говорит о личности Бога и человека, но они являются условными – любая человеческая индивидуальность исчезает в круговороте сансарических перевоплощений.

Список литературы

1. Жиртуева, Н. С. Тантризм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 26–36.
2. Жиртуева, Н. С. Типология мистических традиций и методов мистической психопрактики / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 201 – 210.
3. Жиртуева, Н. С. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2016. – № 4. – С. 60 – 69.
4. Кабир. Золотые строфы / Кабир; [пер. с авадхи и браджа, ком. и вступ. ст. Н. Б. Гафуровой]. – М. : Наталис; Рипол Классик, 2004. – 383 с.
5. Кимелев, Ю. А. Современная западная философия религии / Ю. А. Кимелев. – М. : Мысль, 1989. – 285, [1] с.
6. Лысенко, В. Г. Аскетизм в Индии: его принципы и основные формы / В. Г. Лысенко // Религиоведение. – 2004. – № 1. – С. 122–133.
7. Нектар преданности: Книги Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады / Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. – М.,Л., Калькутта, Бомбей, Нью-Дели : Бхактиведанта Бук Траст, 1991. – 511 с.
8. Радхакришнан, С. Индийская философия. В 2-х т. Т.2. / С. Радхакришнан; [пер. с англ. Н. В. Воробьева, Г. И. Заиченко, С. А. Кучиной и др.]. – М.: МИФ, 1993. – 731 с.
9. Торчинов, Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : сайт. – URL: <http://psylib.org.ua/books/torch01/index.htm> (дата обращения 29.03.2017).

10. Учение Шри Чайтаньи. Тракта́т о подлинно духовной жизни: Кни́ги Шри Шрима́д А.Ч. Бхактиведанта́ Сва́ми Прабху́пады / Шри Шрима́д А.Ч. Бхактиведанта́ Сва́ми Прабху́пада. – М.,Л., Калькутта, Бомбей, Нью-Дели : Бхактиведанта́ Бук Тра́ст, 1989. – 383 с.

Статья поступила в редакцию 15.02.2018

Zhirtueva, N. S. *Bhakti Yoga in the Context of Comparative Analysis of Mystical Traditions of the World*

Bhakti Yoga is an immanent mystical tradition aimed at the “unity” with the personal Absolute (Vishnu, Krishna). The uniqueness of Bhakti Yoga tradition is that it has a theistic character and recognizes the existence of the Divine and human personality. This is a dualistic tradition that regards material being as a “lower” form of God’s energy. The main method of mystic psychopractice is love-trust and devotion to Absolute (bhakti). Meditative contemplation of Absolute (japa) and disciplinary asceticism are used too. The result of mystical practice is the transformation of consciousness experienced as an emotional ecstasy of loving «union» with God (prema). **The author makes a comparative analysis of Bhakti Yoga and other mystical traditions of the world, first of all, Raja Yoga, Tantra Yoga, Sufism.**

Key words: immanent mysticism, the Absolute, bhakti, egocentric consciousness, enlightened consciousness, japa, prema.

УДК 94(470)"1853/1856": 355.544.1

Рассматривается роль военного инженера Э. И. Тотлебена в усилении обороны Севастополя в годы Крымской войны. Выделяются периоды и особенности военной службы под руководством К. А. Шильдера, когда проявились способности и военно-инженерный талант Тотлебена. Анализируются теоретические положения русской школы фортификации, созданные А. З. Теляковским и умело применённые при построении глубоко эшелонированной линии обороны Севастополя Тотлебенем.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, военный инженер, Э. И. Тотлебен, К. А. Шильдер, А. З. Теляковский, фортификационные сооружения, эшелонированная линия обороны.

Т. В. Вакулова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulov1@yandex.ru

ФОРТИФИКАТОР КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Среди многих героев, прославивших Россию в годы Крымской войны 1853-1856 гг., имя выдающегося русского военного инженера, графа, кавалера ордена Андрея Первозванного, члена Государственного Совета Российской империи, почетного академика Российской Академии наук, генерал-адъютанта Эдуарда Ивановича Тотлебена, который руководил фортификационными работами при обороне Севастополя, а так же был автором фортификационных сооружений вокруг Николаева, построенных в 1855 году [5, с. 4].

Эдуард Иванович Тотлебен (1818-1884) являлся последователем выдающихся российских военных инженеров Карла Андреевича Шильдера (1785-1854) и Аркадия Захаровича Теляковского (1806-1891). Во время обороны Севастополя (1854-1856) был ближайшим помощником Владимира Алексеевича Корнилова (1806-1854) и Павла Степановича Нахимова (1802 -1855). В 1854 году, именно они превратили Севастополь, который был незащищён с суши, в грозную крепость, чем увеличили славу отечественного военно-инженерного искусства.

Молодой Тотлебен, окончил частный пансион в городе Рига, где жил со своей семьей, а затем продолжил образование в столичном Главном инженерном училище. В 1838 году, он не смог окончить полный курс обучения, так как заболел, поэтому вернулся в Ригу, и там был зачислен в инженерную команду, а в 1839 г. его перевели в учебный сапёрный батальон в чине поручика [5, с. 4].

Известный военный инженер того времени генерал Карл Андреевич Шильдер (1785-1854), под началом которого и служил Тотлебен, заметил его инженерные способности и сыграл важную роль в его дальнейшей судьбе. Сын Карла Андреевича, автор двухтомной биографии Э. И. Тотлебена, военный историк генерал Николай Карлович Шильдер (1842-1902), позже в своей работе характеризовал основное качество молодого офицера, привлекавшее внимание его отца: «Тотлебен не обладал умом теоретика, это был по преимуществу ум-практик. При таком складе ума и дарований Тотлебен не сделал новых шагов и открытий в инженерной науке, но он умел только с необыкновенным искусством пользоваться обстоятельствами» [9]. Карл Андреевич Шильдер поручил своему талантливому помощнику изучить трубную контрминную систему для борьбы с подземными минными галереями противника. Для этого Тотлебен был направлен в г. Киев с группой сапёров, там он возглавлял работы по проведению подземной войны в широких масштабах. За деятельность в Киеве ещё молодой Тотлебен был награжден – орденом Святого Станислава 3-й степени и орденом Святой Анны 3-й степени. Уже с 1847-1849 гг. Эдуард Иванович служил на Кавказе. Здесь его задачей было обеспечить военные действия инженерной поддержкой. Он опять руководил всеми инженерными работами и принимал активное участие в операциях по осаде, а затем и взятию некоторых опорных точек в кавказских горах. После возвращения с Кавказа его наградили орденом и повысили в чине. Затем он опять продолжил службу у генерала К. А. Шильдера, а в 1851 году перешел в гвардейские инженеры и переехал в Петербург [5, с. 4].

Ярче всего талант Тотлебена как военного инженера-практика проявился в войне 1853-1856 гг. В начале 1854 года его вызвали в главную квартиру Дунайской армии, где он продолжил службу помощником генерала К. А. Шильдера. Помогал обеспечивать русским войскам переправу через реку

Дунай. Кроме этого осуществил в военных действиях на Дунае несколько разведывательных операций, целью которых было обследование и изучение окружающей местности. Именно Э. И. Тотлебен разработал план русской атаки военных укреплений противника в сражении при Калафате против турок зимой 1853 года. После того как К. А. Шильдер получил ранение, именно Эдуард Иванович продолжил и возглавил проведение осадных работ под Силистрией [5, с. 4-5]. Историки отмечают, что отношения между этими людьми не всегда складывались идеально. Порывистый и импульсивный Карл Андреевич с трудом терпел методичного и любящего порядок Тотлебена. Но Эдуард Иванович считал себя «по гроб жизни» обязанным К. А. Шильдеру, а сын Шильдера - Николай Карлович - долгое время был адъютантом Тотлебена [9].

Инженерный талант генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена лучше всего проявился именно в условиях войны, в процессе осуществления общей деятельности и реализации поставленных задач с другими военачальниками: вице-адмиралом В. А. Корниловым и адмиралом П. С. Нахимовым. Представить, что в одиночку кто-либо мог справиться с такими сложными задачами по обороне Севастополя сложно. Вне коллектива соратников, это было вообще невозможно.

Важно отметить, что Тотлебен являлся так же последователем выдающегося русского военного инженера, генерал-майора Аркадия Захаровича Теляковского (1806 - 1891), перевод монументального труда которого «Фортификация» был успешно осуществлен практически на все европейские языки и являлся официальным учебником в военно-учебных заведениях европейских стран.

В своём учении Аркадий Захарович Теляковский отказался от существующего в те времена догматико-схоластического, оторванного от реальной военной жизни изложения курса лекций по фортификации и призывал рассматривать военные фортификационные системы в стойкой взаимосвязи с военной тактикой и стратегией. Научный труд А. З. Теляковского имел живой интерес не только в России, но и в Европе. Европейские печатные издания в 1853 году открыто писали о том, что именно Теляковский активно развивает и продвигает фортификационную науку, опираясь исключительно на факты своей, русской военной истории, на накопленный Россией военный опыт, он не копирует и тем более не заимствует. Это действительно были революционные изменения в фортификации. Теоретические положения Теляковского - это, во-первых, необходимость связи фортификации и военного искусства с артиллерией; во-вторых, крайняя необходимость в прямом сочетании военных укреплений с окружающей местностью и потребностями войск; в-третьих, планирование и создание новых типов оборонительных сооружений; в-четвертых, обязательное разделение инженерно-строительных работ по порядку и по очереди. Все эти положения Теляковского были блестяще осуществлены Тотлебенным, и с честью выдержали проверку на практике вовремя Севастопольской обороны 1854-1855 [4, с. 54]. В связи с этим, в европейской газете «*Militaire Litterature Zeitung*» писали, о том что «...школа, созданная таким теоретиком, как Теляковский, и таким практиком, как Тотлебен и Мельников, по справедливости должна называться первой в Европе» [7, с. 27]. Знаменитый герой обороны, минёр А. В. Мельников (1827-1879), который руководил опасной, но крайне необходимой в тех условиях - минной обороной на 3-м бастионе Севастополя, проявлял незаурядную изобретательность в построении и проходке подземных галерей. (Проходка – подготовительные подземные горные выработки для последующих подземных строительных работ. Искусственное образование в земной коре полостей путём выемки горных пород для вскрытия, транспортировки, вентиляции и т.д. Этим целям служат шахтные стволы, штольни и др.) Он отважно и смело разрушал и уничтожал такие же галереи противника, поэтому Мельников был прозван за эту работу «Севастопольским кротом» [7, с. 27].

Таким образом, идеи А. З. Теляковского стали не только основой русской школы фортификации, но и были успешно реализованы во время Севастопольской обороны (1854-1855) Э. И. Тотлебенным. Теоретические положения, разработанные А. З. Теляковским, о необходимости сочетания военных укреплений с местностью и потребностями войск, четкой связью фортификации с артиллерией, созданием новых образцов оборонительных построек и сооружений, разделением военно-инженерных работ по очереди, были реально применены Тотлебенным на практике во время обороны Севастополя (1854-1855) и показали выдающийся результат.

Определяя роль Э. И. Тотлебена в усилении линии обороны в Севастополе, необходимо понимать, что в отличие от российской, западная фортификационная наука того периода, содержала множество сложных формул, чертежей, строгих правил, была наполнена строгой симметричностью и мелкими техническими подробностями, которые на практике невозможно было осуществить. Самое важное, что эти правила не оправдывались боевым опытом. Поэтому войска часто отказывались от сооружения военно-полевых укреплений, в большинстве европейских войск утвердилась точка зрения о бесполезности таких укреплений. Изучение военной фортификации находилось в большом отрыве

от остальных военных дисциплин, чего в русской фортификации благодаря Теляковскому и Тотлебену, как его последователю, не произошло [6, с. 10].

Принятое в европейской фортификации, ее деление на полевую и долговременную, определялось не назначением, а материалом конструкции. Европейские инженеры считали, что укрепления выполняют свои функции и значение - без самих войск. Европейская фортификация существенно отстала от русской и других военных наук. Русская школа фортификации базировалась на другом методе, согласно которому каждая эпоха в фортификации объясняется современным развитием военного искусства, в частности, уровнем развития артиллерии и военного осадного искусства в целом. Фортификационные системы обороны рассматриваются русскими инженерами не изолированно друг от друга, а в их взаимозависимости. Именно в теории Теляковского и практике Тотлебена раскрывалась связь фортификации с тактикой и стратегией [6, с.15]. В этом проявился и национальный характер русского военного искусства, который выражался, прежде всего, в том, что русская фортификация не подражала западу, а являлась самостоятельной и оригинальной.

Теляковский в своих исследованиях отмечал особую важность не самой формы, как таковой, а именно то, как эти формы сочетаются с окружающей местностью в каждом отдельно взятом случае. Выделял, что необходимы и очень возможны военные укрепления, которые включают в единую систему обороны различные подсистемы. Всё это расстраивало классичность геометрических форм, а этого не допускала официальная западная фортификационная наука. Но Теляковский всегда настаивал на том, что фортификация призвана приспособить при помощи укреплений окружающую местность к самому выгодному действию войск. Именно потому лучшими становятся те укрепления, «которые по разнообразию месторасположения большею частью получают фигуру геометрически неправильную» [6, с. 22].

Таким образом, применяя новый принцип русской школы фортификации - сочетание элементов различных систем, и определение чертежа укреплений условиями местности фортификационные формы становятся гибкими, и приближенными к решению боевых задач. Несомненно, приступая к работе в Севастополе, Тотлебен руководствовался данными принципами, он руководил противоосадными и контрминными работами у Малахова кургана, возведением Селенгинского редута, руководил закладкой Волынского и Камчатского редутов. Он умело приспособливал укрепления к местности; инженерные сооружения для артиллерийских батарей готовил так, чтобы была возможность вести сосредоточенный огонь по одной цели; применял ложементы, которые положили начало стрелковым окопам, широко использовал подземно-минную борьбу.

Деятельность Тотлебена в Севастополе началась с 10 августа 1854 года, когда он приехал сюда с Дуная, но только 12 сентября 1854 года инженер-подполковник Тотлебен был назначен начальником всех оборонительных работ. Он понимал, что местность, на которой расположен Севастополь, удобна для организации мощной обороны с моря и неудобна для обороны с суши.

Ещё в 1818 году для усиления с суши военной обороны с северной стороны города Севастополя и его прибрежной акватории, мест для якорной стоянки кораблей и судов было выстроено Северное укрепление. Данное укрепление имело форму восьмиугольного форта, с четырьмя небольшими бастионами. Северный форт имел 50 орудий. Оборона Севастопольского рейда с моря состояла из 8 каменных и земляных батарей. К весне 1854 года береговая оборона была усилена. Она имела 14 батарей с 610 орудиями, в том числе 28 бомбовыми. Относительно обороны Севастополя с суши существовало мнение о невозможности высадки крупного десанта и, следовательно, невозможности нападения на Севастополь крупными силами с суши. С южной стороны Севастополь был укреплен очень слабо. На южной стороне города оборонительный рубеж позиции вместо запланированных шести бастионов, на которых должно быть по 12 орудий, фактически имел в готовности только один - 6-й бастион. А всего на южной оборонительной линии, длина которой составила 7 км, находилось только 145 орудий, установленных в недостроенных укреплениях [3].

Поэтому, работы начались и велись круглосуточно без перерывов. К севастопольским пристаням - Графской, Павловской и Госпитальной – постоянно подвозили стволы орудий на станках (станок или лафет – это конструкция, на которую крепится ствол артиллерийского орудия), которые снимали с кораблей, доставляли снаряды. Возле бастионов по окружности в каменистом грунте солдаты рубили рвы, насыпали брустверы, строили пороховые погреба, возводили блиндажи. По улицам Севастополя местное население приносило к бастионам мешки с землей, бревна, дерн. На батареях, в построенных орудийных дворах из крымской глины и камня, которые складывали насухо, устанавливали снятые с кораблей орудия. «И укрепления вырастали на глазах, вооружались, тут же занимал их назначенный гарнизон» [13, с. 5].

11 (23) сентября, чтобы не допустить прорыва военных кораблей врага на внутренний Севастопольский рейд, было принято непростое решение о затоплении поперек входа в бухту пяти

парусных линейных кораблей и двух фрегатов. Все другие парусные суда, пароходы и пароходо-фрегаты сохранили и использовали для обороны Севастополя: их завели в севастопольскую бухту под защиту построенных батарей. С них на берег были сняты артиллерия и корабельные экипажи матросов (около 18 тыс. человек), из которых сформировали 22 батальона [3].

13 (25) сентября 1854 года в Севастополе было объявлено осадное положение. Оборону города возглавил вице-адмирал В. А. Корнилов, официально считавшийся начальником штаба обороны. Его ближайшими помощниками были командующий эскадрой вице-адмирал П. С. Нахимов, назначенный начальником южной стороны, и контр-адмирал В. И. Истомин (начальник обороны Малахова кургана). Общее руководство инженерными работами осуществлял инженер-полковник Э. И. Тотлебен.

Таким образом, фортификационная оборона под Севастополем состояла из четырёх позиций. Три позиции были оборудованы на Южной стороне и одна на Северной. Оборонительные сооружения и укрепления южного фронта с суши включали (с востока на запад): первый и второй бастионы, Корниловский бастион или Малахов курган, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой бастионы. Эта линия представляла собой главную оборонительную линию.

За весь период осады военной крепости Севастополь были сооружены передовые и промежуточные ряды укреплений, которые значительно усиливали главную линию обороны города. Самыми важными из них были: Селенгинский и Волынский редуты, сооруженные впереди второго бастиона; Камчатский люнет, построенный перед Малаховым курганом, а между Малаховым курганом и третьим бастионом стояла батарея Жерве; редут Шварца был выстроен между третьим и четвёртым бастионами. Редуты и бастионы главной оборонительной линии были связаны между собой траншеями.

Таким образом, впервые в истории сухопутной обороны Севастополя впереди главной оборонительной линии была организована зона сплошного артиллерийского и ружейного огня, глубина, которой составила около 200 метров, она открывала возможность для ведения концентрированного огня на заданных направлениях. Сформированная система огня дополнялась системой инженерных заграждений - рвы, мины, фугасы, волчьи ямы. За главной оборонительной линией шла вторая линия, служившая для отвода войск на время артиллерийского обстрела. Третья линия, которая проходила частично в городской черте, состояла из домов, которые были приспособлены как военные опорные пункты и служили для укрытия главных резервов. На второй позиции, так же, как и на главной, для обеспечения действий отдельных артиллерийских батарей, были возведены бастионы и редуты. В результате активных военно-инженерных действий в период первого месяца обороны Севастополя под руководством талантливых военных инженеров и Э. И. Тотлебена, В. П. Ползикова, А. В. Мельникова и др., а так же мирными защитниками города и матросами было построено более двадцати военных батарей. Количество артиллерии на Южной стороне города увеличилась до 341 орудия (в том числе 118 тяжелых) против 144, имевшихся у противника. Таким образом, в Севастополе в кратчайший период времени была выстроена глубоко эшелонированная система обороны, в основу которой были положены идеи теоретика фортификации Теляковского. При этом, Тотлебен, творчески подходя к положениям Теляковского, развивал их дальше. Созданная им линия обороны дала возможность эффективно и главное - результативно использовать морскую и береговую артиллерию, все существующие тогда силы и средства.

Основой, созданной Тотлебенем обороны, были севастопольские бастионы. Построенная глубоко эшелонированная линия оборона являлась лучшим образцом военно-полевой фортификации того времени. Она полностью отвечала условиям окружающей местности и требованиям военной тактики [3]. Важнейший оборонительный рубеж защитников Севастополя в то время представлял собой сильную систему инженерных укреплений, построенных с учетом и применительно к холмистой местности. Расстояния между построенными бастионами соединили и укрепили куртинами (оборонительными стенами), их так же соединили между собой траншеями, батареями, люнетами и редутами. Созданную таким образом, линию обороны разделили на три, а потом - на четыре и пять дистанций. Бастионы первый и второй, а так же Малахов курган вошли в состав четвертой дистанции. Здесь командиром был контр-адмирал В. И. Истомин [13, с.10].

18 (30) сентября 1854 года наши враги, англо-франко-турецкие войска, общей численностью 67 тысяч человек, из них - 41 тысяча французских войск, 20 тысяч англичан и 6 тысяч турецких войск, стали на подступах к русскому Севастополю с южной стороны. Вражеский флот состоял из 34 линейных кораблей и 55 фрегатов. Уже 5 (17) октября в 6 часов 30 минут началась первая бомбардировка военной крепости. Противники начали огонь сразу по всем выстроенным оборонительным сооружениям из 126 тяжелых орудий, а к середине дня к ним подошли корабли с еще 1340 орудиями на кораблях. Враг рассчитывал массовой бомбардировкой с моря и суши сразу уничтожить сухопутные укрепления Севастопольской крепости и штурмом овладеть городом.

Севастополь на это ответил мощным артиллерийским огнем из 250 орудий. «Этот бой продолжался ровно 12 часов и прекратился тогда лишь, когда совершенно смеркалось» [3]. Защитники крепости добились тесного огневого взаимодействия корабельной и крепостной артиллерии. Моряки и население города всю ночь с 5 (17) на 6 (18) октября провели в тяжелой работе по устранению нанесенных повреждений. К изумлению противника утром 6 (18) октября севастопольские укрепления уже были восстановлены и готовы вновь к отражению новых атак врага. Впоследствии этот подвиг мирных севастопольских защитников назовут «русским чудом», «русской Троей» [13, с.12].

В итоге, после оказанного сопротивления, союзные войска, вынуждены были отказаться от открытой атаки на Севастополь, и перешли к осаде города, а первый день массовой бомбардировки - 5 октября 1854 года назвали огненным крещением для сухопутных оборонительных сооружений и серьезным экзаменом для их инженера-создателя. Необходимо и важно отметить, что в ходе артиллерийской дуэли практически все французские батареи были подавлены русскими моряками-артиллеристами, но британцы, обладавшие лучшей осадной артиллерией в мире, смогли разрушить третий бастион и нанести серьезные повреждения другим укреплениям Корабельной стороны. И все же гарнизон выстоял. Вклад Тотлебена в дело обороны города во время первой бомбардировки Николай I оценил производством во флигель-адъютанты [9]. Осенью-весной 1854-1855 гг. Тотлебен спланировал и построил вторую линию опорных пунктов на Городской стороне - Чесменский, Ростиславский, Язоновский редуты, систему ложементов впереди редута Шварца и четвертого бастиона, возглавил контр-минную войну перед четвертым бастионом. В апреле 1855 года флигель-адъютант Его Величества полковник Эдуард Тотлебен был произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества. Сразу же после получения известия об успешном отражении гарнизоном Севастополя штурма 6 июня 1855 года, Император прислал в осажденную крепость два ордена - Святого Георгия 3-й степени, одним из которых был награжден Эдуард Иванович, — «в воздаяние примерных трудов по возведению Севастопольских укреплений, составляющих образец инженерного искусства, и в награду блистательной храбрости и мужественного хладнокровия, оказанных 6 июня при отражении неприятельского штурма» [9].

В ходе военных действий в начале июня Тотлебен был ранен в ногу, но отказался покинуть боевое место службы, и еще два месяца, до августа 1855 года находился в Севастополе. После падения Малахова кургана и начала эвакуации Эдуарда Ивановича переправили в Симферополь. В конце Крымской кампании, на конференции, проходившей в Инженерной академии, отмечали заслуги Тотлебена. Докладчики говорили о «гениальной изобретательности генерал-адъютанта Тотлебена, который изыскал средства под огнем неприятеля обратить почти открытый город в крепость, выдержавшую 11-месячную постепенную атаку. Предупреждал действия неприятеля и с блистательным успехом противопоставил ему на каждом шагу преграды, как на поверхности земли, так и под землею» [9]. Так же Тотлебен получил награду от конференции - специальную золотую медаль.

Таким образом, в период обороны Севастополя, под руководством Тотлебена оборонительная линия города значительно расширилась, она включала в себя вновь сооруженные бастионы куртины и форты. Работы под руководством Тотлебена велись непрерывно. На месте слабых укреплений, быстро была построена сплошная линия обороны. Была значительно расширена фронтальная позиция на линии Северного укрепления и построена оборонительная линия на южной стороне города. В связи с нехваткой времени не возводили прочные и правильные укрепления; работы велись одновременно на всех пунктах, для усиления обороны использовались пушки, снятые с кораблей. При создании оборонительной линии Тотлебен учитывал следующее: выбиралась ближайшая к городу позиция, обусловленная существующими укреплениями, и на главных её позициях устанавливалась артиллерия; эти позиции соединяли траншеями для ружейной обороны и рвами для перемещения сил прикритий; между главными пунктами кое-где ставились ещё отдельные батареи. В результате проделанной работы все подходы к городу были закрыты усиленной фронтальной и фланговой линией обороны, пушечным и ружейным огнём.

В кратчайшее время там, где вражеские рекогносцировки (разведка местности, которую проводят для различных целей в геодезии, и в военных целях) обнаруживали ненадёжные укрепления с незащищёнными пространствами, была создана сплошная оборонительная линия. В результате войска союзников вынуждены были отказаться от штурма открытой атакой и с 28 сентября 1854 года начали вести осадные работы.

Новейшим словом в российской и мировой фортификации стало создание Тотлебенем разветвленной системы ложементов - небольших окопов для укрытия пехоты или орудий, передовых окопов и редутов (отдельно стоящее укрепление сомкнутого вида, чаще всего земляное, с валом и рвом, которое предназначается для круговой обороны), тщательно и скрупулезно приспособленных к

окружающей местности. Всё это давало возможность русским значительно усилить ружейный огонь в бою, значительно затруднить ведение осадных работ противникам, содействовало активным вылазкам, а главное - стали, по выражению Тотлебена, «ушами и глазами обороняющихся». Руководители обороны Севастополя были довольны Тотлебеном. Восторженным было впечатление адмирала Корнилова: «Под началом Тотлебена мы за день сделали то, что не смогли сделать за год. Без Тотлебена мы бы вовсе пропали» - так характеризовал фортификационную деятельность молодого инженера легендарный адмирал П. С. Нахимов [9]. Однако, можно отметить, что в советской науке были попытки иначе оценивать деятельность Тотлебена [1], [7], велись споры о значении и роли Эдуарда Ивановича в обороне Севастополя, но в основном работа Тотлебена оценивалась положительно [2], [8], [10], [12].

Деятельность Эдуарда Ивановича после войны была связана с работой по созданию труда «Описание обороны города Севастополя», вышедшего в 1863 году. Многое, что нам известно о создании оборонительных сооружений до начала Крымской войны и деятельности Тотлебена во время обороны, мы узнали из его сочинения [11]. Во вступлении к своей работе сам Э. И. Тотлебен даёт оценку деятельности русской армии: «Геройский гарнизон Севастополя стяжал удивление всего мира, и доблестям русской армии отдавали должную дань даже враги наши».

Список литературы

1. Абрамов, Л. В. О неправильном освещении некоторых вопросов Севастопольской обороны / Л. В. Абрамов, И. М. Кореннблат // Вопросы истории. — 1955. — №7. - С. 122 – 185. - «Библиотека»: сайт. — URL: <http://library.ua/m/articles/View> (дата обращения: 16.09.2016).
2. Васильчиков, В. И. Севастополь: Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова / В. И. Васильчиков // Русский архив. — 1891. — Кн. 2. - № 6. - С. 167-256.
3. Воробьев, Д. Севастопольская оборона (сентябрь 1854 – август 1855 гг.) / Д. Воробьев // Министерство обороны Российской Федерации: сайт : — URL: <http://encyclopediail.ru/encyclopediail> (дата обращения: 16.09.2016).
4. Из истории русского военно-инженерного искусства. — М.: Военное издательство Военного Министерства Союза ССР, 1952. — 152 с.
5. Кухар-Онышко, Н. А. Военный инженер Э. И. Тотлебен: очерк / Н. А. Кухар-Онышко. - Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010. — 32 с.
6. Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. С. И. Вавилова, ред.-сост. И. В. Кузнецов. — М., Л.: Гос. изд-во техн.-теоретической литературы. - 1948 г. - 1195 с.
7. Майков, Е. И. Развитие русского военно-инженерного искусства в обороне Севастополя в 1854 — 1855 гг. / Е. И. Майков, Д. К. Жеребцов, С. С. Волк. - С. 109 - 135 // Из истории русского военно-инженерного искусства: сборник статей / ред., сост. Д. В. Панков. — М.: Военное издательство Военного Министерства Союза ССР, 1952. — 151 с.
8. Позднев, А. Творцы отечественного оружия / А. Позднев. — М. : Воениздат, 1955. — 452 с.
9. Скупов, Б. А. Гений фортификации и обороны Севастополя Эдуард Тотлебен / Б. А. Скупов // Строительный эксперт: сайт. — URL: <https://ardexpert.ru/article/9464> (дата обращения 14.04.2018).
10. Тарле, Е. В. Крымская война / Е. В. Тарле. - М.: АСТ, 2005. - 1368 с.
11. Тотлебен, Э. И. Описание обороны г. Севастополя / Под ред. Э. И. Тотлебена. - СПб. : Издательство Н. Тиблена и Ко. - 1863. — 845 с.
12. Хрущов, А. П. История обороны Севастополя / А. П. Хрущов. - СПб.: Типография В. В. Комарова, 1888. - 170 с.
13. Шавшин, В. Г. Бастионы Севастополя / В. Г. Шавшин. - Севастополь: Таврия-Плюс, 2000. - 22 с.

Статья поступила в редакцию 08.02.2018

Vakulova, T. V. The Fortifier of the Crimean War

The article deals with the role of the military engineer E.I. Totleben in Sevastopol defense reinforcement in the years of the Crimean War. The author singles out periods and features of military service of Totleben under the leadership of K.A. Shilder when Totleben's abilities and military engineering talents were manifested. The analysis is given of the theoretical positions of the Russian school of fortification created by A.Z. Telyakovskiy and skillfully applied by Totleben to the construction of Sevastopol echelon line of defense.

Keywords: Crimean war, defense of Sevastopol, military engineer, E. I. Totleben, K. A. Shilder, A. Z. Telyakovskiy, fortification constructions, echelon line of defense.

УДК 392.1(=411)(1-924.71)

Рассматриваются обряды и обычаи послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, связанные с процессом социализации новорожденного – приемом его в члены семьи, рода, религиозной конфессии. Проводятся параллели с подобными элементами родильной обрядности болгар, гагаузов, украинцев, народов Кавказа. Описывается обычай устраивать в честь рождения ребенка праздник под названием «Стол Божьей Матери», дарение ритуальных подарков новорожденному и его матери бабушкой и дедушкой по отцовской линии, подготовка к обряду крещения младенца.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, роженица, новорожденный, социализация, семья, конфессия.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГРЕКОВ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

Греки с древности населяют Крымский полуостров. В рамках этого этноса существует две этнографические группы, выделяемые учеными по языковому признаку: урумы (их язык схож с крымскотатарским) и румеи (говорят на диалектах крымскорумейского языка, близок к новогреческому). В 1778 – 1780 гг. крымские греки были переселены из Крыма в Азовскую губернию (Приазовье). Урумы основали здесь город Мариуполь и села: Бешев, Ласпи, Карань, Старый Крым, Мангуш, Богатырь, Камара, Керменчик, Улаклы, Аргин-Ени-салу. Румеи zaloжили и стали жить в селах: Сартана, Чермалык, Аргин Кара-коба, Стиля, Демерджи или Константинополь, Харахла или Малая Ени-сала, Чердакли, Кремневка, Ялта, Гурзуф.

Родильно-крестильная обрядность греков Крыма и Приазовья – это составная часть их семейной обрядности. В родильно-крестильной обрядности мы выделяем три хронологически последовательных цикла: 1) предродовой, 2) родильный, 3) послеродовой.

Обычаи и традиции послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья составляют одну из частей длительного процесса социализации новорожденного и являются актуальной проблемой современных этнологической и педагогической наук.

Традиции и обычаи, которые символизируют прием младенца в члены семьи, рода, религиозную и гражданскую общины можно разделить на три группы:

Первую группу составляют обряды, которые символизируют принятие ребенка коллективом родственников (передача ритуальных подарков бабушкой и дедушкой по отцовской и материнской линиям; праздник, связанный с рождением ребенка – «Стол Божьей Матери»).

Вторая группа включает обычаи и обряды, с помощью которых новорожденный становился одним из представителей православной конфессии (крещение, «наречение именем»).

Традиции третьей группы содействовали вхождению младенцем в «территориальную общину» – сельский коллектив (ритуал посещения роженицы соседками и подругами, крестины).

В данной статье мы рассмотрим обычаи и традиции первой и второй групп – передача ритуальных подарков новорожденному и роженице, организация праздника «Стол Божьей Матери», крещение.

У крымских и приазовских греков существовал обычай, согласно которому, первыми должны были увидеть новорожденного дедушка и бабушка по отцовской линии. При этом они одаривали внука: дедушка дарил – теленка или ягненка, бабушка – золотую монету [6, с.182]. Не случайно, что составной частью ритуального подарка был домашний скот, поскольку известно, что он особенно ценился у греков Приазовья, ведь одной из наиболее развитых отраслей хозяйства у них было скотоводство. Обряд торжественного вручения традиционных подарков, можно считать актом признания ребенка наиболее уважаемыми членами большой семьи, хозяевами дома – дедушкой и бабушкой по отцовской линии.

После передачи подарков бабушка посыпала новорожденного мукой, делая символический крест на лбу, чтобы «он дожил до седых волос», потом на руках и ногах, чтобы ходил в богатстве» [6, с.183].

Во время Приазовских экспедиций нами была зафиксирована информация о том, что такой обряд проводила мать роженицы. Это происходило на 41-й день после родов, после «очищающей» молитвы в церкви – «саранц» (рум.), «эоржи» (урум.), роженица с младенцем заходила в гости к матери. Посыпая голову внука мукой, мать роженицы говорила: «Аспасапонагевер» – «Я посыпаю мукой» [12, л.76] или произносила пожелание «живи долго» [12, л.18].

Кроме этого, респонденты рассказывали нам о существовании еще такого варианта обычая: «Соседка, к которой роженица с ребенком заходили в гости в первый раз после родов, посыпала голову младенца мукой, делая при этом крестообразное движение и желала ему дожить до седых волос» [12, л.7].

В селе АргинЕни-салу (Великая Новоселовка) наши респонденты говорили, что подобные кресты мукой, соседи и знакомые, увидев ребенка в первый раз, делали в трех местах – на лбу, подбородке и груди [13, л.23].

Вероятно, этот обычай трансформировался из сугубо семейного обрядового действия, которое исполняли только кровные родственники, в общепринятый ритуал для представителей всего сельского коллектива.

Несмотря на то, что этот обычай не был описан С.И. Марковым, который занимался исследованием семейного быта приазовских урумов, мы зафиксировали воспоминание о данном обычае как у греков-румеев, так и греков-урумов, на протяжении всех трех приазовских экспедиций.

По свидетельству наших информаторов, дедушка и бабушка дарили подарки не только внуку, но и его матери – своей невестке. Они дарили ей отрез на платье. Этот подарок символизировал благодарность со стороны родственников мужа, за рождение внука, продолжателя рода [11, л.71].

Что касается вопроса, кто из родственников, согласно обычаю, имел право первый раз взять ребенка на руки, мы получили три варианта ответа от наших респондентов:

- 1) отец новорожденного;
- 2) бабушка по отцовской линии;
- 3) дедушка по отцовской линии.

Дедушку и бабушку по линии матери ребенка оповещали о рождении внука или внучки с помощью особого вида хлеба – «бармах» (урум.). Этот хлеб по форме был похож на человеческую ладонь с пятью пальцами [7, с.414]. Не случайно, что именно с помощью хлеба сообщали родственникам о рождении внука, ведь хлеб – это символ плодородия у многих народов.

День празднования рождения ребенка и чествования его матери назывался «Панаяс трапез» (рум.), «Панаяссофра» (урум.). В переводе с греческого языка – это означает «Стол Божьей Матери» [11, л.45].

По поводу того, кто организовывал «Стол Божьей матери» была получена разная информация. Одна группа наших респондентов рассказывала, что праздник организовывали сразу после родов. «Если роды были утром, то «Стол Божьей Матери» накрывали вечером; в том случае, когда роды закончились вечером – праздновали утром» [13, л.27].

Вторая группа респондентов говорила, что «Стол Божьей Матери» организовывали спустя 3-4 дня после родов» [12, л.40].

Третьи утверждали, что данный праздник проводили на 9-10-й день [12, л.31, 47].

После сравнения полученной информации мы пришли к выводу, что «Стол Божьей Матери» в первоначальном варианте проводился в тот самый день, когда проходили роды, и символизировал благодарность Божественным силам за благополучный исход родов. То, что нам называли еще две даты, может быть объяснено, в первом случае – как откладывания праздника на несколько дней из-за сложных родов, болезненного состояния ребенка; а во втором случае – как новая трансформированная форма проведения торжества [12, л.48].

У соседей греков в Приазовье – украинцев тоже существовал обычай чествования матери и новорожденного, он назывался «родыны» или «одвидки». Отдельные его элементы имели локальную специфику в разных регионах Украины, в частности, отличия в блюдах, которыми угощали гостей, в подарках для роженицы и новорожденного, пожеланиях и т.д. [2, с.105]. Один из общих элементов, как у греков, так и украинцев, это время проведения праздника – в день родов или на второй день после них [2, с.79].

Главным действующим лицом в подготовке и проведении праздника была повитуха. Она сама готовила ритуальные блюда и принимала гостей в качестве хозяйки [13, л.51]. У болгар повитуха была наделена функциями аналогичными греческой повитухе, к ней прислушивались все члены семьи и безоговорочно выполняли все ее распоряжения, которые она давала [8, с.111]. У украинцев также главной распорядительницей на празднике, а потом на крестинах была баба-повитуха [1, с.79].

Следовательно, повитуха, играла одну из самых важных ролей не только при подготовке и принятии родов, но и в проведении обычаев послеродовой обрядности греков Приазовья. Через организацию и проведение «Панаяс трапез» / «Панаяс софра» она помогала достойно чествовать Богородицу и ввести новорожденного в круг семьи.

После этого праздника, как правило, выбирали крестных родителей, на которых возлагали почетную обязанность – приобщение ребенка к христианской общине. Вместе с ними повитуха брала участие в подготовке к обряду крещения. Именно она (по свидетельству ряда респондентов) несла ребенка в церковь.

Количество присутствующих на «Панаяс трапез» / «Панаяс софра» было строго регламентировано. На этот праздник обязательно приглашали мать роженицы, ее крестную мать ближайших родственниц (только тех, кто уже рожал), свекровь [12, л.61]. На торжество, как и у греков, так и у украинцев, созывали ограниченное количество гостей, исключительно родных и близких родственников роженицы по женской линии [16, с.77].

На празднике, как у греков, так и у украинцев, присутствовали люди, которые были связаны кровнородственными узами с семьей новорожденного. Исключительное положение среди них занимала только крестная мать роженицы. Ее присутствие тоже имеет рациональное объяснение: крестные родители были тесно связаны с семьей крестника («духовное родство»), что ценилось не меньше, чем родственные отношения.

На праздничный стол в этот день подавали блюда традиционной греческой кухни: «каймак» (сладкие пенки с ряженки, сложенные горкой), «кубитэ» (пирог с мясной начинкой), «сыричу» (лапшу) с бульоном, «касаро» (сдобный калач), а также брынзу и кисель.

Гости, которые приходили на праздник, приносили с собой ритуальный подарок, состоящий из двух частей: 1) сладкие блюда традиционной греческой кухни (преимущественно мучные) для роженицы; 2) пеленки и одежду для новорожденного.

Мать роженицы, приходя на данный праздник, приносила с собой традиционный подарок, завернутый в платок. Этот подарок в селе АргинЕни-сала (Великая Новоселовка) называли «симсирабухча» (рум.) [12, л.33]. В урумском селе Керменчик (Старомлиновка) респонденты рассказывали, что свой подарок мать роженицы заворачивала в ткань («канииз»), которая по своим размерам и форме, напоминала платок [13, л.21].

В этот традиционный подарок входили: «кубитэ», сладости – для дочери, пеленки – «эсти» (урум.), «ангунья» (рум.) для новорожденного. Все блюда, что приносила мать роженицы и другие гости в подарок, сразу выставляли на праздничный стол [12, л.16].

Интересно, что у болгар, как и у греков, мать роженицы дарила дочери – сладости, а новорожденному – одеяло, кусок ткани для пошива одежды. Родственницы, что приходили на праздник, приносили младенцу – мелкие монеты, а роженице – мучные блюда [3, с.107].

У гагаузов праздник чествования роженицы и ребенка назывался «кадения». Все приглашенные на него женщины, как и у греков Приазовья, приходили с подарками (блюда, вино, мука, деньги) [9, с.19, 20].

По мнению этнографов Т.И. Кухаренок, З.П. Росинской, преподнесения роженице разных блюд во время данного праздника имеет связь с архаичными верованиями, в том числе и с такими, как приношения еды богам в честь рождения ребенка [2, с.46]. Подтверждением этой гипотезы могут служить такие факты:

1) название этого праздника переводится с греческого языка, как «Стол Божьей Матери»;

2) народное представление, которое сформулировано в выражении: «Чем больше будет блюд на праздничном столе, тем щедрее будет Господь к ребенку»;

3) название ритуального хлеба у гагаузов – «Панайяпитасы» (Хлеб Богородицы). Его выпекала перед праздником повитуха в доме роженицы. Во время празднования, хлеб разламывали на кусочки и раздавали всем гостям [9, с.19-20]. У гагаузов и греков бытовало одинаковое название «Панайя» в значении «Пресвятая», поскольку это слово имеет греческое происхождение, мы можем сделать предположение о влиянии греческой культуры на религиозные традиции гагаузов;

4) название хлеба у болгар – «Богородичнапитка». Этот хлеб из пресного теста, сразу после рождения ребенка пекла повитуха или свекровь. Если роды прошли после захода солнца, ждали утра, чтобы испечь этот первый в жизни ребенка обрядовый хлеб. Он посвящался Богородице, в благодарность за помощь при родах. Сам ритуал как будто бы символизировал «проводы» повитухи из дома роженицы для помощи другой беременной женщине. Кроме перечисленных выше лиц, на «Первой пите» присутствовала мать роженицы [8, с.110].

Роженица в общем праздновании участия не принимала, находилась в постели. Она должна была «делать вид измученной женщины» [7, с.414]. Вероятно, это было необходимо для того, чтобы уберечь ее от сглаза и действия нечистой силы. Стоит также упомянуть тот факт, что по народным представлениям, роды «делали» роженицу и новорожденного в глазах окружающих «нечистыми» [15, с.78]. На протяжении 40 дней после родов роженице запрещали выходить на улицу, посещать общественные места, церковь, кладбище, ей не разрешалось готовить еду, она также должна была спать отдельно от мужа [12, л.22].

У украинцев также существовали подобные запреты, ограничивавшие действия рожениц. Им запрещалось печь хлеб, доить коров, делать заготовки на зиму. Также считалось, что «нечистая» женщина после родов может сглазить ребенка или больного, ей нельзя показывать свои раны, так как они после этого долго не будут заживать [15, с.89].

Зная об этом, можно предположить, что отсутствие роженицы во время празднования «Стола Божьей Матери» связано не только с заботой о состоянии ее здоровья, а и с желанием защитить ее от сглаза.

Греческую роженицу после родов кормили молоком и бульоном из курицы [12, л.37]. Похожий обычай существовал и у грузин. В день родов, когда роженицу уже уложили в кровать, устраивали угощение для повитухи и женщин, которые присутствовали при родах. Стол ставили на то место, где рожала женщина. Роженице давали чай и блюдо из курицы [14, л.32].

Как пишет О.Н. Ксенофонтова-Петренко: «Роженица у приазовских греков должна была съесть кусок курицы, обязательно крыло и шею, для того, чтобы ребенок скорее окреп и держал голову прямо» [6, л.182]. Не исключено, что это более поздняя народная интерпретация обычая, который существовал раньше. Возможно, изначально он символизировал взаимосвязь, налаживаемую посредством парциальной магии между роженицей и курицей, которая у древних греков, грузин и ряда других народов была символом плодородия [5, л.38]. Эти народы пытались с помощью употребления роженицей блюд из курицы способствовать ее дальнейшему деторождению.

Следующим этапом в процессе социализации ребенка были обряды, с помощью которых, его принимали в православную конфессию. Роль повитухи в этом цикле обрядов будет менее значима, поскольку главенство в выполнении обрядов переходит от нее к крестным родителям. Тем не менее, следует отметить, что повитуха принимала участие в обряде крещения и в обряде наречения именем.

В «Православном катехизисе» о крещении написано: «Крещение – это таинство, в котором верующий, при троекратном окунании тела в воду, с призывом Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной, и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую» [10, с.3].

Одним из обязательных элементов крещения была вода. Она символизировала духовное очищение человека. Необходимо отметить, что культ воды присутствует в обрядности большей части народов мира, поскольку вода (источник жизни) была объектом поклонения и у кочевников, и у земледельцев. Но у каждого народа обычаи и обряды поклонения воде отличались своеобразием, поскольку формировались в условиях ведения разных систем хозяйствования и с учетом особенностей климата.

Фактически в мире нет ни одной религии, в которой бы не существовали элементы водного ритуала. Христианство, которое возникло на основе древних восточных религий и культов, отбросило ритуалы национальной исключительности и установило ритуал водного крещения. Этот обряд, согласно ранним христианским источникам, начинает складываться и распространяться во второй половине II в. Только в начале III в. в некоторых христианских общинах стали устраиваться крещения взрослых в соответствии с версией о водном крещении Христа, которое произошло на тридцатом году его жизни. Вопрос о водном крещении возник только тогда, когда христианство становится государственной религией Римской империи, т.е. после 1-го Вселенского (Никейского) собора в 325 г. [10, с.29].

Распространяя свое влияние на язычников, христианская церковь не могла не учитывать тот факт, что у них существует четкая система обычаев и обрядов, посвященных жизни человека с момента рождения и до смерти. Возникает необходимость в том, чтобы крещение осуществлялось не над взрослыми людьми, а над младенцами (т.е., сразу после рождения ребенок приобщался к вере и церкви). Было создано учение о «греховности» человека с первого дня рождения, это делало его зависимым от нечистой силы и обрекало на страдания и смерть, если ребенок не проходит обряд очищения и не отказывается от царства тьмы [4, с.283].

Позднее перед церковью возник новый вопрос, в какой день после рождения необходимо крестить ребенка. Этот вопрос обговаривался на многих церковных соборах, варианты его решения

были разными: на 8-й день – в честь обрезания Господнего; на 40-й день – в честь того дня, когда Мария и Иосиф принесли младенца Иисуса в Иерусалимский храм. Духовенство рассматривало в качестве возможного решения этой проблемы предложение христианского богослова Тертуллиана о том, что «каждый день есть Господний, всякое время и час возможен для крещения» [10, с.33].

Наши респонденты также называли разные даты крещения – «ваптизмы» (урум.), «футызны» (рум.) новорожденных детей. Первая группа респондентов говорили о том, что детей крестили на 3-й день после рождения [12, л.20], другие – через неделю [13, л.12], третьи – после 40 дней, когда за молитвой в церковь ходила мать ребенка [12, л.26].

У некоторых народов Юго-Восточной Европы, которые исповедуют православие, как и крымские и приазовские греки, мы можем проследить аналогии в выборе времени и возраста ребенка для осуществления ритуала крещения, поскольку все эти этносы приняли христианство византийского толка. Отметим, что обычаи и традиции послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья отличаются этническим своеобразием, хотя и имеют ряд общих элементов в обрядах соседних народов: украинцев, болгар, гагаузов.

Список литературы

1. Борисенко, В. К. Традиции этноса : на материалах празднично-обрядовой культуры украинцев / В. К. Борисенко. – К. : УНИСЕРВ, 2000. – 191 с.
2. Гаврилюк, Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев) / Н. К. Гаврилюк. – К. : Наукова Думка, 1981. – 224 с.
3. Державин, Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии) / Н. С. Державин. – София, 1914. – 259 с.
4. Зеленчук, В. С. Родильные обряды / В. С. Зеленчук // Молдаване: Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев : Штиинца, 1977. – С. 281 – 284.
5. Кагаров, Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции / Е. Г. Кагаров. – СПб., 1913. – 326 с.
6. Ксенофонтова-Петренко, О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонтова-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М. : Наука, 1979. – С. 173-185.
7. Марков, С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя / С. И. Марков // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С. 406 – 438.
8. Маркова, Л. В. Болгары / Л. В. Маркова // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. – М. : Наука, 1999. – С. 98 – 124.
9. Мошков, В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) / В. А. Мошков // Этнографическое обозрение. – 1900. - № 1. – С. 17 – 70.
10. О таинстве крещения. – М. : Отчий дом, 1996. – 80 с.
11. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП) : полевая тетрадь №7/1, 1993. – Л. 2 - 80. (личный архив автора).
12. (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 1/1, 1994. – Л. 7 - 77. (лич. арх. авт.).
13. (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 1, 1995. – Л. 3 - 30. (лич. арх. авт.).
14. Соловьева, Л. Т. Материалы по обрядности детского цикла у грузин Аджарии / Л. Т. Соловьева // Полевые исследования института этнографии за 1983 г. – М. : Наука, 1987. – С. 29 – 37.
15. Сумцов, Н. Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка / Н. Ф. Сумцов // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1880. – Ч. ССХII. – С. 68 – 91.
16. Ящуржинский, Х. Поверья и обряды родин и крестин / Х. Ящуржинский // Киевская старина. – 1893. - № 7. – С. 74 – 83.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018

Dmitrieva, V. V. Revisiting the Child's Socialization in the Traditional Culture of the Greeks of Crimea and the Azov Sea Region

The article deals with the rituals and customs of the post-natal cycle of the birth and christening ceremony of the Greeks of Crimea and the Azov Sea Region connected with the process of socialization of the newborn – his/her admission to the family, clan, religious confession. The author likens the rituals to the similar birth rituals of Bulgarians, Gagauzes, Ukrainians, and Caucasians. The article describes the custom of arranging a holiday in honor of the birth of a child called "The Table of the Mother of God", presenting ritual gifts to the newborn and his/her mother by paternal grandparents, preparing for the rite of the infant's christening.

Keywords: Greeks of Crimea and the Azov Sea Region, birthing mother, christening, newborn, socialization, family, confession.

УДК 213:27-021.67(=161)

Впервые в отечественной гуманитарной науке тема изучения восточнославянского язычества представлена на уровне отдельного научного исследования. С помощью проблемно-хронологического метода автор показал этапы и связанные с ними научные школы и концепции исследования восточнославянского язычества; коснулся довольно популярной в наше время концепции «недоразвитости» и «убогости» наших предков языческой эпохи. Подробно проанализированы ключевые научные труды, связанные с исследованием восточнославянского язычества, показан вклад каждого исследователя в изучение восточнославянских языческих культурных традиций. В статье представлены новейшие исследования, посвященные восточнославянскому язычеству, показаны перспективы изучения отечественных дохристианских духовных традиций.

Ключевые слова: научная школа, концепция, восточнославянское язычество, историография.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XXI ВВ.

Реконструкция восточнославянской культуры дохристианской эпохи - одна из первостепенных задач современной гуманитарной науки. Отечественная историография имеет уже довольно весомый список работ посвященных изучению восточнославянского язычества, но, несмотря на это, единства в оценке данного культурно-исторического феномена в сегодняшней отечественной гуманитарной науке не существует.

Исторический анализ основных научных школ и концепций, связанных с изучением восточнославянского язычества в отечественной гуманитарной науке XVIII-XXI веков – основная задача данной статьи.

В конце XVIII — начале XIX века появились первые научные произведения, в которых предметом исследования стали восточнославянские языческие верования и культы. В этот период были изданы несколько исторических и этнографических трудов, в которых авторы на основе иностранных источников и многочисленных фольклорных и этнографических материалов сделали первые попытки реконструкции восточнославянского язычества. В частности, в это время увидели свет такие произведения, посвященные дохристианской духовной культуре, как: «Древняя религия славян» Г. А. Глинка, «Славянская и российская мифология» В. С. Кайсарова, «Сказания русского народа» И. П. Сахарова и другие. Авторы этих исследований довольно часто использовали сомнительные источники. Так, Г. А. Глинка в своей «Древней религии славян» признавался, что не видит большого греха в том, чтобы заполнить некоторые пробелы в изучении древнеславянской религии своей собственной фантазией [11, с. 90]. К тому же, он даже не пытался скрыть пренебрежительного отношения к предмету своего исследования. Вместе с тем, существенной заслугой исследователей конца XVIII — начала XIX века можно считать то, что они первыми поставили тему восточнославянского язычества в качестве научной проблемы и этим подготовили почву для ученых Мифологической школы.

Научное изучение древних верований и культов было начато в Германии представителями так называемой «Мифологической школы» в начале XIX века. Ее основатели братья Якоб и Вильгельм Гримм и их последователи считали, что в устном народном творчестве, в волшебных сказках и легендах можно обнаружить следы древних мифов и представлений о языческих богах. Представители данного научного направления видели в мифах важнейший источник исследования национальной культуры и пытались с помощью языческой мифологии объяснять их происхождение, смысл устной народной поэзии и национальных языков. В основу этого научного направления были положены представления о том, что основой большинства фольклорных сюжетов в эпических песнях, сказках, легендах и т.п. стали древние дохристианские мифы-сказания [5, с. 15-99].

Среди восточнославянских ученых Мифологическая школа получила научное признание в 40–50-х годах XIX века. Ее яркими представителями были Н. И. Костомаров, А. А. Котляревский, Ф. И. Буслаев. Они провели кропотливую работу по выявлению, систематизации и публикации письменных и этнографических источников, а также изучению пережитков славянского язычества в современных им народных обрядах, обычаях, сюжетах и образах фольклора. Эти публикации в

будущем стали основой для написания монографий и статей, посвященных славянскому язычеству. Так, Н. И. Костомаров разработал научную методику исследования восточнославянской мифологии, соединяющую в себе элементы истории, фольклористики, лингвистики, этнографии, сравнительной мифологии. Одним из наиболее весомых трудов, посвященных теме славянского язычества, была монография Н. И. Костомарова «Славянская мифология», опубликованная впервые в 1846 г. На основе письменных, лингвистических, фольклорных и этнографических источников, а также обнаруженных автором параллелей из других разделов индоевропейской мифологии, историк кратко обрисовал главные черты дохристианского мировосприятия, представления славян-язычников о структуре земного мира и сакральный мир богов [21, с. 232–234].

Некоторые аспекты языческого мировоззрения наших предков были проанализированы А. А. Котляревским в его труде «Погребальные обычаи древних славян». В данном исследовании ученый одним из первых использовал на практике новейшую на то время методику комбинирования письменных, археологических, лингвистических и этнографических источников и этим положил начало комплексному подходу к использованию источников. При написании своей монографии А. А. Котляревский активно использовал письменные памятники и этнографические материалы, наработанные другими представителями Мифологической школы. Несмотря на название произведения, в исследовании дается характеристика не только погребальных обычаев, но и таких важных аспектов древнеславянских языческих представлений, как местонахождение и структура «сакрального мира богов», вера в сверхъестественное родство человека и некоторых животных [22, с. 30, 31, 76, 77].

Профессор Ф. И. Буслаев провел большую работу по поиску и упорядочению древнерусских письменных источников. Результатом этой работы стала публикация в 1858 году «Исторической хрестоматии церковнославянского и русского языка», в состав которой были включены полностью или частично 135 произведений древнерусской письменности XI–XVII вв., причем некоторые из них были опубликованы впервые [17]. Кроме того, он разработал научную методику исследования восточнославянской мифологии, сочетающую в себе элементы фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствоведения. Ф. И. Буслаев ввел в сферу научного исследования такой важный раздел народной культуры, как древнерусская иконопись [7, с. 13–121]. В своем исследовании «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» автор, в частности, коснулся такого аспекта древнеславянской языческой мифологии, как представления о небесных богах и древнеславянских демонических существах [8, с. 31–38].

Своеобразной энциклопедией славянского язычества в середине XIX века стала фундаментальная трехтомная работа А. Г. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В этом произведении ученый с почти исчерпывающей полнотой изложил в систематизированном виде все то, что было на то время известно о верованиях, обрядах и фольклоре восточных славян. В этом произведении исследователь впервые обозначил местонахождение и структуру «небесного мира» в сознании наших предков, а также коснулся таких важных аспектов архаического мировоззрения древних славян-язычников, как представления о природных стихиях, народных божествах и духах–берегинях [2, с. 177–186], [3, с. 139–175].

В целом можно утверждать, что в первой половине — середине XIX века исследователями Мифологической школы была создана достаточно основательная разносторонняя источниковедческая и концептуальная база исследования восточнославянских верований и представлений. Исследователи Мифологической школы с глубоким уважением относились к отечественному языческому культурному наследию. Тема мировоззренческих представлений восточных славян-язычников была впервые поставлена в качестве сложной научной проблемы. Вместе с тем, при рассмотрении данной проблемы представители Мифологической школы, как и их предшественники, пользовались греко-римским стандартом и в определенной степени подгоняли под него самобытные древнеславянские верования. Кроме того, они позволяли себе некоторые романтические увлечения и домыслы и в своих выводах не всегда опирались на фактологические данные. Так, например, А. А. Котляревский писал, что в сознании древних славян-язычников небо представляло собой море, облака — корабли, мертвецы — небесные коровы, которых пасет пес-ветер и т.п. [22, с. 76].

В середине XIX века в Российской империи значительно усилился интерес к языческим древнеславянским духовным традициям. На основе позитивистского подхода в науке возникла новая Историко-религиозная школа, среди представителей которой быстро получили популярность комбинированный и историко-сравнительный методы исследования восточнославянского языческого мировоззрения. В отличие от представителей Мифологической школы, использовавших в своих произведениях в основном этнографические источники и фольклорные материалы, исследователи

Историко-религиозной школы опирались главным образом на немногочисленные древнерусские письменные источники. Ученые Историко-религиозной школы активизировали свою деятельность по поиску и публикации древнеславянских памятников письменной культуры. Опираясь на значительно обогатившуюся источниковедческую базу и труды своих предшественников — ученых мифологической школы, они издали целый ряд научных монографий и статей, посвященных восточнославянским дохристианским верованиям и культам.

Известный отечественный филолог, археограф и историк И. И. Срезневский не только значительно обогатил историографическую базу исследования восточнославянского язычества, опубликовав большое количество малоизвестных на то время древнеславянских письменных источников, но и попытался в ряде своих произведений реконструировать такие важные аспекты восточнославянского языческого мировоззрения, как генезис культов некоторых восточнославянских божеств, представления о дружественных и вредоносных духах в сознании наших предков [33]. К сожалению, указанный исследователь, как и большинство его современников, в своих работах акцентировал свое внимание главным образом на дружинном пантеоне, при этом многих народных божеств, в частности Рода и рожениц, считал только духами умерших предков [34].

Новую концепцию исследования отечественной истории предложил М. С. Грушевский. Исследователь, не порывая с предшествующей традицией, сложившейся на то время в отечественной историографии, выдвинул абсурдную научную концепцию, согласно которой языческое мировоззрение украинцев начало формироваться еще во времена трипольской культуры, отдельно от мировоззрения россиян и других славянских народов. Данная антинаучная концепция вплоть до нашего времени находит самую горячую поддержку в трудах украинских националистов. Вместе с тем, М. С. Грушевский вполне разделял точку зрения многих отечественных исследователей об «отсталости и неадаптивности» восточнославянского языческого мировоззрения. Так, в первом томе своего фундаментального труда «История Украины-Руси» историк утверждал: «Религиозное мировоззрение нашего народа в дохристианскую эпоху основывалось на культе природы. Перед ним отступил и поблек культ предков, однако и культ предков не вышел из примитивных, слабо выраженных форм. Русская мифология вообще очень бедна, неясна и не столько из-за недостатка наших сведений, сколько из-за собственной слабости, вообще славянское племя не имело большой склонности к религиозной деятельности [12, с. 315].

Во второй половине XIX века в России возникли многочисленные исторические и археологические общества, сыгравшие значительную роль в исследованиях восточнославянской дохристианской культуры. В частности, известный российский ученый Е. В. Аничков в своем произведении «Язычество и древняя Русь», проанализировал древнерусские поучения против язычества, а также коснулся таких важных аспектов восточнославянского языческого мировоззрения, как представления об упырях и берегинях, культах некоторых народных и дружинных языческих божеств, содержания и идейной семантике религиозной реформы князя Владимира в 980 году, проблеме влияния христианской религии на мировоззрение древних славян [1, с. 37–98].

М. М. Гальковский в ряде своих произведений подверг анализу письменные источники, связанные со славянским язычеством, а также посвятил этой теме ряд исторических трудов. Наиболее выдающимся его исследованием является двухтомное сочинение «Борьба христианства с остатками язычества». В данной работе автор не только проанализировал собственно различные аспекты противостояния христианства и язычества в конце X - сер. XIII ст., но и попытался реконструировать древнеславянские языческие представления о структуре мира, происхождении славянских богов [10, с. 29, 33].

Первая попытка реконструкции представлений древних славян-язычников о загробном мире на уровне отдельного исследования была проведена в начале XX века А. Г. Соболевым в его монографии «Загробный мир по древнерусским представлениям» (1913). Исследователь в русле историко-религиозной школы обобщил все известные на то время теоретические исследования, связанные с верой восточных славян-язычников в сакральный мир богов и умерших людей, и обогатил их своими оригинальными наблюдениями [31].

Существенные коррективы в изучение исследуемой проблемы внес известный историк и этнограф Д. К. Зеленин. Ученый не только значительно обогатил этнографическую базу изучения древнеславянской языческой мифологии, но и предложил новые подходы к ее изучению, отличные от тех, которыми пользовались его предшественники. Д. К. Зеленин разделил языческие представления наших предков о покойниках на представления о «своих» и «чужих» мертвецах: «упырях» и «берегинях», и тем самым положил начало дуализму в изучении восточнославянской языческой демонологии. Кроме того, ученый ввел такие понятия в отечественную науку, как «заложный

мертвец», «неизжитый век», «своя и не своя смерть» и этим обратил внимание последующих исследователей на самобытные особенности восточнославянского язычества. Ключевыми произведениями историка стали монография «Очерки русской мифологии: Вып.1. Умершие неестественной смертью и русалки» и статья «Древнерусский языческий культ заложных покойников» [14, с. 62], [13, с. 399–04].

Следует отметить, что исследования восточнославянского язычества в конце XIX - начале XX века было делом рук главным образом энтузиастов. В среде тогдашних отечественных ученых исторически-религиозной школы продолжала существовать концепция «недоразвитости» восточнославянского язычества. Данный факт не мог не сказаться на отношении тогдашнего общества к своим дохристианским духовным традициям. Так, например, в монографии известного российского историка и исследователя древнерусского языка конца XIX - начала XX века П. М. Полевого находим, например, следующее: «Главной чертой верований у восточных славян была простота и недалекость их религиозного мировоззрения не только в отношении других народов арийского племени, но и в сравнении с другими славянскими племенами» [26, с. 62].

Но если П. М. Полевой наделяет наших предков дохристианской эпохи, хоть и «недалеким», но все же хоть каким-то мировоззрением, то другой российский ученый Н. М. Сперанский вообще считал, что языческая религия восточных славян носила неестественный, искусственный характер и была придумана князем Владимиром в 980 году [32, с. 142]. Таким образом, по мнению М. Н. Сперанского у наших предков до введения христианства вообще не было не только собственной религии, но и мировоззрения вообще.

В целом во второй половине XIX - начале XX века изучение языческих представлений восточных славян-язычников продолжалось в двух главных направлениях: за счет увеличения фактологической базы и за счет возникновения новой методологии изучения данной проблемы, сочетавшей в себе анализ этнографических, письменных, филологических и археологических источников. В результате количественного и качественного роста источниковедческой базы существенно увеличилось количество исследований, посвященных данной проблематике.

Исследователи дореволюционной эпохи, сосредоточив свое внимание на функциях тех или иных, в основном дружинных языческих богов, не проявили большого интереса к таким значимым проблемам, как языческие представления наших предков о месте и роли человека в структуре и идейной семантике родового миропорядка, игнорировали существование восточнославянских служителей языческого культа и многие другие аспекты языческой культуры наших предков. Кроме того, как среди отечественных, так и среди российских ученых второй половины XIX - начала XX века продолжала доминировать концепция о том, что развитие восточнославянской культуры берет свое начало лишь с периода распространения христианства на древнерусских землях.

В 20-е гг. XX ст. партийно-советский механизм руководства наукой привели к глубокому кризису гуманитарной науки. Часть отечественных ученых вынуждена была покинуть родину и продолжила научную работу в других странах. Начиная с конца 30-гг. XX ст., стала меняться в лучшую сторону ситуация с исследованием восточнославянского язычества в Советском Союзе. Патриотизм и преданность науке советских ученых способствовали продолжению их научной деятельности в условиях тотального террора и неудовлетворительного материального обеспечения науки и ученых. Так, в 1937 г. увидела свет работа уже упомянутого Д. К. Зеленина «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов», значительно обогатившая историческую науку новыми интересными идеями и наблюдениями [15].

Достаточно серьезный вклад в дело изучения дохристианских мировоззренческих представлений наших предков внес советский этнограф С. А. Токарев, оставивший после себя научные труды, посвященные духовной культуре индоевропейских народов, в том числе и восточных славян. Особый интерес, в свете реконструкции мировоззрения древних людей вызывает его монография «Ранние формы религий», в которой автор рассмотрел такие важные вопросы в свете интересующей нас темы, как классификация и генезис первобытных религий, влияние тех или иных форм религии на общественно-экономическую жизнь древних людей. Большое значение, по мнению автора монографического исследования, вызывает тот факт, что С. А. Токарев в своем исследовании одним из первых поставил проблему места и роли родовых инициаций в жизни древних людей [38, с. 206–27]. В его труде «Религиозные верования восточнославянских народов XIX - начала XX вв.» на базе этнографических, лингвистических и письменных источников были проанализированы не только пережитки языческих верований в народном сознании наших предков конца второго тыс. н.э., но и собственно дохристианские верования и культы [39, с. 38, 48, 51].

В послевоенные годы активизации изучения восточнославянских языческих верований и культов способствовало существенное обогащение археологической базы исследования славянского язычества. Советские ученые, основываясь на новейших данных археологии, подвергли критическому анализу многие дореволюционные концепции. В частности, опровергли концепцию дореволюционных ученых о начале развития восточнославянской культуры с периода распространения христианства на древнерусских землях. В немногочисленных, но созданных на высоком научном и методологическом уровне фундаментальных исследованиях советских ученых исследователи разных научных направлений продолжили реконструкции восточнославянской языческой духовной культуры.

При исследовании различных аспектов восточнославянского язычества в советскую эпоху главный акцент делался на обусловленности отечественной древней культуры и мифологии развитием внутренних общественно-экономических факторов. Формирование языческого мировоззрения восточных славян рассматривалось исследователями главным образом как результат многовекового процесса социально-экономического развития восточнославянского общества.

Советские ученые, опираясь как на источниковедческую базу, наработанную исследователями дореволюционной эпохи, так и новейшие археологические данные, уверенно доказали, что уже в дохристианскую эпоху для восточнославянского общества был присущ достаточно высокий уровень как материальной, так и духовной культуры. В связи с этим, в Советском Союзе возникло несколько научных концепций, представители которых пытались по-разному объяснить причины данного феномена.

Так, довольно влиятельной среди советских исследователей была научная теория, согласно которой высокий уровень материальной и духовной культуры у восточных славян дохристианской эпохи был связан с распространением на восточнославянских землях христианства уже с начала первого тысячелетия н.э. Ее активным сторонником был советский археолог М. Ю. Брайчевский. Исследуя разнообразные археологические находки, письменные памятники, в том числе и древнерусские летописи, он обосновал феномен необыкновенного взлета как материальной, так и духовной культуры Руси ранним распространением христианства. Язычество же, по мнению ученого, не только не способствовало развитию духовной культуры, но и было главным препятствием в развитии восточнославянского общества [6, с. 12-13].

Другую, противоположную точку зрения обосновал Б. А. Рыбаков. По его мнению, у наших предков в дохристианскую эпоху существовала довольно развитая языческая культура, включающая в себя письменность, архитектуру и даже летописание. Итогом многолетнего труда Б. А. Рыбакова над темой древнеславянских дохристианских верований стали его фундаментальные произведения «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси». Б. А. Рыбаков сконцентрировал свое внимание на выявлении периодизации истории формирования древнеславянских языческих верований, анализе системной организации славянского пантеона. В частности, объектом внимания этого исследователя стали такие важные аспекты восточнославянского языческого мировоззрения, как восточнославянский языческий пантеон, представления о структуре и образе сакрального мира, верованиях связанные с так называемым первоначальным дуализмом — культом упырей и берегинь [30, с. 74, 461–465], соотношение между куклами языческих божеств и тотемистическим культам животных и растений [29, с. 94, 95, 107].

Б. А. Рыбаков создал новую школу исследования восточнославянского язычества, в основе которой лежит использование новейших материалов археологических исследований, памятников материальной культуры и письменных источников.

Гипотеза Б. А. Рыбакова нашла подтверждение после открытия украинскими археологами Б. А. Тимощуком и И. П. Русановой в 80–90 годах XX века в Западной Украине крупных восточнославянских языческих храмовых комплексов, городищ-убежищ и городищ-святилищ. Как выяснилось, они имеют сложную структуру и убедительно свидетельствуют о наличии у наших предков дохристианской эпохи достаточно развитого мировоззрения и сложной культовой системы. Опираясь на выявленные археологические материалы, Б. А. Тимощук и И. П. Русанова поддержали и развили гипотезу Б. А. Рыбакова о существовании у восточных славян языческой и раннехристианской эпох развитой храмовой архитектуры, сложного института служителей языческого культа [35, 36, 37].

Важный вклад в дело исследования древнеславянского языческого мировоззрения внесли также советские фольклористы. Одной из главных задач их исследований стало выявление фрагментов древних языческих верований, обрядов и обычаев в восточнославянских былинах и сказках. Так, в работах этнографа и фольклориста В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», «Русский героический эпос» были проанализированы сюжеты из народных сказок, былин и других разделов народного фольклора, связанные с древнеславянскими дохристианскими верованиями и куклами [27,

28]. По мнению В. Я. Проппа, в целом ряде русских сказок и былин можно найти представления о сакральном мире духов и богов, заложных мертвецах и других персонажах древнерусской демонологии. На основании фольклорных источников автору удалось обозначить и очертить систему древних родовых инициаций у наших предков дохристианской эпохи, что для нас особенно важно [28, с. 52–79].

Изучением восточнославянского языческого мировоззрения активно занимались и представители структурно-семиотической школы исследования восточнославянской мифологии: В. В. Иванов, В. М. Топоров и Б. А. Успенский. В своих научных трудах данные исследователи использовали в основном данные лингвистики и фольклорные источники. В основу их работы была положена методика анализа бинарных оппозиций – противоположностей, свойственных дуалистическому мировоззрению первобытных людей. В своих произведениях, ученые достаточно активно использовали параллели норманнской, древнеиндийской и балтийской мифологии. Показательной в этом отношении выглядит работа В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов». Среди мифологических образов, которые анализируются в данной работе, важное место занимают персонажи славянской демонологии и божества языческого пантеона, генетически связанные с представлениями о «сакральном мире богов» [16, с. 53, 54].

Следует отметить также труд Б. А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского», в котором автор с помощью структурно-семиотического метода провел ретроспективный анализ происхождения синкретических представлений восточных славян о некоторых христианских святых. Объектом исследования автора стали не только народные синкретические верования раннехристианской эпохи, но и некоторые аспекты восточнославянского язычества. Например, в указанной монографии он проанализировал связь восточнославянского языческого культа бога Велеса с представлениями о сакральном мире мертвых [41, с. 55–8].

В трудах А. К. Байбурина подняты такие важные относительно восточнославянского языческого мировоззрения аспекты, как семиотика традиционной народной культуры, ритуально-магическая семантика вещей (прежде всего, жилья), связь эмоционально-чувственной и ментально-языковой сфер жизни человека с ритуалом и мифологией, стереотипы мужского и женского поведения [4, 178].

Впрочем, сохранилась в советское время и пресловутая теория культурного нуля. В полной мере ее разделял академик Д. С. Лихачев, по мнению которого именно со времени крещения и следует начинать историю русской культуры [23, с. 257].

В постсоветский период возрос интерес исследователей к духовной культуре наших предков. Результаты исследований Б. А. Рыбакова и его учеников, опирающихся на результаты последних археологических исследований, сильно отличались от традиционных представлений о восточнославянском язычестве и поэтому вызвали жесткую критику со стороны многих современных исследователей. Особенно эта критика усилилась после смерти самого Б. А. Рыбакова в 2001 году и его ведущих учеников Б. А. Тимошука (2003), И. П. Русановой (1998), О. П. Рапова (2002).

В отечественной историографии чрезвычайно усилилась так называемая критическая школа исследования восточнославянского язычества. Ее сторонники поспешили объявить практически все материалы археологических исследований ученых исторической школы фальсификациями. Особенно активно «негативное влияние на отечественную науку Б.А. Рыбакова и его учеников» развенчивает Л. С. Кляйн [19].

Несмотря на то, что и Б. А. Рыбаков и его ученики активно предостерегали в своих трудах от неоязычества и относились к нему крайне негативно, в настоящее время их активно обвиняют в способствовании распространению неоязычества. Так, В. Я. Петрухин, С. М. Толстая обвиняют Б. А. Рыбакова в пропаганде неоязычества, а его труды «Язычество древних славян» и «Язычество древней Руси» назвали «библией язычников» [25, с. 52].

Данную точку зрения активно поддерживают А. Комар и Н. Хамайко. По их мнению, памятники материальной культуры, на которые опирались Б. А. Рыбаков и его последователи, были либо полухристианскими, либо являлись поздними фальсификациями [20, с. 11–14]. Так, в частности, Н. Хамайко назвала выводы Б. А. Рыбакова и его последователей о существовании у восточных славян развитого культа в дохристианскую эпоху гипертрофированными. Свою точку зрения исследовательница, в частности, аргументировала тем, что Б. А. Рыбаков и его последователи опирались в своих исследованиях в основном на изображения фантастических существ и мифологических сюжетов на памятниках материальной культуры XI–XIII вв. Эти источники, по ее

мнению, полухристианские, сомнительные и не несут в себе никакой исторической информации [42, с. 90].

Действительно, Б. А. Рыбаков пытаясь реконструировать мировоззрение восточных славян языческой и раннехристианской эпохи, использовал и указанные источники, но они вовсе не составляли основу его источниковедческой базы. Свои выводы исследователь аргументировал, комбинируя письменные источники, данных археологии, этнографии и лингвистики. Последователи Б. А. Рыбакова: Б. А. Тимощук и И. П. Русанова вообще почти не использовали в своих работах изображения на памятниках материальной культуры XI–XIII вв. В своих научных произведениях указанные исследователи в основном опирались на материалы раскопок восточнославянских святилищ и их поселений-спутников IX–XIII ст., которые не могут быть никак квалифицированы как сомнительные или полухристианские.

Тема восточнославянского языческого мировоззрения сейчас активно исследуется в трудах таких российских ученых как В. Я. Петрухин, Н. А. Васильев, А. В. Карпов, П. М. Травкин.

Так, следует отметить монографию А. В. Карпова «Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв.» в которой автор провел детальную реконструкцию системы восточнославянского язычества, затронув при этом целый ряд аспектов, игнорируемых исследователями вплоть до недавнего времени. Так, ученый одним из первых отметил значительную роль служителей языческого культа в религиозной системе восточных славян дохристианской эпохи [18, с. 50].

Впрочем, А. В. Карпов вполне разделяет концепцию Н. Хамайко и А. Комара о «примитивности» восточнославянского язычества. Так, в своей монографии «Язычество: христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв.» он отметил: «Восточнославянская мифология вообще была примитивной и не достигла того уровня развития, который появился в религиозной культуре европейских народов Средиземноморья» [18, с. 45, 46].

Вместе с тем, значительное число современных российских ученых разделяют точку зрения Б. А. Рыбакова и его последователей о существовании у восточных славян достаточно развитой языческой культуры. В частности, П. М. Травкин, используя материалы раскопок святилища Велеса в городе Плеск Ивановской области Российской Федерации пришел к выводу, что у восточных славян в дохристианскую эпоху существовал достаточно развитый институт волхвов-служителей Велеса и сложная культовая система [40].

Особенностям языческих космологических представлений восточных славян-язычников был посвящен один из разделов монографии «Древняя Русь. Народ, князь, религия» Я. Петрухина. В частности, объектом внимания исследователя стали такие аспекты восточнославянского языческого мировоззрения, как культ Рода и рожаниц, содержание и идейная семантика языческой реформы князя Владимира, судьбы служителей языческого культа в эпоху распространения христианства в Киевской Руси [24, с. 236–243, 257–261, 315–324].

Проблеме влияния мифологии восточных народов на духовную жизнь древних славян была посвящена монография А. Васильева «Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира». В его работе, в частности, были подвергнуты анализу содержание и идейная семантика языческой реформы князя Владимира, затронуты темы происхождения двух восточнославянских языческих богов - Хорса и Семаргла [9, с. 201–263, 9–7, 97–97].

Таким образом, несмотря на тот факт, что некоторые отдельные аспекты темы, поставленной в данном исследовании, стали объектом внимания ученых различных направлений: историков, этнографов, археологов, комплексного исторического исследования эволюции языческого мировоззрения наших предков в настоящее время не существует. В трудах современных отечественных и зарубежных исследователей дохристианские мировоззренческие представления наших предков рассматриваются как некая стабильная метафизическая система, которая окончательно сформировалась в IX в. и трансформировалась, приобретая синкретический характер, лишь после официального принятия Киевским государством христианства. В большинстве научных работ исследователи оставляют без внимания сложный процесс эволюции архаичного мировоззрения наших предков, игнорируют сложный институт служителей восточнославянского языческого культа, практически не затрагивают мировоззренческие представления и верования восточнославянских языческих общин кон. X - сер. XIII в.

Список литературы

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. — 386 с.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М.: Типография Е. Фишера, 1865. — Т. 1. — 800 с.
3. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М.: Типография Е. Фишера, 1868. — Т. 2. — 784 с.
4. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — Л.: Наука, 1983. — 192 с.
5. Баландин, А. И. «Мифологическая школа» / А. И. Баландин // Академические школы в русском литературоведении. — М.: Наука, 1975. — С. 15-99.
6. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский. — Киев: Наукова думка, 1989. — 294 с.
7. Буслаев, Ф. И. Общие понятия о русской иконописи / Ф. И. Буслаев // Общество древнерусского искусства при Московском публичном музее. — М.: Изд-во Московского публичного музея, 1866. — Т. 5. — С. 13-121.
8. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии / Ф. И. Буслаев // Общественное знание. — 1850. — № 10. — Отд. 5. — С. 31-58.
9. Васильев, М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира / М. А. Васильев. — М.: Индрик, 1999. — 328 с.
10. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. — Харьков: Общественная польза, 1913. — Т. 1. — 346 с.
11. Глинка, Г. Древняя религия славян / Г. Глинка // Мифы древних славян. — Саратов: Надежда, 1993. — С. 89-140.
12. Грушевський, М.С. Історія України-Руси / М. Грушевський. — Київ: Наукова думка, 1991. — Т. 1. — 648 с.
13. Зеленин, Д. К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников / Д. К. Зеленин // Вестник АН СССР, 1917. — Т. 11. — № 7. — С. 399-414.
14. Зеленин, Д. К. Очерки русской мифологии. Выпуск 1. Умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. — Прага: Типография Э. Арнольда, 1916. — 312 с.
15. Зеленин, Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. К. Зеленин. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 78 с.
16. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М.: Наука, 1974. — 342 с.
17. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / под ред. А. Буслаева. — М.: Типография Е. Фишера, 1861. — 1124 стб.
18. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. / А. В. Карпов. — СПб.: Алетей, 2008. — 435 с.
19. Кляйн, Л. С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Кляйн. — СПб.: Евразия, 2004. — 342 с.
20. Комар, А. Збручський ідол: пам'ятник епохи романтизму? / А. Комар, Н. Хамайко // Ruthenica. — № 10. — С. 11-24.
21. Костомаров, М. І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства / М. І. Костомаров. — К.: Либідь, 1994. — 384 с.
22. Котляревский, А. А. Собрание сочинений в 3-х т.: Т.3.: Погребальные обычаи древних славян / А. А. Котляревский. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. — 493 с.
23. Лихачев, Д. С. Крещение Киевской Руси и государство Русь / Д. С. Лихачев // Новый мир. — 1988. — № 6. — С. 249-259.
24. Петрухин, В. Я. Древняя Русь. Народ, князья, религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры: Т.1. Древняя Русь. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 13-413.
25. Петрухин, В. Я. Труд В. Й. Мансикки в истории изучения славянского язычества. Вступительная статья к монографии В. Й. Мансикки «Религия восточных славян» / В. Я. Петрухин, С. М. Толстая. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 368 с.
26. Полевой, П. Н. История русской словесности в 3-х т. / П. Н. Полевой. — СПб.: Типография Э. Арнольда, 1900. — Т. 3. — 655 с.

27. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. — 552 с.
28. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. — 365 с.
29. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1981. — 608 с.
30. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. — 783 с.
31. Соболев, А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям / А. Н. Соболев. — Сергиев-Посад: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. — 261 с.
32. Сперанский, М. Н. История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. — СПб.: Лань, 2002. — 678 с.
33. Срезневский, И. И. Исследование о языческом богослужении древних славян / И. И. Срезневский. — СПб: Типография Э. Арнгольда, 1848. — 312 с.
34. Срезневский, И. И. О языческом веровании древних славян в бессмертие души / И. И. Срезневский // Журнал министерства народного просвещения. — 1847. — № 2. — С. 42-51.
35. Тимошук, Б. А. Во времена Збручского идола / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова // Вопросы истории. — 1990. — № 8. — С. 153-157.
36. Тимошук, Б. А. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ / Б. А. Тимошук // Древние славяне и Киевская Русь. — Киев: Наукова думка, 1989. — С. 78-96.
37. Тимошук, Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) / Б. А. Тимошук // Российская археология. — 1993. — № 4. — С. 110-122.
38. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. — М.: Политиздат, 1990. — 621 с.
39. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX вв. / С. А. Токарев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 163 с.
40. Травкин, П. Н. Язычество древнерусской провинции / П. Н. Травкин. — Иваново: Мысль, 2008. — 309 с.
41. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. — 245 с.
42. Хамайко, Н. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина / Н. Хамайко // Ruthenica. — 2007. — Т. 6. — С. 86-114.

Статья поступила в редакцию 17.01.2018

Kozlov, M. N. *East Slavic Paganism in the National Scientific Literature of the 18th-19th Centuries*

For the first time in the national humanities, the topic of studying East Slavic paganism is presented at the level of a separate scientific study. With the help of the problem-chronological method, the author shows scientific schools and concepts of the study of East Slavic paganism at various stages. The author also touches upon a quite popular in our time concept of "underdevelopment" and "deficiency" of our ancestors of the pagan epoch. The study thoroughly analyses all the key scientific works related to the study of the East Slavic paganism, shows the contribution of each researcher to the study of East Slavic pagan cultural traditions. The article presents up-to-date studies devoted to Eastern Slavic paganism and shows the prospects for studying Russian pre-Christian spiritual traditions.

Key words: scientific school, concept, East Slavic paganism, historiography.

УДК [94:82-6](470)"1777/1796"

В статье проводится анализ корреспонденции, адресованной на имя В. С. Попова представителями рода Мусиных-Пушкиных. В научный оборот вводятся письма периода последней четверти XVIII столетия, характеризующие деятельность как отдельных представителей Мусиных-Пушкиных, так и других известных личностей эпохи – Екатерины, Павла Петровича, Потемкина, Багратиона, Безбородко, Зубова и других.

Ключевые слова: В. С. Попов, Алексей Иванович Мусин-Пушкин, Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин, Валентин Платонович Мусин-Пушкин, Корпус чужестранных единоверцев, Багратион.

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

ПИСЬМА МУСИНЫХ-ПУШКИНЫХ К В. С. ПОПОВУ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Род Мусиных-Пушкиных сыграл значительную роль в истории России, дав ей знаменитых ученых, военных, государственных служащих, писателей. Их вкладу посвящены отдельные научные работы, проводятся тематические международные научные конференции. Пожалуй, одним из самых известных представителей этого рода можно назвать Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, археографа, обер-прокурора и Президента Академии художеств. Он являлся и является объектом пристального научного внимания, а его эпистолярное наследие становится предметом отдельных работ [1, 2, 3, 5, 6]. По мнению А. И. Аксенова, в силу гибели личного архива Алексея Мусина-Пушкина в 1812 году, введение его писем «к разным лицам, сохранившимся у корреспондентов» есть «необходимость, ввиду отсутствия других источников» [1, с. 228]. На сегодняшний день было введено в научный оборот около 60 писем, касающихся «творческой деятельности Мусина-Пушкина» [2]. Из этого числа семь хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде В. С. Попова, которому и адресованы (Ф. 609). Представляется возможным расширить обращение к кругу источников, характеризующих переписку В. С. Попова как с Алексеем Мусиным-Пушкиным, так и рядом других представителей этого рода.

В Государственном архиве республики Крым в фонде Поповых (Ф.535) содержится переписка Василия Степановича Попова за период с 1777 по 1796 годы со следующими корреспондентами: Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин (1791-1796 годы, 4 письма), Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1789-1796, 29 писем), Михаил Васильевич Мусин-Пушкин (1787, 2 письма), Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1777-1791, 20 писем, часть не датированы и не подписаны), Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина (Долгорукова) (6 писем, два из них датированы 1789 и 1791 годами).

Безусловно, наибольший интерес вызывают письма, принадлежащие перу Алексея Мусина-Пушкина. Они относятся к наименее изученному периоду его жизни и позволяют по-новому взглянуть на круг занятий, интересов и научной деятельности. Эти письма представляется целесообразным сгруппировать по нескольким основным направлениям, характеризующим деятельность Алексея Мусина-Пушкина в конце 80-х – середине 90-х годов XVIII столетия.

Первая группа связана с его руководством Корпусом чужестранных единоверцев (греческой гимназией). Самое раннее письмо датировано 1789 годом, когда, по словам наиболее известного современного исследователя жизни и творчества Алексея Ивановича А.И. Аксенова, начинается его «наиболее активный период в жизни» [1, с. 229]. В этом письме (автограф), датированном 12 мая, Алексей Мусин-Пушкин обращается к Василию Степановичу Попову, прилагая при этом письмо к «Его Светлости» (Потемкину – С.О.). Сопровождая свою просьбу это письмо ему вручить, он «осмеливается уверить о готовности моей к услугам вашим; и что я всякий таковой случай за особое удовольствие почту» [7, л. 7]. Особый интерес вызывает постскриптум: «Как я по сему месту ни выгод, ни жалованья не желаю, а единственный предмет мой угодное князю сделать и выполнить волю его, то в замену тому всепокорнейше прошу вас милостивого государя моего поручить мне гимназию с отличием...Прошу сие оставить между нами; ибо я о том князю не упоминал...Исполнением же по сей просьбе моей обязан буду единственно вашему посредству» [7, л. 8]. Очевидно, что Попов эту просьбу выполняет, и Потемкин рекомендует Алексея Мусина-Пушкина императрице. Уже 6 июля она своим письмом утверждает его в должности директора Корпуса чужестранных единоверцев, или греческой гимназии, подчинявшейся Григорию Александровичу. Следующее письмо (писарское, подпись –

автограф) новый директор отправляет 24 июля 1789 года из Санкт-Петербурга на имя Попова, вместе с адресованным Потемкину «представлением». В письме Мусин-Пушкин благодарит Попова за вспомоществование по «делам порученной мне Греческой Гимназии» и ждет скорейшей резолюции от Светлейшего [7, л. 9 - 9 об.]. Оба письма – на имя Попова и Потемкина были отправлены в один и тот же день с одним курьером. Однако до адресата доходит только одно – мы это знаем из следующего письма Мусина-Пушкина от 17 октября 1789 года. «Его светлость изволит сомневаться о недонесении от меня в рассуждение принятия мною Гимназии; но я весьма беспокоюсь, потому что касающееся до сего отправлено от меня Препровождая при сем к Его светлости вторично мои представления. Покорнейше прошу Вашего превосходительства доставить мне от Его Светлости на оные решительной резолюции» [7, л. 10]. В январе, так и не дождавшись решения Потемкина, Мусин-Пушкин еще раз напоминает (письмо от 25 января 1790 года) об ожидании «с нетерпеливостью... резолюции» [7, л. 11]. Как и предыдущее письмо, это писарское, подпись – автограф. Но постскриптом написан лично Алексеем Ивановичем: «...о майоре Геринге, которого я прошу себе в помощь, представил Мелисино Петр Ив. в Артил. канцелярию и требует его в свою команду, а ему не хочется ...зделайте и мне и ему одолжение определением его ко мне» [7, л. 11об.] Указанный майор Геринг и занимаемое им место становится главной темой следующего, весьма примечательного, письма (от 19 февраля 1790 г.). В нем Мусин-Пушкин рассказывает об одном случае, касавшемся штатов гимназии. Граф Безбородко «именем Ея императорского величества» интересовался наличием штаб-офицерской вакансии. Таковая была, но, явно по инициативе Мусина-Пушкина, «на оную уже назначен артиллерии майор Геринг», причем формально произошло это по прошению принца Нассау. Исходя из писем Мусина-Пушкина, это могло произойти в период между 25 января и 19 февраля. Изначально на это место должен был быть назначен капитан-поручик Сарандинаки, служивший в Галерном флоте и лишившийся там одной ноги. Причиной расспросов графа Безбородко были «происки Петра Ивановича Мелисино», который, таким образом, преследовал цели, с одной стороны, навязать Мусину-Пушкину «бесполезного гимназии человека», а, с другой, получить майора Геринга для вновь формирующегося батальона. Для сохранения места за Герингом Мусин-Пушкин прибегает к покровительству Попова, отдельно направляя представление Потемкину [7, л. 12 - 12 об.]. Следует отметить, что в литературе, посвященной истории Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, подчеркивалось, что, несмотря на общее с греческой гимназией расположение, «эти заведения управлялись уже совершенно независимо одно от другого» [10]. Приведенные письма свидетельствуют о напряженных отношениях Мусина-Пушкина и Мелисино и попытках последнего вмешиваться в кадровую политику гимназии.

Помимо кадровых вопросов, темами писем Мусина-Пушкина по вопросам гимназии являются:

- успеваемость учащихся, ветхость строения «а также и болотное место, на котором Гимназия стоит» - письма от 14 марта и 28 июня 1790 года, (первое писарское, второе автограф) [7, л. 13 - 13 об.];

- необходимость отлучиться в связи с болезнью отца и назначение штаб-офицером майора Геринга (18 мая 1790 г., автограф) [7, л. 14 - 14 об.];

- вопросы распределения воспитанников после окончания – «в Черноморский флот или останутся здесь навсегда?», а также определения их во время учебы на летнюю практику (1 октября 1790 г.) [7, л. 16-16 об.];

- ответы на просьбу Потемкина о детях князя Кантакузина, направленных для обучения, но имеющих долг перед трактирщиком (20 и 22 мая 1791 г.). Мусин-Пушкин лично посещает трактир, где они содержатся, находит их в весьма плачевном состоянии из-за плохого ухода и холодного помещения. По договоренности с трактирщиком детей он забирает, оставляя их багаж в качестве залога до внесения долга [7, л. 17-18 об.];

- издательская деятельность и работа типографии – «а книг.. теперь напечатано, то прилагая при сем несколько экземпляров, всепокорнейшее прошу (ежели разсудить заблаго изволите) поднести оные Его светлости» [7, л. 15], «не оставить дать ваше приказание об отдаче в Корпусную типографию негодных литер, хранящихся у содержателя бывшей в Горном училище типографии асессора Тредьяковского» [7, л. 33].

- и другие, в общем, частные вопросы («перевозка кадет», от 27 мая 1791 г., «о деньгах... в гимназию», 18 июня 1792 г., «список о назначенных ... в выпуск кадетов», 14 ноября 1794 г., «записку о майоре Геринге» (погибшем брате служащего в Корпусе подполковника Геринга), 15 октября 1796 г.).

Вторая группа писем связана с личными просьбами, как со стороны В. С. Попова, так и стороны А. И. Мусина-Пушкина. Со стороны последнего можно отметить приглашение Попова на ужин к

полковнику Герингу (письмо от 16 июля 1796 года) [7, л. 35]. Следует отметить, что имеется в виду Иван Федорович Геринг (1748-1821), брат служащего в Корпусе подполковника Геринга (вероятно, Христиана Федоровича). В начале 1793 года Алексей Иванович обращается с просьбой к Екатерине осмотреть Таврический дворец, на что та дает свое всемилостивейшее позволение. В письме Попову Мусин-Пушкин просит «пожаловать кому следует дать приказание пропустить меня с фамилиею в назначаемый мной для сего завтрашний день» [7, л. 25].

Анализируя ответы Мусина-Пушкина на полученную корреспонденцию, можно предполагать следующие письма с просьбами от Попова. В 1791 году он просит Мусина-Пушкина «узнать о даче Демидова Алекс. Григорьевича». Алексей Иванович просьбу выполнил, и «оного ответ в оригинале» препроводил (письмо от 31 мая 1791 г.) [7, л. 21]. В 1793 году В. С. Попов в исполнение пожелания Екатерины обращается с просьбой о присылке рисунка сибирской пихты. Несмотря на растущие в саду Алексея Ивановича три дерева, единственные во всем Петербурге, он не имеет «такого рисовального мастера, который бы мог зделать рисунок, достойный поднесения Ея Императорскому Величеству». Поэтому он посылает словесное описание дерева с сопровождением «нескольких веточек оного» (12 мая 1793 г.). «Ежели же непременно надо рисунок, то не прикажете ли оной сделать г-ну Иванову» [7, л. 27] - речь идет об Андрее Ивановиче Иванове, бывшему в это время учеником в Императорской академии художеств.

В 1793 году шла подготовка к бракосочетанию Александра Павловича с Елизаветой Алексеевной. Попов, как начальник Императорского кабинета, принимал участие в планировании этого мероприятия, поэтому он обращается к Мусину-Пушкину. В письме от 5 июля 1793 Алексей Иванович препроводжает ему «экстракт из церемониалов бывших во время бракосочетаний их императорских высочеств» [7, л. 29].

Третья группа писем обусловлена занимаемой должностью Обер-прокурора Святейшего Синода. Этой стороне деятельности Алексея Мусина-Пушкина посвящена работа В. В. Вяткина [6]. В рассматриваемых ниже письмах можно усмотреть определенную специфику, выражающуюся в личностях корреспондентов. Они отражают либо ответы на запросы Екатерины или Попова, либо связаны с Потемкиным и Екатеринославским губернатором Каховским. Здесь можно отметить:

- письмо о возвращении взятого по приказанию Потемкина в Смоленск саккоса (от 23 апреля 1792 года) [7, л. 22 - 22 об.];

- копию указа о вновь пожалованных архиереях, затребованную Поповым (7 июня 1792 г.) [7, л. 23];

- ответ на требуемую Екатериной справку об архиепископе Реондашском Игнатии (26 февраля 1793 г.) [7, л. 26]. Имеется в виду архиерей Реондской епархии Элладской православной церкви Игнатий Хрисоскул. В 1793 году он прибывает в Россию, где был назначен настоятелем Георгиевского монастыря в Севастополе;

- просьбу снабдить информацией от Екатеринославского губернатора относительно снабжения «в новоучреждаемую Моздокскую викарную епархию епископа ризницею» (2 мая 1793 г.) [7, л. 28];

- сообщение о мемории от Святейшего Синода для поднесения Ея Императорскому Величеству (10 июля 1793 г.) [7, л. 30].

Вызывает интерес письмо от 22 января 1796 года. В нем Мусин-Пушкин отвечает на переданное через Попова Высочайшее повеление «о ненужности призывать сюда игуменью для бытия восприемницею при миропомазании Светлейшей принцессе Саксенкобургской» [7, л. 34]. Речь идет об Юлианне Генриетте Ульрике Саксен-Кобургской, которая 2 февраля принимает православие и становится Анной Федоровной, впоследствии – женой цесаревича Константина Павловича. Восприемницей при совершении таинства выступила Великая княжна Александра Павловна. Факт замены первоначально планировавшейся игуменьи на Великую княжну может свидетельствовать о внимании к персоне будущей супруги цесаревича и важности предстоящей церемонии.

И, наконец, письма, характеризующие научные интересы Алексея Мусина-Пушкина. Их всего два, причем содержание одного из них уже было известно. А. И. Аксенов в работе 1969 года приводит хранящееся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки (ныне ОР РНБ) письмо Попову № 7 от 21 декабря 1793 года. В нем «встречаются сведения о «Российском историографическом лексиконе» И. Н. Болтина» [2, с. 229]. В описываемом нами фонде присутствует письмо от того же числа (писарское, подпись – автограф), в котором Мусин-Пушкин описывает ситуацию, в которой Екатерина не знает, где именно в ее кабинете находится поднесенный «Лексикон Г. Болтина...И для того...если в кабинете сей книги не отыщется, то как у меня ныне она переписывается...то я не премину тогда оную доставить» [7, л. 31].

Второе письмо является развернутым ответом на вопрос Попова относительно названия Софийской церкви «почему она у летописцев именуется Богородичною?». Речь идет о Киевском Софийском соборе. Мусин-Пушкин приводит ряд аргументов в пользу ошибочности такого отождествления, используя сравнения с Новгородским и Вологодским соборами. «Сие же недоразумение произошло от следующих причин. Первое от самого изображения образа Святыя Софии...ибо в Киевском соборе на сем образе представлена Божья мать... Второе: находящийся ...как в Киеве, так и в Новгороде ...тропарь по содержанию своему прямо относится к лицу Богоматери. Третье: что из сих соборов празднуют Софии в Киевском в день рождения Божией Матери, а в Новгородском и Вологодском в день ея Успения» [7, л. 32-32 об.].

Подводя итог рассмотрению писем Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, можно сделать определенные выводы. Сохранившиеся в Крымском архиве личные письма этого видного деятеля иллюстрируют его занятия в достаточно важный и малоисследованный период его жизни. В существующей научной литературе основное внимание уделяется его собирательской и археографической деятельности, либо обер-прокурорским обязанностям. Руководство Греческой гимназией, в силу отсутствия до сих пор в научном обороте необходимых источников, оставалось малоисследованным. Приведенные письма свидетельствуют о той роли, которую Василий Степанович Попов сыграл в назначении Алексея Мусина-Пушкина на должность директора гимназии, и, в дальнейшем, - оказании поддержки и покровительства. Эту помощь Мусин-Пушкин не забывает и позже, подчеркнуто обращаясь как «покорный и обязанный слуга». Его директорство в гимназии показывает заботу о воспитанниках – начиная от условий их содержания, успеваемости, прохождения летней практики – на Балтике или на Черном море – до распределения мичманов после выпуска. Достаточно сложными складывались отношения с директором Инженерного и Артиллерийского корпуса, прежде возглавлявшим гимназию – П. И. Мелисино.

Письма других представителей рода Мусиных-Пушкиных не менее интересны и могут пролить свет на некоторые особенности истории периода конца XVIII века. В частности, из писем Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина можно представить механизмы его карьерного роста. В единственной посвященной этому известному ученому монографии утверждается, что «имеющиеся источники хранят полное молчание о его юности и полученном им образовании» [11, с. 16]. И действительно, отрывочность имеющихся до сего времени источников способствовала утверждению Н. М. Раскина о том, что «А. А. Мусин-Пушкин в молодые годы все же отдавал предпочтение военной службе, так как лишь в 1796 году он окончательно оставил полк» [11, с. 17]. Найденные письма могут дополнить наши сведения о юности и образовании этого представителя рода Мусиных-Пушкиных. В первом письме к Попову (март 1791 года) Аполлос Аполлосович берет на себя смелость просить «совета и пособия» после пожалования статс-секретаря Екатерины Петра Александровича Соймонова званием сенатора. Это назначение «не оставит ему (Соймонову – С.О.) времени заниматься вверенную ему горною частию», и поэтому Аполлос Аполлосович готов быть «начальником горного здешнего училища или которым нибудь из вверенных Петру Александровичу заводов» [7, л. 1 – 1об.]. В качестве дополнительных аргументов приводится судьба отца Аполлоса Эпафродитовича, бывшего в свое время президентом Берг-коллегии. И, наконец, весьма важный момент - личное приказание императрицы при отправлении Аполлоса Аполлосовича в «чужие края...к горным знаниям прилежать, чему тем ревностнее повиновался, что с собственными моими расположениями оное сходно было» [7, л. 1 об.-2]. Цитируемое письмо позволяет однозначно констатировать отправку Аполлоса Мусина-Пушкина за рубеж для учебы еще в 80-е годы. О времени, использованном им для учебы, можно судить из следующего письма (от 23 марта 1794 года), в котором отмечается, что Аполлос Аполлосович «через графа Платона Александровича (Зубова – С.О.) получил еще дозволение провести два года в чужих краях». Письмо отправлено из Карлсбада, под которым следует понимать, очевидно, современные Карловы Вары, поскольку из текста письма видно посещение Мусиным-Пушкиным Богемских и Силезских рудников. В письме он просит за «находящегося ныне во Фрейбурге горного офицера Муэра», отмечено «производство кобальта», так что род занятий Аполлоса Аполлосовича в Европе был тесно связан с горным делом [7, л. 3-3 об.].

Среди писем Валентина Платоновича Мусина-Пушкина вызывают интерес весьма известные личности, в них упоминаемые в различных контекстах. Это, к примеру, просьба Великого князя Павла Петровича, при котором он состоял с 1783 года (кадровый вопрос по поручику Псковского карабинерного полка Савицкому (8 марта 1786 г.)) [7, л. 45]. Или еще одно, без даты: «Великому князю угодно видеть расписание войск...Прикажи пожалуйста расписание которое я видел вчера списать и ко мне прислать» [7, л. 58]. Еще одно письмо, в котором Валентин Платонович сетует: «отправление генерал майору Денисову (Федору Петровичу – С.О.) у меня другой уже день готово, но он ко мне не

является, а я не знаю, где он живет, чтобы к нему послать» (6 апреля 1789 г.) [7, л. 50]. Достаточно много писем, в которых затрагиваются различные кадровые вопросы. Касательно самого Валентина Платоновича – от 2 июля 1782 года, где он благодарит Попова, первым обрадовавшим известием о пожаловании Мусина-Пушкина в генерал-аншефы. Попутно он высказывает пожелание при назначении в дивизию: «есть две дивизии без настоящего начальства казанская и белорусская из оных я бы желал иметь последнюю» [8, л.33]. В 1788 году (письмо от 26 февраля) Валентин Платонович просит за своего 23-летнего родственника, будущего генерал-лейтенанта и мальтийского кавалера, Петра Клавдиевича Мусина-Пушкина. Последний «был выпущен из камерпажей в капитаны» и изъявил «желание служить в Екатеринославской армии. ...А как он еще человек молодой», то Валентин Платонович просит определить его в полк к лично знакомому с Поповым полковнику, который может и проследить за воспитанием, и ссудить суммой, впрочем, «до двух сот рублей» [7, л. 49-49 об.]. Среди офицеров, за которых Валентин Платонович просит, можно отметить также полковников Языкова и Альбрехта [8, л.32].

Графиня Прасковья Мусина-Пушкина (Долгорукова) в своих письмах прибегает к помощи В. С. Попова исключительно в вопросах содействия назначениям на военную службу. Это касается ее племянника Николая Александровича Зиновьева (сыне Евдокии Александровны Зиновьевой, в девичестве Долгоруковой), определенного в московскую команду [7, л. 63]. Еще один родственник, за которого она просит - Николай Нежданов [7, л. 67, 69-69 об.], определен в Иллирический гусарский полк. Иногда просьбы касались людей, не находящихся в прямом родстве – «майора Федора Михайловича Щиглова» [7, л. 68], сержанта Иванова [7, л. 69].

В завершение рассмотрения ее просьб хочется привести весьма небрежно набросанную коротенькую записку без даты и обычного обращения «государь мой». «Василий Степанович податель этава письма князь Багратион уверил меня бута вы уважите больши прозбу мою чем ево так дозвольте мне вас государь мой просить об нем коли вы можете чем нибуть помочь так права очинь обяжите вашу покорную услужную графиню Пушкину» [7, л. 70]. К сожалению, отсутствие даты и имени князя на записке не позволяет однозначно утверждать, какой из Багратионов имеется в виду. Однако ряд косвенных признаков (датировка двух писем Прасковьи Мусиной-Пушкиной, равно как и всех остальных рассматриваемых писем к Попову) позволяет предположить, что время ее написания - конец 80-х – начало 90-х годов XVIII столетия. Поэтому можно однозначно исключить Романа (Реваза) Ивановича, родившегося в 1778 году, и, вероятно, Александра Ивановича (род. в 1771 году). Последний, по словам С. А. Тучкова, «не расположен был искать высоких степеней» [Цит. по: 4, с. 17]. Остается Иван Иванович, умерший в 1797 году. Поскольку Попов удовлетворял все просьбы Мусиной-Пушкиной, за что она его неоднократно в своих письмах благодарила, эта просьба также не должна была остаться без ответа. Однако Иван Иванович умирает в чине подпоручика, что не позволяет видеть в нем упомянутого в записке князя. Таким образом, с достаточно большой долей вероятности можно утверждать, что Прасковья Мусина-Пушкина просит за Петра Ивановича Багратиона. С 1789 года он делает быструю военную карьеру (Потемкин возводит его через чин из подпоручиков сразу в капитаны) и становится к 1793 году премьер-майором. Безусловно, в этом была и личная заслуга Петра Ивановича, принимавшего участие в штурме Очакова в 1788 году. Но нельзя не согласиться с Е. В. Анисимовым, что «успех первоначальной...карьеры Багратиона связан не только с воинскими подвигами на Кавказе и под Очаковым, но и с мощной протекцией, которую ему оказывали влиятельные при дворе и в армии люди» [4]. Таким образом, можно назвать имена двух этих людей – это Прасковья Мусина-Пушкина и Василий Попов.

Интересно отметить, что имя Багратиона встречается в архиве Попова как минимум дважды. Степан Степанович Апраксин в письме, к большому сожалению, не имеющего отмеченного года написания (только «Москва, 29 июля») отмечает: «Багратион весьма прилежно просит о причислении его...в Астраханский или Кинбургский полк и о паспорте Князю Грузинскому» [9, л. 90]. Петр Иванович Багратион был зачислен в рядовые Астраханского пехотного полка с 1 мая 1783 года. Кинбургский кавалерийский полк был создан в 1788 году. С 1786 года Апраксин был шефом Астраханского драгунского полка. Вероятно, после 1788 года Багратион изъявляет желание перейти служить из пехотной в кавалерийскую часть, что и находит отражение в отмеченном письме.

В заключение рассмотрения писем, адресованных В. С. Попову представителями рода Мусиных-Пушкиных, можно констатировать следующее. В. С. Попов, находясь в ближайшем окружении Потемкина и непосредственно Екатерины Второй, был одним из чрезвычайно влиятельных сановников периода конца XVIII столетия. Следствием этого был значительный объем личных документов, направляемых Василию Степановичу для решения различных вопросов, среди которых первое место занимают кадровые. Представленные в фонде Поповых письма Мусиных-Пушкиных представляют

собой чрезвычайно интересные и информативные документы, позволяющие получить новую информацию как по отдельным персоналиям, так и по периоду в целом. В частности, письма Аполлоса Аполлосовича позволяют ответить на вопрос о получении им образования благодаря Екатерине и отчасти Платону Зубову. Письма Алексея Ивановича Мусина-Пушкина характеризуют его карьерный рост, работу в качестве директора Греческой гимназии, Обер-прокурора. В письмах Валентина Платоновича и Прасковьи Васильевны содержатся упоминания о многих выдающихся людях периода, таких, как Великий князь и будущий император Павел, князь Багратион, и многих других. Представляется, что наша краткая работа лишь предваряет более комплексную и системную работу с таким важным видом источников, возможно, включая их полную публикацию.

Список литературы

1. Аксенов, А. И. Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина / А. И. Аксенов // Археографический ежегодник за 1969 год. - М., 1971. - С. 226-235.
2. Аксенов, А. И. Письма А. И. Мусина-Пушкина к разным лицам за 1769-1816 гг / А. И. Аксенов. - URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1760-1780/Musin_Puskin_A_I/briefe1.htm (дата обращения 26.02.2018).
3. Аксенов, А.И. С любовью к отечеству и просвещению. А. И. Мусин-Пушкин / А. И. Аксенов. - Рыбинск: Рыбин. подворье, 1994. - 206 с.
4. Анисимов, Е. Генерал Багратион. Жизнь и война / Е. Анисимов. - М.: Молодая гвардия, 2011. - 832 с. - URL: <http://www.rulit.me/books/general-bagration-zhizn-i-vojna-read-220857-16.html> (дата обращения 26.02.2018).
5. Бухерт, В. Г. Неизвестные письма А. И. Мусина-Пушкина // Мусины-Пушкины. [Книга-альбом / Сост.: Т. И. Гулина и др.]. - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. - С. 107—116.
6. Вяткин, В. В. Алексей Иванович Мусин-Пушкин / В. В. Вяткин // Вопросы истории. - 2013. - № 9. - С. 20-32.
7. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. 535, Оп. 1, Д. 547.
8. ГАРК. Ф. 535, Оп.1, Д. 517.
9. ГАРК. Ф. 535, Оп. 1, Д.520.
10. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712-1912 / Под общ. ред. А.К. Линдеберга. Сост.: Н. П. Жервэ, В. Н. Строев. - СПб., 1912. - URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/2kk/common/lindeberg/04.htm (дата обращения 26.02.2018).
11. Раскин, Н. М. Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин – вице-президент Берг-коллегии, химик и минералог (1760-1805) / Н. М. Раскин. - Л.: Наука, 1981. – 157 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2018

Osipovskiy S. N. Musin-Pushkin's Letters to V.S. Popov from the State Archive of the Republic of Crimea.

The article analyses the correspondence addressed to V.S. Popov by representatives of Musin-Pushkin's family. The author introduces letters of the last quarter of the 18th century which characterize the activity of some representatives of Musin-Pushkin's family as well as other famous personalities of the epoch - Catherine, Potemkin, Bagration, Bezborodko, Zubov.

Key words: V.S. Popov, Aleksey Musin-Pushkin, Apollos Musin-Pushkin, Valentin Musin-Pushkin, Corps of Foreign Coreligionists, Bagration.

УДК 355.322.093.3(470)"1749/1828"

Статья посвящена адмиралу С. А. Пустошкину, отдавшему службе Отечеству более 67 лет, из них 26 - Черноморскому флоту, где прошёл путь от лейтенанта до вице-адмирала. Под его командованием Севастопольская эскадра в 1807 году овладела турецкой крепостью Анапа, считавшейся неприступной.

Ключевые слова: Черноморский флот, Средиземное море, Севастополь, Севастопольская эскадра, Фёдор Фёдорович Ушаков, Семён Афанасьевич Пустошкин, Николай Семёнович Мордвинов, Анапа, Трапезунд.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlenco.vitalij@yandex.ru

ЧЕРНОМОРСКИЙ АДМИРАЛ СЕМЁН АФАНАСЬЕВИЧ ПУСТОШКИН

Адмирал Семён Афанасьевич Пустошкин принадлежал к дворянскому роду, известному не столько богатством, сколько верной службой Отечеству. Отец его, Афанасий Фёдорович, ещё в юности получил тяжёлую травму ноги при спуске корабля на воду. Несчастный случай произошёл на глазах Петра I, который приказал перенести раненого в дом Александра Меншикова и оказать ему возможную помощь. Лечение продолжалось 18 месяцев, после чего Афанасий Пустошкин, получив 200 рублей от Меншикова на обзаведение, уехал в село Чернецово Боровицкого уезда Новгородской губернии. Через несколько лет он вступил в брак с Евдокией Макарьевной Лупандиной, дочерью соседнего помещика. У супругов было четыре сына - Юлиан, Михаил, Сергей и Семён, родившийся 21-го июля 1759 года [19, с. 2].

По достижении 14 лет Семён Пустошкин поступил в Морской шляхетный кадетский корпус, находившийся в Кронштадте. В 1776 году был выпущен гардемаринем на Балтийский флот. Через три года, после третьей морской кампании на бомбардирском корабле «Марс» под командою лейтенанта Фёдора Ушакова, Семён Пустошкин получил звание мичмана. В 1781 - 1782 годах плавал на фрегате «Воин» в эскадре контр-адмирала Якова Филипповича Сухотина из Кронштадта до Ливорно и обратно, после чего был произведён в лейтенанты [17, с. 629-630].

Весной следующего года Семёну Пустошкину поручили доставить в Херсон команду из 200 матросов для комплектования кораблей военного флота, «заводимого» по указу Екатерины II на Чёрном море. Перед отправлением он испросил короткий отпуск, чтобы увидеться с престарелыми родителями. Отец, лишившийся к тому времени зрения и прикованный к постели, благословил сына на верную службу и вручил семейную реликвию - стакан, на котором изображены жертвенник, два голубя с лавровыми ветками и надпись «непреренно». Он хранился ранее у родного дяди будущего адмирала - Дмитрия Фёдоровича Пустошкина, погибшего в июле 1737 года при штурме крепости Очаков. Дар отца, умершего вскоре его отъезда, Семён Афанасьевич хранил при себе до конца жизни [19, с. 6-7].

Вверенная лейтенанту Пустошкину команда прибыла в Херсон без потерь «в совершенной исправности». За это он получил благодарность от вице-адмирала Федота Алексеевича Клокачева, жизнь которого вскоре унесла чума, свирепствовавшая в Новороссии. Новым командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал Я. Ф. Сухотин. Решительные меры, предпринятые им, остановили распространение эпидемии. Одним из самых деятельных помощников командующего стал Семён Пустошкин, назначенный членом комиссии «по истреблению заразительной в городе болезни» [17, с. 630].

Вице-адмирал Сухотин объявил лейтенанту благодарность и назначил на 66-пушечный корабль «Слава Екатерины», под командование капитана 1-го ранга Марко Ивановича Войновича. На этом линейном корабле, первом из построенных на верфи города Херсона, Семён Пустошкин отправился в Севастополь, основанный несколькими месяцами ранее. «Слава Екатерины» вошла в Ахтиарскую бухту 19-го сентября 1783 года, став первым линейным кораблём базирующейся в ней эскадры. В октябре этого же года лейтенант Пустошкин принял командование пинком №2, на котором совершал плавания между Херсоном и Севастополем. В мае 1786 года Семён Афанасьевич был назначен командиром нового фрегата «Пчела», получив ответственное и связанное с серьёзным риском задание.

Он должен был на своём корабле под купеческим флагом, с грузом пшеницы и парусины отправиться Средиземное море, где сложилась неблагоприятная обстановка для русских торговых судов [19, с. 8].

Османская империя по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора обязалась открыть русским купеческим кораблям свободное плавание по Чёрному и Средиземному морям, обеспечив их безопасность. Однако два судна, прибывшие из Петербурга, были захвачены алжирскими пиратами вместе с грузом и людьми. Россия потребовала по этому случаю объяснения от Турции. Однако её власти медлили с ответом. С. А. Пустошкину поручили узнать, кто всё-таки нападает на купеческие суда под российским флагом? Если это алжирские пираты, то почему они остаются безнаказанными? Для выяснения ответа на эти вопросы его фрегат должен казаться лёгкой добычей для разбойников и провоцировать их нападение.

На «Пчеле» оставили небольшой экипаж из 45 человек. На борту открыто стояли 12 орудий. Столько позволялось русско-турецким соглашением для прохода через пролив Дарданеллы. Ещё восемь пушек спрятали среди груза. В Стамбуле С. А. Пустошкин получил от русского посла Якова Ивановича Булгакова секретное предписание – по выходе из Дарданелл поставить скрытые орудия на свои места и удвоить команду нанятыми греческими матросами. Затем, под видом коммерческой надобности, заходить во все порты Архипелага и собирать сведения об устройстве турецких крепостей на островах, численности гарнизонов и состоянии рейдов. Из Архипелага «Пчела» должна была отправиться к Мессинскому проливу, проходя через воды, кишящие пиратами. В случае нападения следовало защищаться всеми имеющимися средствами, но не открывать огонь первым.

Исполняя данное поручение, С. А. Пустошкин посетил острова Тенедос, Лемнос, Лесбос, Хиос, Тинос, Наксос и Иарос, города Корон, Модон, Наварин и другие места. После этого фрегат «Пчела» прошёл через пиратские воды, Мессинский пролив и достиг французского порта Марсель. Вскоре сюда пришли два купеческие судна, капитаны которых объявили, что алжирцы искали русское судно с богатым грузом, расспрашивая о том, когда и где его видели, откуда и куда оно направляется.

Эту информацию С. А. Пустошкин подробно донёс российскому послу во Франции Ивану Матвеевичу Симолину. Получив от того секретное предписание, Семён Афанасьевич отправился как частный путешественник в Тулон, для того, чтобы осмотреть его гавань, порт, док, адмиралтейство, узнать о технологии изготовления канатов и количестве материалов, необходимых для строительства линейного корабля. Это щекотливое задание было успешно выполнено.

В Тулоне Пустошкин познакомился со своим ровесником, артиллерийским поручиком Наполеоном Бонапартом, в сопровождении которого осмотрел все крепостные сооружения. Проникнувшись симпатией к новому знакомому, французский офицер решил подарить ему две камышовые трости. Однако при покупке их произошёл конфуз – у будущего императора Франции не оказалось достаточно денег. Поэтому С. А. Пустошкин, которому трости приглянулись, сам оплатил «подарок» [19, с. 10-11].

После возвращения в Марсель, Семён Афанасьевич сообщил результаты своих наблюдений И. М. Симолину и получил разрешение отправиться с фрегатом обратно в Чёрное море. При этом ему следовало выяснить судьбу 25-ти русских матросов, захваченных ранее пиратами. В конце декабря 1786 года фрегат Пустошкина вышел в море. Через несколько дней у берегов Мальты он подвергся атаке 24-х пушечного пиратского корабля, шедшего на абордаж. В последний момент, подсчитав орудия русского корабля и поняв с кем имеют дело, алжирцы отказались от своего замысла и отстали.

В начале февраля 1787 года «Пчела» достигла Константинополя. Отношения между Россией и Турцией к этому времени крайне обострились и дело шло к новой войне. Посол Я. И. Булгаков передал через Пустошкина информацию о военных приготовлениях противника и его морских вооружениях. 25-го марта фрегат прибыл в Кинбурн, откуда Пустошкин отправил донесение главному начальнику Новороссийского края Г. А. Потёмкину об итогах своей экспедиции и приготовлениях Турции к войне [19, с. 12].

10-го мая 1787 года С. А. Пустошкин был произведён в капитан-лейтенанты и вскоре направился из Херсона в Севастополь, который готовился встречать Екатерину II. Через три дня после того как императрица покинула город, фрегат «Пчела» во главе со своим командиром возвратился в Херсон. Спустя два месяца началась ожидаемая война с Турцией. Капитан-лейтенант Семён Пустошкин принял участие в отражении нападения противника на Очаков, командуя плавучей батареей.

В начале сентября страшная буря разметала у мыса Калиакрия корабли Севастопольской эскадры. Фрегат «Крым» потонул со всем экипажем, а линейный корабль «Мария Магдалина» был занесён течением к Константинополю и пленён турками. Остальные суда, тяжело повреждённые, с трудом добрались до Севастополя. Причины трагического происшествия, согласно донесению

командующего эскадрой контр-адмирала графа М. И. Войновича, заключались в слабости такелажа и парусины, в негодности железа и недостаточности вооружения [19, с. 14].

Согласившись с этим объяснением, князь Г. А. Потёмкин приказал контр-адмиралу Н. С. Мордвинову, президенту Черноморского адмиралтейского правления и главному командиру портов и флота, избрать благонадёжного офицера, знающего делание канатов и парусины, и отправить его представителем от Черноморского адмиралтейского правления в местечко Кричев Могилёвской губернии, на местную канатную фабрику. Выбор Н. С. Мордвинова пал на С.А. Пустошкина, ознакомившегося с постановкой этого дела в Тулоне.

2 декабря 1787 года Семён Афанасьевич уже был на месте, где принял управление фабрикой в свои руки. В короткое время он добился устранения выявленных недостатков и резкого улучшения качества производимых материалов, что было отмечено во всех портах Чёрного моря. Особенно был доволен деятельностью Пустошкина князь Потёмкин, крепостными которого были все рабочие на канатной фабрике в Кричеве [19, с. 15].

Шесть с половиной лет оставался в местечке Семён Афанасьевич. 9-го января 1788 года он обвенчался с девицей Софьей, дочерью местного полковника Фёдора Зернигаузена [19, с. 15]. Супруги прожили более полувека в счастливом браке, подарившем им 16 детей. Павел Иванович Савваитов, биограф адмирала Пустошкина, писал: «В семейном быту он был нежным, заботливым мужем в продолжении пятидесяти лет счастливой супружества, - добрым и попечительным отцом до последних дней своей прекрасной жизни» [19, с. 63].

Первого января 1791 года Семён Афанасьевич был произведён в капитаны 2 ранга. Спустя три года он получил предписание прибыть в Херсон вместе с фабричными людьми и создать здесь канатную фабрику. По устройении её, С. А. Пустошкина назначили начальником флотской команды в Херсоне. 1-го Января 1796 года он получил звание капитана 1 ранга и был командирован на Ижевский и Воткинский железные заводы Вятской губернии для проверки качества выплавляемого там железа и изготавливаемых якорей [17, с. 630]. Результатом его трудов стало значительное улучшение качества этой жизненно важной для флота продукции.

11 сентября 1796 году Семён Афанасьевич Пустошкин получил назначение капитаном над Севастопольским портом [17, с. 630]. В это время вновь обострился застарелый конфликт между вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым, начальствующим над флотом в Севастополе, и председателем Черноморского адмиралтейского правления адмиралом Н. С. Мордвиновым. Поводом послужило различное отношение к новым линейным кораблям – 74-пушечным «Св. Пётр» и «Св. Захарий и Елисавета», спущенным на воду в Херсоне. Они были спроектированы и построены известным корабельным мастером Александром Семёновичем Катасановым. Впервые в отечественном судостроении он соединил бак и ют сплошной палубой. Новшество позволило улучшить управление парусами и усилить огневую мощь.

В октябре 1796 года «Св. Пётр» и «Св. Захарий и Елисавета» совершили переход в Севастополь. Командир первого корабля капитан 1 ранга Д. Н. Сенявин дал высокую оценку нововведения. Командир другого, капитан 1 ранга И. И. Озобишин, напротив, высказал ряд замечаний. Вице-адмирал Ф. Ф. Ушаков стал на сторону противников новшества [1, с. 660]. Вместе с тем, ряд авторитетных командиров и корабельных мастеров выступили в поддержку Катасанова. На их стороне был и адмирал Н. С. Мордвинов. Ф. Ф. Ушаков, оставшись в меньшинстве, обратился к Павлу I с прошением прибыть в Петербург для личного свидания с ним [12, с. 47-48].

Для разрешения конфликта император направил на Черноморский флот контр-адмирала Петра Кондратьевича Карцова, который принял сторону Ушакова. В донесении о состоянии Севастопольского порта он пишет: «в числе кораблей есть вновь построенные..., на которых шканцы с баком соединены палубой, чего па военных кораблях нигде ещё по было, а таковые же и ныне строятся в Херсоне. Введённая сия новость в архитектуру военного корабля кажется во всех его действиях больше неудобна нежели может произойти от неё какая польза [12, с. 87].

Возможно, назначение С. А. Пустошкина в Севастополь имело одной из целей сгладить конфликт между двумя адмиралами. В пользу такого предположения говорит то, что С. А. Пустошкин находился ранее в дальней командировке и не был втянут в сложные отношения между Мордвиновым и Ушаковым, под началом которого служил в юности. Нельзя не отметить и такие качества Семёна Афанасьевича, как личное обаяние и способность ладить со всеми людьми. П. И. Савваитов так описывает своего героя:

«С. А. Пустошкин был среднего роста, строен собою, имел прекрасные и приятные черты лица, в которых ясно отражалась доброта души и всегда играл свежий румянец.... Счастливая наружность его невольно привлекала к нему любовь и почтение. Он постоянно отличался весёлым и кротким

нравом; был терпелив, и умел управлять собою: имел нежное и чувствительное сердце, но никогда не предавался до излишества ни радости, ни печали; любил помогать всякому, кому и как мог. В обществе был любезен и приветлив; отличался искренностью в разговорах, непринуждённым и ласковым обращением [19, с. 62-63].

В должности капитана над Севастопольским портом Семён Афанасьевич зарекомендовал себя с лучшей стороны и несколько раз поощрялся «за всегдашнюю исправность вверенной ему части» [19, с. 16]. Тем не менее, миротворческая миссия его явно не удалась. Вероятно, сказалось то, что Семён Афанасьевич пользовался расположением и доверием Н. С. Мордвинова, о чём свидетельствует переписка между ними [5, с. 503 - 509]. К тому же, в споре о качествах линейных кораблей со сплошной верхней палубой С. А. Пустошкин поддержал сторонников этого новшества.

Обращает внимание то, что Ф. Ф. Ушаков свои распоряжения по портовому управлению адресовал не С. А. Пустошкину, а «конторе Севастопольского порта». Но при предшественнике Семёна Афанасьевича, Дмитрие Андреевиче Доможирове, адмирал обращался, как правило, непосредственно к нему лично. В мае 1798 года, во время выхода Севастопольской эскадры для длительного крейсирования в Чёрном море, Фёдор Фёдорович оставил за себя не капитана над портом, что прямо предписывалось «Частью второй Регламента морского» [23, с. 34], а своего старого сослуживца и единомышленника контр-адмирала Роберта Вильсона [2, с. 39].

Ф. Ф. Ушаков продолжал сопротивлялся строительству кораблей со сплошной верхней палубой, несмотря на то что их высокие качества были уже широко признаны. Один из его резких разговоров с Мордвиновым, прибывшим в Ахтиар, как именовался город с ноября 1797 года согласно указу Павла I [21, с. 151], произошёл в присутствии С. А. Пустошкина. 5 августа 1798 года Фёдор Фёдорович направил рапорт в Адмиралтейств-коллегию с жалобой на Главного командира Черноморского флота, который оскорбил его, назвав в присутствии подчинённого «малым ребёнком» [12, с. 325].

Конфликт между двумя адмиралами, лихорадивший Черноморский флот несколько лет, завершился когда император направил Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море для совместных с Турцией действий против французов. 13 августа 1798 года 16 кораблей его эскадры вышли из Ахтиарской бухты и взяли курс на Дарданеллы. С. А. Пустошкин, оставаясь капитаном над портом, был назначен флотским начальником в Севастополе [17, с. 630].

По указу Павла I была сформирована резервная эскадра для крейсирования у крымских берегов. Командование ей принял опытейший моряк контр-адмирал Иван Тихонович Овцын. 24 сентября 1798 года эскадра вышла из Севастополя. 11 октября на высоте Балаклавы она была застигнута бурей, причинившей разрушительные повреждения. Утратившие управляемость корабли были отнесены к устью Дуная, где потерпели крушение. На флагманском фрегате «Царь Константин» погибли адмирал И. Т. Овцын, командир корабля капитан-лейтенант Иван Николаевич Тригони, 20 офицеров и 377 нижних чинов. Фрегат «Фёдор Стратилат», выбросившийся на отмель, был разбит волнами. Погибли командир корабля капитан-лейтенант Леопольд (Лев) Фабрицын, 9 офицеров и 359 матросов [12, с. 299-300].

26 октября 1798 года Севастополь, не успевший оплакать погибших моряков, проводил в дальний поход ещё одну эскадру. Под командованием однофамильца Семёна Афанасьевича, контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина, она направилась на соединение с вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым. Осенью 1799 года пришёл черёд и С. А. Пустошкина во второй раз отправиться в Средиземное море. Император Павел I, заключив договор с королём обеих Сицилий, обязался послать несколько батальонов русских войск в южную Италию для защиты от французов.

Доставить войска поручили С. А. Пустошкину. Особую сложность поставленной перед ним задаче придавало то, что суда для неё пришлось отбирать из того, что осталось от флота после отправки двух эскадр в Средиземном море и гибели кораблей И. Т. Овцына. Посему в распоряжении Пустошкина оказались плавсредства, мягко говоря, «не из особенно благонадёжных» [19, с. 17] или, как прямо выразился Н. С. Мордвинов, «гнилые» [19, с. 18].

Семён Афанасьевич, сдав управление портом и флотом в Севастополе капитану генерал-майорского рангу Никите Ивановичу Баскакову, ранее служившему капитаном на портом в Таганроге [14, с. 70], убыл в Николаев, где принял командование над эскадрой из 13 судов [17, с. 630]. Погрузив в Одессе три батальона Астраханского гренадерского полка под командованием генерал-майора Михаила Михайловича Бороздина, эскадра 29 сентября направилась в Средиземное море. 1 октября суда её уже были в Стамбуле, удивив турок, по отзыву российского посла, тайного советника Василия Степановича Томары, «примерной субординацией» и «отличным порядком» [19, с. 16-17].

Благодаря умелому руководству С. А. Пустошкина, державшему брейд-вымпел на фрегате «Св. Александр Невский», все корабли эскадры 12 ноября этого же года благополучно прибыли к острову

Корфу, отбитому Ушаковым у французов. 27 декабря Семён Афанасьевич доложил о готовности его эскадры следовать к Бриндизи [3, с. 236]. Однако наступивший сезон штормов и иные обстоятельства задержали отправление до начала весны. 8 марта 1800 года эскадра С.А. Пустошкина высадила в порту Отранто гренадёров М. М. Бороздина, к этому времени уже генерал-лейтенанта, и через неделю без потерь вернулась на Корфу [10, с. 47].

По этому случаю адмирал Ушаков отдал следующий приказ: «командующему эскадрой гребного флота, г. капитану 1-го ранга Пустошкину, за ревностное и усердное старание, прилежность и скорое выполнение в доставлении на эскадре, ему вверенной, отправленных из Корфу войск, под командою г. генерал-лейтенанта и кавалера Бороздина 1-го, в Бриндичи, при противных погодах, успешно и благополучно, за высаживание оных в Отранте, отношу признательнейшую мою похвалу и благодарность» [19, с. 17].

5-го апреля 1800 года С. А. Пустошкин с эскадрой вышел из Корфу и 1-го июня прибыл на рейд Очакова. По прошествии карантина, все суда перешли в гавань Николаева, откуда Пустошкин возвратился в Севастополь. Вечером 26 октября 1800 года город встречал вернувшуюся из Средиземного моря эскадру Ф. Ф. Ушакова, произведённого после взятия Корфу в полные адмиралы. Повышения по службе Фёдор Фёдорович не дождался и продолжил исполнять обязанности старшего начальника в Севастополе. С. А. Пустошкин полностью погрузился в хлопотные обязанности капитана над портом. Суда эскадры Ушакова, поизносившиеся во время Средиземноморского похода, попали к тому же при возвращении в сильнейший шторм на Чёрном море. Ремонт, являвшийся прямой заботой капитана над портом, требовал значительных сил и ресурсов.

12 марта 1801 года на российский престол вступил новый император Александр I. Через два дня, 14-го марта С. А. Пустошкин был произведён из капитанов 1-го ранга в контр-адмиралы, минуя чин капитана бригадирского ранга [11, с. 9]. Осенью этого же года ему, «испытанному и опытному флагману» было поручено провести из Очаковского лимана в Ахтиарскую бухту линейные корабли новой конструкции - 110-пушечный «Ягудиил» и 66-пушечный «Варахаил» и произвести над ними «испытание в ходу и в движениях». Переход занял 8 дней. 21-го октября корабли благополучно прибыли к месту назначения [19, с. 18]. Через несколько месяцев С. А. Пустошкин был назначен начальником гребного флота на Чёрном море и убыл в Николаев. Новым командиром над Ахтиарским портом стал капитан 1 ранга Иван Григорьевич Бардака (Бардаки) [13, с. 183].

Император Александр I с началом своего правления приступил к различным реформам. Не осталось в стороне от них и флотское управление. В сентябре 1802 года было создано Министерство военных морских сил [24, с. 127] во главе с адмиралом Н. С. Мордвиновым. Ф. Ф. Ушаков, не утративший желания и надежды возглавить Черноморский флот, отправился за поддержкой императора в столицу. Однако Александр I удостоил его лишь должности командующего гребным флотом в Балтийском море [20, с. 75]. Главным командиром Черноморского флота и портов стал адмирал Жан Франсуа (Иван Иванович) де Траверсе. В начале 1804 года Севастополь был объявлен Главным портом Черноморского флота вместо Херсона. К должности Главного командира Черноморского флота через год было добавлено звание «николаевский и севастопольский губернатор».

Флотским начальником в Севастополе после убийства Ушакова на Балтийский флот оставался Павел Васильевич Пустошкин, произведённый в вице-адмиралы [9, с. 215]. Ему, кстати, В. Ф. Головачов в книге «История Севастополя как русского порта» ошибочно приписывает взятие и разрушение турецкой крепости Анапа в 1807 году, перепутав с однофамильцем - Семёном Афанасьевичем [9, с. 321]. На самом деле, Павел Васильевич, к этому времени вице-адмирал белого флага [15, с. 220], в силу расстроенного здоровья, в октябре 1807 года принуждён был оставить службу [17, с. 629].

Семён Афанасьевич Пустошкин с 1802 года командовал различными эскадрами на Чёрном море [17, с. 630]. Звёздный час его как флотоводца пришёлся на время Русско-турецкой войны 1806 – 1812 годов. С началом военных действий Пустошкин получил приказ выступить из Николаева с эскадрой из 6 фрегатов и 80-ти канонерских лодок для защиты Одессы от нападения неприятеля. 20 ноября 1806 года последовало распоряжения следовать в Днестровский лиман к турецкой крепости Аккерман, которую осаждал с суши дюк (герцог) Арман де Ришелье, генерал-губернатор Новороссийского края [19, с. 19].

Стояли морозы до 10 градусов и эскадре Пустошкина пришлось двигаться к Аккерману, пробиваясь через льды. Тем не менее суда её были у стен крепости уже 24-го ноября. Устрашённые неожиданным появлением русского флота, турки сдали крепость без сопротивления. Затем эскадра Пустошкина направилось к крепости Килия, которая также капитулировала почти без выстрела. За

содействие сухопутным войскам при взятии Аккермана и Килии С. А. Пустошкин получил от императора свой первый орден - Св. Анны 1 степени, пожалованный 2-го февраля 1807 года [19, с. 20].

Тем временем в высших эшелонах государственной власти возникла идея взятия турецкой столицы одновременным ударом со стороны Средиземного и Чёрного морей. Эскадра адмирала Д. Н. Сенявина вела успешные действия против турок в Архипелаге. 10 марта 1807 года русский десант под командованием контр-адмирала А. С. Грейга занял остров и крепость Тенедос близ входа в пролив Дарданеллы. Была установлена блокада Стамбула, получавшего ранее продовольствие и другие припасы из Эгейского моря. Отчаянные попытки турок отбить остров разбивались о героическое сопротивление русских моряков.

Министр морских сил П. В. Чичагов, сменивший ушедшего в отставку Н. С. Мордвинова, предписал контр-адмиралу С. А. Пустошкину взять под своё командование Черноморский флот, сухопутное войско в 17 тысяч человек и выступить в начале апреля из Севастополя к Босфору [16, с. 68]. Идти следовало незаметно от турок, ночью или под прикрытием тумана. При входе в пролив необходимо было подавить огнём корабельной артиллерии береговые батареи. Затем с помощью атаки брандеров заставить отступить неприятельский флот, подойти к турецкой столице и, высадив десант, атаковать её с моря и суши.

В случае успеха С. А. Пустошкин должен был потребовать от султана свободного прохода через Дарданеллы для эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина. Но если «встретится великая и непредвидимая опасность или невозможность овладеть Царьградом и возвратиться в Русские порты», то следовало «пробиться сквозь Дарданеллы в Архипелаг и соединиться с Сенявиным». В конце приказа Чичагов вдохновлял С. А. Пустошкина: «Вам представляется через сие способ приобрести государству бессмертную славу и себе воздвигнуть бессмертный памятник на вечные времена, с известнейшими людьми сравнить вас могущий» [16, с. 89].

Общее приготовление к походу министр возложил на главного командира Черноморского Флота маркиза де Траверсе и Новороссийского военного губернатора герцога де Ришелье. Получив приказ и обсудив его, указанные руководители пришли к твёрдому убеждению в невозможности осуществить намеченный в нём план операции. Об этом было немедленно доложено в Петербург [16, с. 89]. Надо отдать должное, в столице не стали упорствовать и отменили «поход на Царьград». Вместо него последовало другое предписание:

«Не желая оставить Черноморский флот в бездействии и не надеясь выхода в Чёрное море турецкого флота, озабоченного пребыванием Сенявина у Дарданелл, а также имея в виду укротить горские народы, делавшие набег по Кубани, и не дать туркам времени усилить горцев, Император повелел истребить Анапу, гнездо хищников» [16, с. 91-92]. Во исполнение этого повеления контр-адмиралу С. А. Пустошкину было предписано взять на вверенную ему эскадру Четвёртый морской полк, направиться к Анапе и разрушить её [18, с. 5]

Крепость Анапа была основана турками в начале 1780-х годов на месте древнегреческой колонии Горгиппия. Возвели её французские инженеры, считавшиеся в то время лучшими специалистами в фортификации. Оборонительные сооружения состояли из семи бастионов, соединённых куртинами, и облицованного камнем рва, шириной и глубиной в 2 сажени, протяжённостью более 700 сажен и упиравшегося концами в море. За рвом тянулся вал. Со стороны моря крепость имела утёсистые берега [6, с. 9].

Анапа представляла серьёзную угрозу для безопасности южных рубежей России. В апреле 1788 года по приказу князя Г. А. Потёмкина крепость попытался взять генерал-аншеф Пётр Абрамович Текелли, командовавший русскими отрядами, расположенными между Азовским и Каспийским морями. Штурм оказался неудачным и русское войско отступило. Следующий поход на Анапу был предпринят в начале 1790 года. Его осуществил на свой страх и риск генерал-поручик Юрий Богданович Бибилов, командир Кавказского отряда. Не испросив разрешения у высшего начальства и не подготовив необходимые припасы, он выступил с семью с половиной тысячами солдат при 26 орудиях. 10 февраля отряд переправился по льду через реку Кубань и двинулся к Анапе. У стен её произошло ожесточённое сражение, в котором численно превосходящий противник был побеждён.

Опьянённый успехом, Бибилов приказал штурмовать крепость, не подготовив даже необходимых для этого лестниц. Огромные потери, до 2 тысяч человек, вынудили генерала отступить. На обратном пути русскому отряду, не имевшему не только боеприпасов, но даже хлеба, пришлось отражать частые нападения горцев. Авантюристические действия Бибилова, нанёсшие серьёзный ущерб, закончились судом над ним и отставкой. Оставшихся в живых солдат отряда наградили серебряной медалью с надписью «За верность» [6, с. 23].

Неудача двух военных предприятий против Анапы создала этой крепости славу неприступной и вдохновила непокорных горцев и турок к агрессивным действиям против южных пределов России. Для восстановления престижа русского оружия в 1791 году был предпринят третий поход, который возглавил генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович, командующий войсками Кубанского и Кавказского корпусов. Со значительными силами он подступил к Анапе, штурм которой начался ранним утром 22 июня. К 8 часам, ценой потери более двух тысяч человек, крепость удалось взять. Падение Анапы побудило турецкое правительство поспешить с заключением мира, подписанного в Яссах 29 декабря 1791 года. Крепость со скрытыми укреплениями, засыпанными рвами и колодцами, взорванными батареями и пороховыми погребами возвращалась туркам, которые немедленно восстановили её.

Анапа вновь стала угрозой для южных границ страны. Из неё «получали горцы для действий против нас оружие, порох и снаряды; в стенах её составлялись все важнейшие предприятия против границ наших; из неё отправлялись в горы проповедники мусульманские, которые воспламеняли и поддерживали фанатическую ненависть к России в полудиких племенах Кавказа; наконец крепость эта служила складочным местом, куда горцы свозили свою добычу и пленных, для продажи туркам» [18, с. 5]. Разрушение этого осинового гнезда стала главным военным деянием в биографии Семёна Афанасьевича Пустошкина.

Направленная к Анапе под его командованием эскадра состояла из шести линейных кораблей, пяти фрегатов, двух бригов и брандера. На суда был принят десант в составе Четвёртого морского полка под начальством генерал-майора Ивана Петровича Говорова. Свой флаг адмирал С. А. Пустошкин поднял на 110-ти пушечном линейном корабле «Ратный». 8 апреля 1807 года эскадра вышла из Севастополя. Начавшаяся вскоре буря, причинившая сильные повреждения, вынудила С. А. Пустошкина вернуться. Оставив в Ахтиарской бухте два линейных корабля, нуждавшихся в длительном ремонте, эскадра вновь вышла в море 20 апреля и взяла курс на Анапу, к которой приблизилась через неделю плавания [7, с. 477-478].

Дальнейшие действия С. А. Пустошкина наглядно свидетельствуют о характерных особенностях его как военачальника. Он стремился советоваться с подчинёнными, решать поставленные перед ним задачи избегая лишних потерь и максимально используя дипломатические средства. В случае упорства неприятеля подкреплял увещевания убедительной демонстрацией готовности применить военную силу. Утром 28 апреля адмирал отправил к берегу парламентёра с письмом, содержащим предложение о добровольной сдаче во избежание кровопролития.

Но из-за враждебного поведения неприятеля ультиматум передать не удалось. Тогда с флагманского корабля было дано приказание фрегату «Воин» сняться с якоря и приблизиться к берегу на самое близкое расстояние для того, чтобы выявить расположение неприятельских батарей. Одна из них начала стрельбу, но была сбита ответным огнём фрегата. Эскадра тем временем расположилась на якоре в боевую линию, вне пушечного выстрела от крепости.

Адмирал пригласил на свой корабль всех командиров кораблей, а также руководство Четвёртого морского полка. На совещании был утверждён план атаки крепости с моря и суши. Ранним утром 29 апреля начались приготовления к высадке десанта и штурму. Анапский паша, наблюдая действия русских, отправил к командующему эскадрой своего представителя для переговоров. Тот прибыл на флагманский корабль и задал вопрос о причине прибытия русской эскадры. В ответ ему было объявлено, что если через два часа город не сдастся добровольно, то будет разорён до основания. Пообещав передать это требование паше, турецкий парламентёр возвратился в Анапу.

Тем временем баркасы и канонерские лодки стали перевозить десант на берег в трёх вёрстах от крепости. Фрегат «Воин» получил приказ вновь придвинуться к крепости ближе пушечного выстрела. Как только это было исполнено, турки открыли огонь со всех батарей. Тогда С. А. Пустошкин приказал капитану 2 ранга Андрею Никитичу Салькову, командиру линейного корабля «Варахаил», открыть стрельбу по городу зажигательными снарядами. В городе во многих местах начались пожары. Местные жители и гарнизон во главе с пашой покинули Анапу и бежали в горы. Посланный с фрегата «Воин» с шестью матросами мичман Иван Неверовский поднял над крепостью корабельный флаг.

Приказ Министра военных морских сил предписывал не удерживать крепость, а уничтожить её. Присланные из Николаева взрывники закладывали мины под крепостными стенами и зданиями, а затем подрывали их. Колодцы были наполнены чугунами, орудиями, снарядами и другими предметами, а затем взорваны. «Анапа представляла одни развалины. Медные же пушки, годные снаряды и вещи, стоившие доставления в наши порты, нагружены на корабли и фрегаты» [18, с. 25]. Во время проведения всех этих работ приходилось отражать непрерывные нападения черкесов. С русской стороны при взятии и разрушении Анапы погибли офицер и четыре рядовых из состава Четвёртого

морского полка [7, с. 488], по другим данным были убиты семь человек [18, с. 21]. Захар Андреевич Аркас пишет, что общее число убитых и раненых насчитывало 18 человек [4, с. 403].

Вечером 6 мая эскадра, построившись в две колонны, отправилась в Севастополь. Император Александр I, бывший тогда в действующей армии, получив донесение о столь быстром покорении Анапы, повелел принести по сему случаю благодарственное молебствие, с прочтением объявления об этом происшествии. 21-го мая, около полудня, «по совершении в церкви св. Николая Чудотворца благодарственного молебствия о победе, одержанной над Анапою, с Николаевского укрепления произведён 21, а с кораблей, фрегатов и прочих судов - с каждого по 15-ти пушечных выстрелов» [18, с. 25-26].

Пока адмирал Пустошкин был занят у Анапы, в Николаев прибыл Рубо де Понтевезо, российский консул в турецком Трапезунде. В начале военных действий он был взят под стражу, но смог бежать. Консул доложил главному командиру Черноморского Флота, что в Трапезунде войск мало. Местные христиане готовы при появлении русских соединиться с ними. Поэтому для овладения городом достаточно 2500 человек десантного войска [19, с. 39]. Рубо де Понтевезо также представил план Трапезунда, карту его рейда и указал место удобное для высадки десанта. К сожалению, карты бывшего консула, как и другие представленные им сведения, оказались весьма неточными, что предопределило впоследствии неудачу операции.

После успеха с Анапой, предложение Понтевезо взять Трапезунд казалось выполнимым. Тем более, что пришло известие о победе адмирала Д. Н. Сенявина над турецким флотом в Дарданелльском сражении, состоявшемся 10 - 11 мая. Следствием стали волнения в голодающем Стамбуле и свержение янычарами султана Селима III. Оценив обстановку, командование отдало С. А. Пустошкину приказ взять стоящие в Севастополе годные корабли, фрегаты и другие суда, и приняв десант, немедленно отправиться к Трапезунду с целью занятия города.

В случае успеха адмирал должен был немедленно послать к Синопу отряд из одного корабля, двух фрегатов, бомбардирского судна, брандеров и других малых судов, для нанесения возможнейшего ущерба этому городу и стоявшему там флоту. С присущей ему предусмотрительностью, де Траверсе указал, что «в непредвиденных случаях предоставлено контр-адмиралу поступать по усмотрению, сообразуясь с местными обстоятельствами» [19, с. 39-40].

Эскадра, назначенная к походу на Трапезунд, состояла из четырёх линейных кораблей, пяти фрегатов, трёх брандеров, двух бригав, бомбардирского судна, шхуны, бригантины, шхуны и семи канонерских лодок. Выделенным для операции сводным отрядом сухопутных войск, общей численностью в две тысячи человек [4, с. 403] командовал генерал-майор Иван Матвеевич Бегичев [22, с. 312-313]. Для перевоза десантных войск и провианта было нанято восемь купеческих судов [19, с. 4].

31 мая эскадра вышла из Севастополя и 3 июня подошла к турецкому берегу, заняв позицию у местечка Платано, в 15 вёрстах от Трапезунда. Для переговоров с местными жителями адмирал направил парламентёров. Они были встречены крайне неприязненно и вернулись без успеха на флагманский корабль. Турецкие батареи начали обстрел русских канонерских лодок, находившихся близ берега. Ответным огнём, открытым по приказу Пустошкина, орудия противника были сбиты. На шхуне «Экспедицион» в Трапезунд был направлен беглый турецкий чиновник Мустафа-Али с письмом от адмирала к городскому паше.

Выждав несколько дней и не имея никаких известий ни о шхуне, ни о судьбе посланника, Пустошкин оправил в Трапезунд на бриге «Диана» другого парламентёра, волонтёра Яни-Пано [19, с. 45]. По другим источникам им был бахчисарайский житель Паго [4, с. 404]. Он должен был доставить пространную прокламацию, которой руководство и население города призывалось перейти под покровительство русского императора. В качестве наместника предлагалось принять лояльного России турецкого вельможу Таяр-пашу, имевшего владения близ Трапезунда. Ещё 1791 году он оказался в русском плену и неоднократно предлагал помощь в овладении городом и его округой, при условии назначения местным сераскиром [8].

Яни-Пано, прибыв на ялик к берегу, объявил, что имеет от русского адмирала послание к городским властям и был отведён к паше Трапезунда. Прочитав прокламацию Пустошкина, тот решительно отказался принять требования, указанные в ней. Он заявил, что доволен своим правительством, имеет достаточно людей для защиты города, а также ждёт подхода турецкой армии, дислоцированной близ Тифлиса [19, с. 49]. Выслушав доклад парламентёра, вернувшегося из Трапезунда, С. А. Пустошкин понял, что мирным образом решить поставленные перед ним задачи не удастся. Опыт Анапы ещё раз убедил его, что в подобных ситуациях увещание плюс демонстрация силы гораздо убедительнее, чем просто увещание.

Эскадра по приказу адмирала приблизилась к городу и начала перестраиваться в боевой порядок. Но это время налетевший внезапно шквал вызвал сильное волнение моря. Корабли стали дрейфовать к берегу, а некоторые даже сорвало с якорей. Турецкие батареи открыли огонь. Меткими выстрелами из корабельных орудий две из них удалось подавить. Значительный урон был нанесён городским постройкам. Но несколько кораблей эскадры также пострадали от снарядов противника. Эскадре пришлось отойти от берега.

В сложившейся непростой ситуации Пустошкин созвал военный совет. Участники его единогласно решили: «по невозможности предпринять десант, не сделав сухопутных войск жертвою сильного неприятеля, занимающего весь берег в ложементах и на том месте, где предположено сделать высадку», оставить всякое предприятие против Трапезунда и возвратиться в Севастополь, руководствуясь инструкцией, данной командующему эскадрою от адмирала де Траверсе, предоставлявшей в непредвидимых случаях сообразоваться с местными обстоятельствами [19, с. 52]. Утвердив решение совета, С. А. Пустошкин дал команду взять курс на Севастополь. 10-го июля эскадра с пятью призовыми судами прибыла в родную гавань.

Благоразумные действия Семёна Афанасьевича были одобрены начальством. Тем более, что 25 июня, когда его эскадра ещё находилась в море, между Францией и Россией был заключён Тильзитский мирный договор. По его условиям Александр I обязался заключить перемирие с Турцией, вывести войска из Молдавии и Валахии и признать суверенитет Франции над Ионическими островами.

12 декабря 1807 года С. А. Пустошкин был произведён в вице-адмиралы и вскоре убыл в Николаев, где получил должность флотского начальника и директора Черноморского штурманского училища. Через год его назначили флотским начальником в Херсон тогдашнюю столицу флота. Это должность он исполнял до перевода в столицу летом 1811 года [17, с. 631].

После 26 лет, отданных Черноморскому флоту, вице-адмирал С. А. Пустошкин продолжил службу на высоких должностях в центральных флотских учреждениях. В 1831 году он был произведён в адмиралы, а спустя восемь лет награждён знаком отличия за 60 лет беспорочной службы и орденом Белого орла [17, с. 631]. Скончался Семён Афанасьевич Пустошкин в 1846 году, прослужив Отечеству с честью и славой шестьдесят семь лет, семь месяцев и пятнадцать дней [19, с. 63].

Список литературы

1. Адмирал Ушаков. [Документы] В 3 т. / Под ред. Р. Н. Мордвинова. - М.: Военно-морское издательство, 1951–1956. – Т. 1 – 828 с..
2. Адмирал Ушаков. [Документы] В 3 т. / Под ред. Р. Н. Мордвинова. - М.: Военно-морское издательство, 1951–1956. – Т. 2 – 643 с.
3. Адмирал Ушаков. [Документы] В 3 т. / Под ред. Р. Н. Мордвинова. - М.: Военно-морское издательство, 1951–1956. – Т. 3 – 597 с.
4. Аркас, З. А. Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 год / З. А. Аркас // Записки Одесского общества истории и древностей. - 1867. - Т. VI. - С. 368–444.
5. Архив графов Мордвиновых // Предисловие и примечания В.А. Бильбасова. — СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 1. - 712 с.
6. Веселовский, Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы / Н. И. Веселовский. - Пг. : Тип. гл. упр. уделов, 1914. - 74 с.
7. Висковатов, А. Военные действия эскадры контр-адмирала Пустошкина при Анапе, в 1807 году / А. Висковатов // Славянин. – 1828. - № XXVI. - С. 475 - 488.
8. Висковатов, А. Трапезондская экспедиция 1807 г.// Северная пчела. - 1829. - № 61.
9. Головачов, В. Ф. История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачов. – СПб: Типография департамента уделов, 1972. - 268 с.
10. Кротков, А. С. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте / А. С. Кротков. - СПб: Типография Морского министерства, 1994. – 529 с.
11. Материалы для истории Русского флота. Часть XV. - СПб: Типография Морского Министерства, 1895. - 596 с.
12. Материалы для истории Русского флота. Часть XVI. - СПб: Типография Морского Министерства, 1902. - 668 с.
13. Материалы для истории русского флота. Часть XVII. - СПб: Тип. Морского Министерства, 1904. - 667 с.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. - СПб: Имп. Академия наук, 1796. - 464 с.

15. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1807. - СПб: Имп. Академия наук, 1807. Ч. 1. - 1807. - 577 с.
16. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года /А. И. Михайловский-Данилевский. Ч. 1. - СПб: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843. – 280 с.
17. Общий Морской список. Часть IV. Царствование Екатерины II. К-С. - СПб: Типография В. Демакова, 1890. - 712 с.
18. Савваитов, П. И. Взятие Анапы эскадрою черноморского флота, под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина, в 1807-м году / П. И Савваитов. – СПб. : в типографии Военно-учебных заведений, 1851. – 28 с.
19. Савваитов, П. И. Адмирал, сенатор Семён Афанасьевич Пустошкин / П. И. Савваитов. - СПб: в типографии Якова Трея, 1853. - 98 с.
20. Сацкий, А. Г. Фёдор Фёдорович Ушаков / А. Г. Сацкий // Вопросы истории. - 2002. - № 3. - С. 51-78.
21. Скаловский, Р. К. Жизнь адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. / Р. К. Скаловский. - СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1856. - Ч. 1 - 496 с.
22. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т.VII – М.: Студия ТРИТЭ Н. Михалкова, 1996. - С. 288-645.
23. Часть вторая Регламента морского, в которой определено о всем, что касается доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов. – СПб: В Санктпитебургской типографии, 1722. - 75 с.
24. Чубинский, В. Г. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России / Сост. В. Чубинским. - СПб: Типография Морского министерства, 1869. – 313 с.

Статья поступила в редакцию 27.01.2018

Kovalenko, V. V. Black Sea Admiral Semyon Afanasyevich Pustoshkin

The article is devoted to the admiral S. A. Pustoshkin who served his Fatherland more than 67 years, of which 26 - to the Black Sea fleet rising from the rank of lieutenant to the rank of vice admiral. In 1807 under his command, the Sevastopol squadron seized the Turkish fortress of Anapa considered unassailable.

Keywords: Black Sea fleet, Mediterranean Sea, Sevastopol, Sevastopol squadron, Fyodor Fyodorovich Ushakov, Semyon Afanasyevich Pustoshkin, Nikolay Semyonovich Mordvinov, Anapa, Trebizond.

УДК [341.39(477)"2014/2017":341.4/.6]:342.5(477)

Статья посвящена анализу обращений представителей Украины в 2014 – 2017 гг. в Международный уголовный суд, созданный для преследования лиц, обвиняемых в военных преступлениях, преступлениях против человечности и геноциде. Рассматривается роль правозащитных организаций Украины в этом процессе. Констатируется несоответствие целей мирного урегулирования соответствующих конфликтов интерпретациям международных судебных инстанций в условиях конфронтации Западного альянса с Россией.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский статут, юрисдикция, принципы международного уголовного права, Украина.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УКРАИНЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

Постоянный Международный уголовный суд (МУС, Гаага), который имеет юрисдикцию в отношении физических лиц, ответственных за наиболее тяжкие преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, был учрежден Римским статутом, принятым 17 июля 1998 года Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций. Основным принципом работы МУС считается принцип комплементарности, на основании которого Суд вмешивается в рассмотрение тех или иных дел только тогда, когда национальные правовые системы и соответствующие судебные органы не в состоянии или не желают осуществить уголовное преследование лиц, виновных в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Основанная на многостороннем договоре юрисдикция этой международной организации является производной от национальной юрисдикции и базирующейся на территориальном принципе, принципе активной национальности, ограничении суверенитета стран-участниц Статута в части свершения правосудия по уголовным делам в отношении деяний, инкриминируемых предполагаемым международным преступником.

В отдельных ситуациях юрисдикция МУС может получать общеобязательный (внедоговорный) характер. Предварительные условия позволяют распространить юрисдикцию постоянно действующего международного органа уголовного правосудия на граждан третьих государств, подпадающих под территориальную юрисдикцию государства-участника Статута, в том числе граждан государств, в нем не участвующих (или государств, признающих юрисдикцию Суда *ad hoc*) [5, ст. 12 (1)].

На основании вышеуказанных правил, рабочий орган МУС – Канцелярия Прокурора исследует события в Украине с 25 апреля 2014 г., когда Верховная Рада приняла заявление о признании Украиной юрисдикции МУС и о совершении преступлений против человечности высшими должностными лицами государства во время Евромайдана, ограничив временной промежуток юрисдикции сроком с 21 ноября 2013 г. по 22 февраля 2014 г. и оставив преступления, совершенные за пределами этого периода, не подлежащими расследованию. В ответ на это обращение Гаагский суд отказал Украине в инициировании расследования, мотивировав свое решение недостаточностью представленных доказательств о спланированном характере и систематичности атак правительственных органов на активистов Майдана (несистематические, случайные действия МУС не преследуются).

Далее последовало два представления украинского парламента к Международному суду с требованием распространить его юрисдикцию в отношении событий на Майдане после 20 февраля 2014 г., затем – на события в Крыму и на Донбассе. Так, следующая резолюция, которую 4 февраля 2015 г. утвердила Верховная Рада Украины, предполагала распространение специальной юрисдикции МУС на временной период после 20 февраля 2014 г. без ограничения срока действия юрисдикции. Это

постановление поддержал 271 украинский парламентарий и свое обращение сами депутаты назвали «историческим шагом, который может помочь остановить агрессию России против Украины» [4].

8 сентября 2015 г. Украина подала заявление о расследовании вооруженного конфликта, признав юрисдикцию МУС в отношении совершения преступлений против человечности и военных преступлений высшими должностными лицами России и руководителями самопровозглашенных республик «Донецкая народная республика» и «Луганская народная республика». Верховная Рада Украины направила обращение в Гаагский трибунал с требованием привлечь к уголовной ответственности «высших должностных лиц Российской Федерации и руководителей террористических организаций ДНР и ЛНР, которых определит Прокурор Международного уголовного суда» за преступления, которые привели к особо тяжким последствиям и массовому убийству украинских граждан, за военную агрессию России и «поддерживаемых ею боевиков», во время которой были аннексированы Крым и Севастополь, оккупирована часть Донецкой и Луганской областей, за гибель тысяч граждан Украины, среди которых дети, за ранения тысяч лиц и разрушение инфраструктуры региона. После этого обращения Прокурор Суда принял решение о включении в предварительное расследование по делу «Ситуация в Украине» соответствующих событий.

В ежегодном отчете предварительного расследования Прокурора МУС был обоснован тезис, согласно которому до 30 апреля 2014 г. напряженность вооруженных действий между силами украинского правительства и антиправительственными вооруженными элементами в Восточной Украине достигла уровня, который влечет за собой применение права о вооруженных конфликтах. Прокурор выявил признаки немеждународного вооруженного конфликта в этой ситуации: «существование единого международного вооруженного конфликта в восточной Украине повлекло бы за собой применение статей Римского статута, имеющих отношение к вооруженным конфликтам международного характера в течение соответствующего периода», – говорится в отчете [2]. В результате проведенного анализа не было установлено, указывают ли представленные Украиной сведения на поддержку российскими органами власти вооруженных группировок на Донбассе в виде поставок оборудования, персонала и финансирования. В 2015 г. Международный суд не обнаружил признаков масштабности и системности в преследовании активистов во время Евромайдана, признав «преступления власти против протестующих» реакцией государственных органов на незаконные действия со стороны участников протестов. Однако уже в 2017 г. украинские правозащитники, представители демократических фондов, заявляли о том, что у МУС есть данные о прямом военном противостоянии между Россией и Украиной, ссылаясь на данные отчета Канцелярии Прокурора Суда о предварительном расследовании за 2017 г. [7].

Украина еще в 2000 г. подписала Римский статут, однако в следующем 2001 г. Конституционный Суд Украины принял решение о противоречии его положений Конституции Украины. В 2007 г. Украина присоединилась к «Соглашению о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда» и оставалась государством-участником соглашения, не став участником Римского статута. Шагом в этом направлении стало подписанное 27 июня 2014 г. Соглашение об ассоциации Украины и Европейского Союза и обязательство украинского правительства принять необходимые для обеспечения ратификации Римского статута меры. В соответствии со статьей 8 Соглашения об ассоциации Украина приняла на себя обязательство ратифицировать Римский статут, что повлекло ряд предложений украинских парламентариев внести изменения в Конституцию Украины, которые позволят ей стать членом МУС.

В январе 2015 г. более 150 депутатов Верховной Рады Украины предложили внести поправку в 124-ю статью Конституции (законопроект № 1788 о признании положений Римского статута). Однако имплементация норм международного гуманитарного права и Римского статута в национальное законодательство Украины не получила однозначной поддержки украинского политикума (например, против выступил депутат Верховной Рады А. Геращенко, сомнения в целесообразности обращения в Суд высказывал генеральный прокурор Украины Ю. Луценко).

В этом же 2015 г. Коалиция за Международный уголовный суд, представляющая собой сеть организаций гражданского общества более чем в 150 странах и объединяющая партнерские организации с целью укрепления международного сотрудничества с МУС, провела «кампанию за международную справедливость» в ходе которой призвала Украину признать Римский статут и обратилась в адрес Президента П. Порошенко, потребовав безотлагательно его ратифицировать [8]. В условиях внешнего давления на правительство Украины, вынуждающего принять условия международного судопроизводства, представители украинского политикума длительное время пытались этого избежать. В препятствовании ратификации Римского статута, к которому Украина присоединилась 18 лет назад, неоднократно был обвинен действующий Президент Украины

П. Порошенко. В 2015 г. он в очередной раз отложил членство Украины в МУС на три года в связи с нехваткой голосов в парламенте, заложив этот срок в переходных положениях президентского законопроекта о конституционных изменениях в части правосудия. Таким образом, Украина не получила права передавать на рассмотрение Суда любые ситуации (только обращаться к Прокурору с просьбой о проявлении инициативы для начала расследования).

2 июня 2016 г. народные депутаты Украины приняли изменения в Конституцию в части правосудия, предусматривающие отсрочку возможности ратификации Римского статута на три года. В октябре 2017 г. в Верховной Раде Украины был зарегистрирован разработанный Министерством юстиции Украины законопроект № 7179 о сотрудничестве с МУС до ратификации Устава, который содержит предложения о внесении изменений в уголовное процессуальное законодательство для урегулирования взаимодействия с Судом (порядок ареста, передачи и временной передачи лиц, проведения консультаций по вопросам, возникающим в связи с осуществлением сотрудничества и др.).

Непоследовательность действий правительства Украины можно объяснить несоответствием интересам высших должностных лиц Украины ратификации Римского статута, которая позволит Прокурору МУС расследовать все совершенные в Украине преступления против человечности, геноцид и военные преступления. Теоретически украинские власти могут быть привлечены к ответственности за некомпетентные военные приказы, так как на основании жалобы в МУС Прокурор самостоятельно принимает решение, что расследовать и кого привлекать к ответственности. Суд определяет основную тенденцию совершения преступлений и лиц, которые руководили совершением этих преступлений. Ордер Суда на арест не имеет срока давности, и страны-участники Римского статута обязаны передать подозреваемого в Гаагу, как только тот прибудет на территорию такой страны, а государства, скрывающие преступников, подвергаются международному осуждению и изоляции. Соответственно, этот институт Украина пытается использовать только временно, на разовой основе признавая юрисдикцию Суда для расследования отдельных дел, таких как убийства активистов Майдана.

Правозащитники Украины, представляющие доказательную базу в МУС, признают опасность сбора и документирования информации о совершаемых преступлениях на территории самопровозглашенных республик и о роли высших органов власти в нарушениях, которые совершены представителями украинских вооруженных сил и за которые они не понесли наказание. По словам Р. Романова, Директора программы «Права человека и правосудие» Международного фонда «Возрождение», на территории ДНР и ЛНР тщательно собирается информация, ведется опрос беженцев из Донбасса, все документируется, значит, эта информация может быть использована против Украины [4].

Выяснить все обстоятельства и разобраться в происходящем не в интересах Украины, документация всех фактов представляет опасность для ее правительства. Так, обращением 4 февраля 2015 г. в МУС представители украинского государства вновь попытались ограничить право Суда на расследования преступлений только теми деяниями, к которым якобы причастны высшие должностные лица Российской Федерации и руководители ДНР и ЛНР, исключив возможность расследования преступлений, совершенных высшими должностными лицами Украины. Обращение Верховной Рады от 8 сентября 2015 г. украинские правозащитники также посчитали «сомнительным», а оптимизм парламентариев необоснованным, так как Римский статут при временном признании юрисдикции не позволяет государствам делать подобных оговорок, а дает право только на определение срока, на который будет распространяться юрисдикция Суда.

Показателен в этом отношении опыт Грузии, которая 2003 г. ратифицировала Римский статут, однако не обратилась к Суду с требованием инициировать расследование военных преступлений в связи с опасениями преследования за преступления, в которых подозревалась грузинская сторона. Более того, были изменены нормы закона о предоставлении публичной информации, что обеспечило секретность информации о сотрудничестве Грузии с разными международными институтами, в том числе всего, что касалось сотрудничества государства с МУС.

Особенностью обращений Украины в Международный суд также является то, что представление доказательств по первой декларации Верховной Рады Украины для Канцелярии Прокурора Суда обеспечили неправительственные организации, так называемые фонды демократии, например, представители Фонда Сороса. С целью обеспечения недостающей доказательной базы осенью 2016 г. адвокаты, представляющие интересы пострадавших по «делам Майдана» в украинских судах, П. Дикань, М. Галабала и директор программной инициативы «Права человека и правосудие» международного фонда «Возрождение» Р. Романов передали в МУС материалы по «делу Майдана», которые должны были явиться дополнительным аргументом для открытия производства по уголовным преступлениям, совершенным правительством Украины против активистов Майдана. Адвокаты

подчеркивали «масштабность и системность преступлений», которые недостаточно исследованы в Гааге, и которые могут быть обоснованы представленными материалами, в частности, преследование участников Автомайдана, подпадающее под категорию преступлений против человечности, и незаконное лишение свободы участников массовых акций протеста. По заявлению представителей интересов пострадавших по «делам Майдана» эти материалы не подлежат разглашению украинской общественности, так как являются конфиденциальными [1].

Очередной отчет украинских и международных правозащитников в МУС был посвящен доказательствам международных преступлений в «оккупированном Крыму», и основан на тезисе, что, поскольку референдум о статусе полуострова неизвестен украинскому законодательству, его результаты также являются незаконными. Следовательно, совершение тяжких преступлений с момента референдума автоматически превращает их в военные преступления и преступления против человечности, а по правилам МУС «установления факта правомерности изначальной интервенции, которая повлекла за собой оккупацию, не требуется». При этом Канцелярии Прокурора МУС в качестве доказательств совершения международных преступлений, сопровождаемых массовой или систематической атакой на гражданское население полуострова, правозащитники в своем отчете (координатор полевых миссий правозащитной организации «Международное партнерство за права человека» (IPHR) С. Валько) предложили принять транслируемые СМИ заявления топ-чиновников о планах борьбы с мусульманским и иным экстремизмом, например, интервью непризнанного Киевом Премьер-министра Крыма С. Аксенова, в котором он поддержал предложение главы Следственного Комитета РФ А. Бастрыкина считать экстремизмом искажение фактов истории и одним из инструментов гибридной войны – отрицание референдума в Крыму; паттерн в преследованиях прокуратурой, т.е. задержание 11 крымских татар; тот факт, что 2 200 украинским заключенным, которые отбывали наказание в крымских тюрьмах во время аннексии, «автоматически» было предоставлено российское гражданство с перемещением в другие пенитенциарные учреждения России, а также «общую атмосферу страха, травли оккупационными властями и физического насилия». Адвокатская совещательная группа передавала прокурору МУС дополнительные доказательства причастности официальных лиц Российской Федерации к совершению преступлений против человечности высшими должностными лицами Украины во время Революции Достоинства в 2015 и 2016 гг. В декабре 2017 г. был представлен очередной отчет общественных организаций «Truth Hounds и International Partnership for Human Rights» о серии трансграничных нападений российских вооруженных сил, осуществленных в 2014 г. на украинские населенные пункты и позиции ВСУ с обоснованной позицией, согласно которой эти нападения продемонстрировали вовлечение России в вооруженный конфликт, который, как следствие, может рассматриваться, по крайней мере частично, как международный вооруженный конфликт [6]. В 2017 г. МУС принял решение о введении по иску Украины ограничительных мер, направленных на защиту национальных меньшинств в Крыму.

Украинские правозащитники убеждены, что членство в МУС обеспечит проведение политики сдерживания, необходимой для мирного урегулирования конфликта на территории Восточной Украины и достижения устойчивого мира. Однако на практике международное уголовное преследование способно отсрочить прекращение огня или мирное решение конфликта. 12 февраля 2015 г. между Францией, Германией, Россией и Украиной было достигнуто соглашение, которое должно было привести к прекращению огня и деэскалации вооруженного конфликта. Одним из условий данного соглашения было установление иммунитета неподсудности, включающего защиту лиц, которые участвовали в противостоянии и предположительно совершали военные преступления в Донецкой и Луганской областях, от привлечения к ответственности. Кроме того, по свидетельству Председателя МУС Ф. Кирша, едва ли возможно достичь примирения, когда ведутся уголовные преследования. Более того, обвинения, выдвинутые в Уганде, по поводу которой Канцелярия Прокурора также проводила расследование, спровоцировали нападения на потенциальных свидетелей и привели к возобновлению боевых действий [3, с. 18].

Исходя из крайне избирательного характера международных судебных процессов, происходивших в посткоммунистический период, а также определенного противоречия между интересами правосудия и политическими интересами, существуют опасения в предрешенности соответствующего разбирательства, перманентном выборе в пользу конфронтации с Россией и непрозрачности любого расследования. В пользу этого тезиса свидетельствуют отсутствие универсальности критериев таких базовых понятий, как преступления против мира и безопасности человечества, геноцид; преобладание европоцентристских оценок в случаях квалифицированного молчания и юридических коллизий международного права, а также недостаточность объективности, незаангажированности при разбирательстве судебных споров и неизбежность давления на МУС со

стороны наиболее развитых держав, способных использовать его в политических целях в отношении государств, пытающихся противостоять новому мировому порядку и подвергающихся международному преследованию.

Председатель МУС Ф. Кирш считает его единственным международным судом, когда-либо созданным в соответствии с договором, и потому призванным стать демократичным, отражающим универсальный характер международного сообщества [3, с. 13]. Условием этого является проявление уважения и недопущение дискриминации по отношению к какому бы то ни было лицу, группе лиц, отдельным государствам, а также недопущение злоупотреблений полномочиями, которыми наделены органы МУС, исходя из определенного политического заказа и текущей конъюнктуры, что нередко для такого типа международных организаций.

Согласно цели создания МУС, он обеспечивает независимое объективное расследование, исключая политические манипуляции или поддержку интересов отдельных лиц или правительств. Немаловажно отметить, что отдельные положения Римского статута признали угрожающими национальным интересам, ограничивающими государственный суверенитет, и не ратифицировали его США, Израиль, Китай, Турция, Пакистан, Индия и другие страны. Распоряжением Президента РФ от 16 ноября 2016 г. Россия вышла из Римского статута после того, как Прокурор Суда признал присоединение Крыма международным вооруженным конфликтом.

Несмотря на убеждения Ф. Кирша, что МУС представляет собой исключительно правовой институт, выполняющий исключительно правовую функцию и не осуществляющий преследования по политическим мотивам, международно-политическая обстановка последних лет обусловлена обострением давних конфликтов и противоречий, а нормы и принципы международного права и международного судопроизводства все чаще служат прикрытием предпринимаемых Западным блоком попыток изменить сложившуюся геополитическую раскладку.

Стремление российской политической элиты восстановить расстановку сил в международной системе, прежде всего, непримиримость России в вопросе сохранения гегемонии в Черноморском регионе, запустило ответную реакцию Запада. Как утверждает Г. Моргентау, любая конкурентная система стремится к поддержанию равновесия в рамках ее собственного набора норм и правил, и анархическая международная система государств не составляет исключения [9]. Неоправданность «больших надежд» Запада на получение дивидендов от поражения СССР в холодной войне диктует его непримиримость с изменившимся положением и претензиями России на статус великой державы (в глазах западной общественности – «статус государства-гегемона»). Ответом Москве на посланный Западу грозный сигнал могут стать новые судебные разбирательства и привлечение иных средств и приемов гибридного сопротивления. Для исполнения этого плана Запад готов пренебречь общественной репутацией официальных лиц, дипломатическими отношениями, базовыми принципами международного уголовно-процессуального права, которые на практике оказывались и ранее очень существенно урезанными, если разбирательство касалось обвинений России, заменив их на новые принципы интегрированного международного судопроизводства, подобные «highly likely». Несогласие Западного альянса с тем, что Россия стремится вновь превратиться в один из мировых центров военной мощи и защитить зоны своих жизненных интересов, как и укрепление позиции по отношению к Брюсселю и Вашингтону, не могут не оказать давление на работу МУС, соответствующие судебные процедуры и окончательное решение по делам, которые могут стать отражением стремления Западного альянса защитить идейно и политически близкую страну.

Список литературы

1. Адвокаты семей Небесной сотни передают в суд в Гааге материалы по делу Майдана // Сегодня. – 2016. – 6 окт. – URL: <http://www.unian.net/society/1557231-advokatyi-semey-nebesnoy-sotni-pereadayut-v-sud-v-gaage-materialyi-po-delu-maydana.html> (дата обращения: 23.01.2018).
2. Мирный, Н. Разорвать круг безнаказанности: зачем правозащитники отправили в Гаагу отчет о преступлениях в Крыму / Н. Мирный // Центр информации по правам человека: сайт. – URL: https://humanrights.org.ua/ru/material/rozirvati_kolo_bezkarnosti_navishho_pravozahisniki_vidpravili_v_gaagu_zvit_pro_zlochiny_v_krimu (дата обращения: 04.12.2017).
3. Пфаннер, Т. Интервью с Филиппом Киршем, председателем Международного уголовного суда / Т. Пфаннер // Международный журнал Красного Креста. – 2006. – Март. – Том 88. – № 861. – С. 9–20.
4. Ржеутская, Л. Украина признала юрисдикцию Гааги, чтобы наказать Россию / Л. Ржеутская // Русская служба Deutsche Welle. – 2015. – 5 февр. – URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/3475418-ukrayna-pryznala-yurysdyktsiyi-haahy-chtoby-nakazat-rossiyu> (дата обращения: 23.01.2018).

5. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июля 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г. и 16 января 2002 г. – URL: [http://www.un.org/russian/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/russian/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 21.01.2018).

6. Россия провела серию трансграничных атак на Украину – исследование // Украинская правда. – 2018. – 22 февр. – URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2018/02/22/7172499/> (дата обращения: 01.03.2018).

7. У Международного уголовного суда есть данные о прямом военном противостоянии между Россией и Украиной // Центр информации по правам человека: сайт. – URL: https://humanrights.org.ua/ru/material/u_mezhdunarodnogo_ugolovnogogo_suda_jest_dannyje_o_prjamom_v_ojennom_protivostojanii_mezhdu_rossijej_i_ukrainoj (дата обращения: 04.12.2017).

8. Украина: вступление в МУС для обуздания роста тяжких преступлений // Coalition for the ICC: сайт. – URL: http://www.iccnw.org/documents/CICC_Ukraine_CGJ_Feb2015_Press_release_FINAL_Russian.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

9. Morgenthau, H. Politics Among Nations / H. Morgenthau, K. Thompson, D. Clinton / 7th ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 2005. – 752 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2018

Skrebets, E.V. Features of Co-Operation of Ukraine with the International Criminal Court

The article is devoted to the analysis of recourse of representatives of Ukraine to the International Criminal Court in 2014 – 2017, which is created for prosecution of the individuals for war crimes, crimes against humanity and genocide. The role of human rights organizations of Ukraine in this process is examined. The author shows the discrepancy between the aims of peaceful settlement of the analysed conflicts and interpretations of international legal authorities in the conditions of confrontation of Western alliance with Russia.

Keywords: The International Criminal Court, Roman Statute, jurisdiction, principles of international criminal law, Ukraine..

УДК [316.4 : 32] : 004

Анализируется эволюция технологий коммуникации и ее влияние на развитие общества. Предлагаются два сценария развития информационно-коммуникационных технологий в будущем: Веб 3,5 и Веб 4. Сценарий Веб 3,5 предполагает существенное усложнение современных технологий коммуникации за счет повышения эффективности и вычислительной способности систем, интеграции физического и виртуального мира. В свою очередь, сценарий Веб 4 подразумевает переход коммуникаций к освоению нейротехнологий, массовому внедрению которых в предыдущем сценарии мешали определенные проблемы. Акцентируется внимание на угрозах и потенциале влияния новейших информационно-коммуникативных технологий на общество.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, Веб 3,5, Веб 4, нейротехнологии, Нейронет, социально-политическое прогнозирование.

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

Д. С. Полулях, канд. полит. наук

Московский государственный университет

В. Ю. Бровко, аспирант

Институт научной информации по общественным наукам РАН

ВЛИНИЕ НОВЕЙШИХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: НЕКОТОРЫЕ СЦЕНАРИИ

Технологии коммуникации и их эволюция задают направление развитию общества, определяя приоритетные каналы общения, основные принципы организации, технические возможности и ресурсы, находящиеся в распоряжении технологов, экспертов, ученых и преподавателей. Технологии коммуникации активно развиваются, и можно прогнозировать скорое появление новых продуктов, вобравших в себя наиболее перспективные идеи возникающего технологического уклада. Наиболее существенным образом коммуникацию в будущем могут изменить нейротехнологии, однако перспективы скорого разрешения сложных научных проблем, стоящих на пути массового внедрения нейрокоммуникаций, до сих пор неоднозначны, поэтому можно выделить два основных сценария развития технологий коммуникации в будущем:

Веб 3.5

Данный сценарий подразумевает существенное усложнение современных технологий коммуникации за счет повышения эффективности и вычислительной способности систем, интеграции физического и виртуального мира и считывания физиологических данных пользователей. Коммуникации шагнули вперед по сравнению как с подходом Веб 2.0, так и с подходом Веб 3.0, но при этом неразрешенные фундаментальные научные проблемы, а также этические проблемы нейротехнологий не позволяют включить в коммуникацию сложные нейросигналы (Веб 4.0). В основе сценария лежат следующие технологии:

- **Веб 3.0.** Данная концепция развития интернет-пространства подразумевает как эволюцию принципов, привнесенных Веб 2.0, так и отход от некоторых наиболее спорных принципов этой концепции. В концепции Веб 3.0 контент и сервисы становятся более качественным благодаря, к примеру, привлечению экспертов и профессионалов к написанию статей и их редактированию. В то же время редактирование окажется недоступным для неопытных пользователей, что предотвратит распространение флуда со стороны псевдонимов и анонимов. Этому идеалу в данный момент соответствует немецкий раздел Википедии[22].

Будет упрощен и станет более эффективным поиск информации. Поисковые механизмы позволят эффективно отфильтровать мусор, подобрать наиболее качественный контент и более точно удовлетворить запрос пользователя.

В Веб 3.0 конфиденциальные и личные данные будут гораздо лучше защищены. Появятся защищенные от стороннего вмешательства каналы интернет-коммуникации.

Само понятие сайта окажется устаревшим, так как в центре будет находиться не он, а конкретный контент или пользователь.

Эволюция суперкомпьютеров усложнит инфраструктуру интернет-коммуникации, что позволит выполнять сложнейшие вычисления и более эффективно выполнять запросы пользователей.

Важная составляющая Веб 3.0 – т.н. семантическая паутина. Эта надстройка к Всемирной паутине позволит переводить информацию, размещенную в Интернете, на машинный язык. Это позволит упростить автоматический анализ, синтез и отбор данных.

Еще один важный компонент Веб 3.0 – «Интернет вещей».

- **Интернет вещей.** Концепция основана на идее слияния виртуального и физического пространств через организацию компьютерной сети, объединяющей различные взаимодействующие друг с другом и внешней средой объекты физического мира. Новые технологии позволяют исключить обязательное участие человека из некоторых операций в экономических, общественных и бытовых процессах. Постепенно датчики, передающие информацию по беспроводным каналам, будут внедряться во все большее количество вещей и тел. Тем самым распространится феномен «умных» пространств, например, «умного дома», постоянно передающего пользователю информацию о состоянии различных систем (температура, электрические приборы), способного к саморегуляции (автоматический вызов пожарной службы) и позволяющего удаленно управлять различными функциями (управление освещением, дверьми).

- **Технологии слабого искусственного интеллекта.** Слабый искусственный интеллект (ИИ) как технология создания интеллектуальных машин, не достигающих уровня самосознания, независимого мышления и творчества, может быть реализован в разных формах. Это могут быть обычные интеллектуальные помощники и чат-боты, ведущие беседу с пользователем, предоставляющие ему информацию и адаптирующиеся к его нуждам и запросам (напр. Siri). Разновидность таких приложений – интернет-переводчики, которые в будущем научатся согласовывать времена и окончания, а также лучше понимать контекст фраз. В этом направлении уже идет такое приложение как Google Inbox, а также программа Skype, которая ввела сервис двустороннего перевода.

Также это могут быть различные встраиваемые интеллектуальные системы, например, система управления в автомобиле, заменяющая водителя, или система, ассистирующая врачам при проведении операций. ИИ может также принимать форму настоящих человекоподобных роботов (андроидов), способных осуществлять активность в физическом мире, например, присматривать за пожилыми людьми или больными. Функционирование такого ИИ потребует включения в конструкцию роботов различных сложных систем, в том числе распознавания лиц, характеристик человека, мимики и т.п. Сегодня такая функция прорабатывается компанией Microsoft в приложении How-old.net[7].

Несмотря на то, что слабый ИИ будет демонстрировать значительные успехи в понимании человеческого мира и даже будет способен к самообучению, что порой будет заставлять воспринимать их как живых существ, по своей сути они будут являться лишь запрограммированными машинами.

- **Супервычисления.** Суперкомпьютерами называют вычислительные машины, превосходящие большинство других машин по различным техническим параметрам и скорости вычислений. Они применяются в секторах, где требуются особенно интенсивные вычисления, например, для прогнозирования погодных изменений, моделирования военных действий и ядерных испытаний, расчетов в области ядерной энергетики.

Рост мощи суперкомпьютеров в последние годы был подчинен четкому закону, что дает возможность с большой долей точности прогнозировать развитие в этой области. Так, к 2025 г. мощности суперкомпьютеров должно хватить для полного моделирования человеческого мозга, что приблизит бум нейротехнологий, а к 2050 г. суперкомпьютеры смогут моделировать миллиарды человеческих сознаний, что позволит создавать сложные и правдоподобные виртуальные миры[18].

Супервычисления найдут применение почти в любой значимой сфере жизни, помогая спроектировать новые виды двигателей, ветровых турбин, найти новые источники энергии, улучшить транспортную систему, эффективно бороться с болезнями[3]. Особые надежды государства возлагают на применение суперкомпьютеров в области обороны, где супервычисления помогут составить полную карту угроз для страны.

Суперкомпьютеры станут основой функционирования систем искусственного интеллекта, что сейчас можно увидеть на примере суперкомпьютера IBM Watson, имеющего доступ к 4 терабайтам информации[12]. Уже сегодня любой человек может воспользоваться ресурсами этого суперкомпьютера для обработки данных и прогнозной аналитики, пользуясь услугой Watson Analytics. Одной из областей применения подобного супер-ИИ мог бы стать мгновенный и точный перевод на любые языки, что приведет к ненужности людей-переводчиков.

Большие перспективы супервычислений связываются с моделированием социальных и политических процессов. Уже сегодня суперкомпьютеры успешно используются для

ретроспективного анализа международных конфликтов, что позволяет надеяться на скорое внедрение супервычислений для прогнозирования развития политической ситуации в мире[17]. На определенном этапе в суперкомпьютеры будет заложен гигантский массив исторической, экономической, политической, культурной и др. информации обо всех странах мира, что позволит прогнозировать глобальное развитие мира в целом.

- **Большие данные.** Прогнозируется появление все новых подходов, методов и инструментов для обработки огромных объемов структурированных и неструктурированных данных. Уже сегодня технологии обработки больших объемов данных применяются, например, государственными структурами для исследования общественного мнения и предсказания результатов выборов[2]. Анализируя сообщения и другую информацию сотен тысяч аккаунтов в соцсетях и на форумах, технологии больших данных (Big Data) составляют карту личных предпочтений пользователей, что может быть интересно как для правительства, так и для компаний.

Следующим шагом в развитии подходов Big Data является Big Live Data – подход, когда сверхбольшие массивы данных обрабатываются в реальном времени. В условиях стремительного перевода всех накопленных человечеством знаний в цифровую форму возникнет ситуация фактического формирования цифровой копии мира. Технологии Big Live Data будут поддерживать постоянную синхронизацию реальности и ее цифровой копии. Это открывает перспективы достижения человечеством всеведения, доступности знаний из прошлого и настоящего[1].

- **Биомониторинг и биологическая обратная связь.** Суть технологий биологической обратной связи (БОС) и биомониторинга заключается в постоянном наблюдении в режиме реального времени за различными показателями организма и сознательном управлении ими. Датчики и электроды улавливают физические и физиологические сигналы человека (например, активность сердца, мозга, мышц, движение, дыхание, температуру, давление), которые затем обрабатываются компьютером и отображаются мультимедийными системами в виде простых графиков, звуковых сигналов, игровых сюжетов и т.п.[7]

Зная свое физиологическое состояние, человек получает возможность произвольно усиливать или ослаблять те или иные показатели для достижения нужного ему состояния.

Технология будет активно использоваться в медицине, образовании, спорте, борьбе со стрессом, творчестве и т.п. БОС поможет легко добиться физиологического состояния организма, наиболее подходящего для той или иной деятельности.

Прогнозируется распространение как стационарных (домашних) биомониторов, так и носимых устройств (браслетов) с использованием технологии БОС и биомониторинга. В БОС-процедуру постепенно будут внедряться игровые элементы, в том числе сетевые. Также данные устройства получат интеллектуальное наполнение в виде ИИ-советчиков, которые будут следить за режимом питания человека, сном, функционированием организма и давать советы по достижению оптимальных показателей.

При необходимости информация, поступающая с биомониторов, может передаваться в общий пункт сбора данных. Информационные технологии, супервычисления и большие данные дадут возможность обрабатывать данные, поступающие от огромного количества пользователей, что позволит проводить более эффективные исследования коллективного поведения, необходимые в политике и коммерции. В условиях, когда буквально каждое действие человека записывается, можно будет эффективно прогнозировать потребительское или электоральное поведение широких масс населения.

- **Облачные вычисления.** Технологии облачных вычислений позволят людям получать доступ к информации, программам, аппаратным мощностям из общего пула через сетевой доступ. Ресурсы станут доступными из любой точки мира. Единственное существенное ограничение – скорость и надежность соединения с Интернетом – будет решена по мере эволюции сетевых технологий. Определенные риски связаны с размещением персональной информации в «облаках». Существует проблема хищения данных третьими лицами, а также в целом уменьшения контроля за собственной информацией.

- **Дополненная и виртуальная реальность.** Почти нет сомнения в том, что технологии позволяют человечеству создавать сложные искусственные миры, доступные для восприятия всеми органами чувств. Не малую роль в продвижении этого тренда сыграют компьютерные игры, которые уже сегодня постепенно переходят в виртуальную реальность благодаря таким устройствам как очки виртуальной реальности Oculus Rift.

Реальное и виртуальное в мире будущего будут сливаться и пересекаться самыми различными способами. Возникнет феномен «смешанной реальности», частью которой будут являться

«дополненная реальность» (дополнение реальности виртуальными элементами) и «дополненная виртуальность» (дополнение виртуального пространства реальными объектами).

Феномен дополненной реальности представляется особенно перспективным. Сегодня он уже развивается в таких продуктах как Google Glass, QR-коды и популярная игра Pokémon Go. В будущем появятся новые модели нателных компьютеров, а также игровых приложений для смартфонов. В целом технологии дополненной реальности способствуют геймификации многих жизненных процессов и одновременно «возвращению в реальность» - виртуальные игры.

Дополненная реальность позволит человеку через всплывающие сообщения получать информацию об окружающих его объектах, не вступая с ними в прямой контакт (например, о ресторане, проходя мимо него: его меню, часы работы, репутацию, отзывы). Это будет распространяться и на людей, о которых можно будет узнать основную информацию (имя, возраст, семейное положение, место работы), доступную из его страницы в социальной сети [20]. Со временем люди перейдут на постоянное существование в дополненной реальности, а технологические системы научатся передавать не только изображения, но также звуки, запахи и тактильные ощущения.

- **Технологии телеприсутствия.** Телеприсутствие позволяет пользователю получить впечатление о присутствии в месте, отличном от его физического положения. Сегодня такую функцию выполняют технологии видеоконференций с помощью, к примеру, веб-камер на ноутбуке или телевизоре. В будущем популярность видеоконференций в образовании, бизнесе и быту увеличится за счет совершенствования аппаратной и программной инфраструктуры.

Также получат распространение телеуправляемые роботы. Они будут особенно востребованными для выполнения работы в сложных и опасных условиях (к примеру, за пределами Земли). Также такие роботы позволят людям присутствовать в местах, где они не имеют возможности присутствовать физически.

Важное нововведение будет заключаться в том, что технологии телеприсутствия будут передавать не только визуальную и аудиальную, но и тактильную и др. информацию.

Прогресс в технологиях телеприсутствия приведет к распространению удаленной работы (в сфере как низкоквалифицированного, так и высококвалифицированного труда). Распространится удаленное управление транспортными средствами. Кроме того, с развитием технологии «клонирования труда» можно будет удаленно воспроизводить действия работника сколько угодно раз (в том числе в сфере творческого труда).

- **Плюрализм устройств ввода.** Работать, создавать контент и творить в будущем можно будет при помощи большого количества различных устройств ввода. Этому поможет развитие информационных технологий, нейроинтерфейсов и дополненной реальности. Создание изображений, видео, объемных объектов, текстов возможно будет не только с помощью клавиатуры, но также с помощью жестов, голосовых команд, прикосновений и других способов, интуитивно понятных большинству людей. Интерфейсы станут более удобными и естественными. Это также означает, что ввод информации станет легким в любых помещениях, средах и на любых поверхностях[14].

- **Эволюция информационного контента.** С развитием Интернета будет возрастать мультимедийность и «объемность» контента. Социальные сети продолжают быть конвергентными площадками, предоставляющими возможность размещения больших объемов самого различного контента: текстового, визуального, звукового. Онлайн-сервисы будут предлагать все новые функции для обмена информацией. В будущем вероятно появление функций, интегрирующих в социальные сети технологии голограмм, виртуальной, дополненной реальности, биомониторов.

Заметным трендом эволюции контента является видеололизация, то есть переход информационных сервисов от использования преимущественно текстовой информации к использованию преимущественно визуализированной информации. В социальных медиа и СМИ все более востребованными становятся форматы видеоподкастов и инфографики.

Веб 4.0

Данный сценарий подразумевает переход коммуникаций к освоению нейротехнологий, массовому внедрению которых в предыдущем сценарии мешали определенные проблемы. Это значит, что сетевые коммуникации перейдут в фазу Веб 4.0.

Использование нейротехнологий подразумевает улучшение, исправление или использование функций мозга, сознания и высших психических функций. Значительный потенциал у нейротехнологий есть в сфере коммуникаций. Так, российские эксперты и ученые особенно активно продвигают проект «Нейронета». Рынок нейрокоммуникаций будущего рассматривается как один из крупнейших в Национальной технологической инициативе[14].

Под Нейронетом в России понимается совокупность технологий коммуникации, позволяющих субъектам обмениваться мыслями, знаниями, опытом, чувствами, состояниями сознания, бессознательными установками через прямое воздействие на мозговые центры.

Основное применение Нейронета – коллективное решение проблем и работа над сверхсложными проектами. Нейронет через технологии пытается воссоздать некоторые «естественные» феномены. Так, некоторые сиамские близнецы благодаря соединению одного мозга с другим обладают способностью знать что видит или чувствует другой[15]. Начиная с 2013 г. ученые научились передавать импульсы от одного человеческого мозга к другому, а с 2014 г. ведутся эксперименты по передаче настроений и ассоциаций у мышей[16].

Важное условие формирования Нейронета – моделирование работы человеческого мозга во всей его сложности, полное описание всех психических процессов и состояний сознания для их дальнейшей оцифровки, решение проблемы считывания мозга[4].

Ученые прогнозируют появление Нейронета к 2035 году[9]. Коммуникативная среда Веб 4.0 будет складываться благодаря развитию следующих технологий:

- **Нейрокомпьютерные интерфейсы.** Нейрокомпьютерные интерфейсы представляют собой устройства для обмена информацией между мозгом и внешним устройством (прежде всего, компьютером). Такие интерфейсы могут быть однонаправленными (внешнее устройство может либо отправлять сигналы в мозг, либо получать сигналы из него) или двунаправленными (внешнее устройство может и отправлять, и получать сигналы).

Как именно будут выглядеть нейроинтерфейсы будущего пока не ясно. Они могут быть инвазивными (например, электронные импланты), либо неинвазивными (на основе электроэнцефалографии или магниторезонансной томографии). Неинвазивные решения могут стать более привлекательными для пользователей, однако пока что они демонстрируют несколько меньшие успехи[14]. Объединение двух сетей «мозг-компьютер» позволит осуществлять коммуникацию «мозг-мозг» с посредником в виде компьютера. Уже сегодня успешно реализуются попытки передавать тактильную и моторную информацию между мозгами нескольких крыс.

- **Протокол связи на основе семантической паутины.** Для функционирования коммуникаций Веб 4.0 важным представляется решить техническую задачу протокола передачи данных, который бы работал поверх сетевого протокола TCP/IP и передавал бы информацию об активности мозга. Полезной могла бы оказаться семантическая паутина, разработанная в рамках сценария Веб 3.5. Приспособленная к нейрокоммуникациям, она могла бы играть роль универсального языка смыслов, осуществляя постоянный и мгновенный перевод между универсальным языком и языком отдельных сознаний[14].

- **Нейропротезирование.** Получат распространение устройства на основе био-, нейро- и нанотехнологий, восстанавливающие и расширяющие двигательные, зрительные, слуховые, когнитивные и др. способности.

Импланты и протезы на основе новых технологий приведут к расширению человеческого функционала (технологии *extended self*) и появлению настоящих «сверхспособностей». Будут развиваться технологии безголосового общения и синтетической телепатии. Уже сегодня технологии позволяют записывать информацию в одном мозге с последующей ее передачей в другой мозг. Существуют такие проекты чтения и передачи мыслей как *Silent Talk* [14] в военной сфере и технология «отпечатков мыслей» в судебной экспертизе[19]. Также возможно появление имплантов, дающих глазам человека возможность видеть в темноте.

Особую роль будут играть нейропротезы, усиливающие человеческий интеллект (т.н. технологии экзокортекса). По сути, любые информационные технологии, существующие сегодня, уже играют роль нейропротезов, предоставляя пользователю доступ к знаниям и информации. Сегодня уже идет разработка импланта, улучшающего память и способность к обучению для людей с нарушениями соответствующих функций[5]. Потенциально в качестве экзокортекса может выступать мозг другого человека.

Вероятно в будущем фармацевтика заменит электроцевтика – технологии биоэлектронной стимуляции нервной системы[16]. Технологии ТЭС- и БОС-терапии позволят стимулировать или расслаблять мозг, конструируя продуктивные измененные состояния сознания, а также будут выступать в роли модуляторов настроения. Технологии найдут применение в психотерапии, образовании и многих других областях.

- **Синтетический телекинез.** Нейроинтерфейсы позволят осуществлять управление другими объектами при помощи мыслей: дронами, компьютерной игрой (пример – нейроинтерфейсы *Emotiv Systems*), аватарами для работы в тяжелых и опасных условиях, а также в военных действиях, экзоскелетами, которые будут помогать парализованным людям ходить (сегодня реализуется в проекте

Walk Again [21], а также вообще любыми техническими объектами, являющимися частью Интернета вещей[6].

- **Технологии сильного искусственного интеллекта.** В научно-техническом сообществе будет преодолена доминирующая сегодня практическая ориентация исследования искусственного интеллекта, и появятся серьезные фундаментальные исследования, которые смогут найти подход к реализации концепции сильного искусственного интеллекта, то есть искусственного разума, способного решать творческие задачи, а также осознавать себя.

- **Нанотехнологии в коммуникациях.** Технологии, позволяющие манипулировать отдельными атомами и молекулами, существенно усовершенствуют коммуникации Веб 4.0. В первую очередь нанотехнологии будут востребованы при использовании инвазивных нейроинтерфейсов: произойдет миниатюризация нейроимплантов. С другой стороны, нанотехнологии создадут принципиально иной способ построения нейрокоммуникаций – с использованием технологии «умной пыли». Последнюю образуют миниатюрные, незаметные для взгляда устройства, находящиеся в постоянном взаимодействии и беспроводном информационном обмене друг с другом[8].

Нанотехнологии также усовершенствуют технологии виртуальной реальности. Футуролог Р. Курцвейл предполагает, что в будущем нанороботы будут блокировать в мозгу сигналы, идущие от органов чувств, и заменять их сигналами виртуальной реальности. Это значительно усилит ощущение погружения и присутствия в виртуальной реальности[10].

Наконец, нанотехнологии в сочетании с технологиями искусственного интеллекта породят программируемые молекулярные устройства, способные осуществлять сложную деятельность по поддержанию функционирования организма человека и борьбе с болезнями и патологиями (например, с раковыми клетками).

- **Технологии аватаров.** В сценарии Веб 4.0 технологии телеприсутствия эволюционируют в технологии аватаров, когда мозг сможет управлять роботом напрямую, при этом получая от него сенсорные сигналы самого различного рода. Последняя стадия эволюции этой технологии – возможность перемещать сознание в искусственный носитель-аватар. Данные технологии будут востребованы в сфере туризма (теле-туризм). С помощью аватаров человек сможет «побывать» на различных планетах и других труднодоступных и экзотических местах Вселенной. Также это породит индустрию заменяемых тел.

- **Технологии загрузки знаний.** Успешные работы по развитию нейроинтерфейсов «от компьютера в мозг» позволят в будущем записывать информацию, знания и опыт в мозг человека. Принципиальная возможность такой процедуры была подтверждена в 2014 г., когда в ходе эксперимента ученым удалось внедрить в мозг мышам ложные ассоциации[16].

Развитие технологий загрузки знаний, безусловно, навсегда изменит облик образования, потребления информации, а также общества в целом. Информация будет попадать в мозг человека напрямую, словно на флешку, без необходимости читать, обрабатывать и осмысливать информацию[13]. Возможен несколько измененный сценарий, когда к мозгу человека будет подключено хранилище информации, знаний и навыков, которые при необходимости можно будет извлекать [11].

Все эти технологии радикально расширят не только способности человека, но и арсенал средств воздействия на него. При наличии монополии у какой-либо группы на данные технологии появилась бы возможность загружать в мозг большого числа людей пропагандистскую информацию или рекламу. Поэтому необходимо дальнейшее исследование угроз и потенциала влияния новейших информационно-коммуникативных технологий на общество, в том числе – с использованием метода форсайта и построения дорожных карт.

Список литературы

1. Будущее образования: глобальная повестка. - URL: http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf (дата обращения 10.03.2018)
2. В Кремле начали использовать технологии Big Data // Взгляд. Деловая газета. - 24.05.2016. - URL: <http://vz.ru/politics/2016/5/24/812219.html> (дата обращения 10.03.2018)
3. В США собираются построить самый мощный суперкомпьютер в мире // Geektimes. 13.04.2015. - URL: <https://geektimes.ru/post/248938/> (дата обращения 10.03.2018)
4. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. — М.: ООО «Издательство МБА», 2013. - URL: <http://2045.ru/pdf/globalfuture2045.pdf> (дата обращения 10.03.2018)
5. Запомним всю "Википедию" // N+1. - 28.09.2016. - URL: <https://nplus1.ru/material/2016/09/28/lebedevchip> (дата обращения 10.03.2018)

6. Константинов, А. Мозг из машины / А. Константинов // Русский репортёр: журнал. — М., 2013. — №11 (289).
7. Митин, В. Нейронет (NeuroWeb) станет следующим поколением Интернета / В. Митин // PC Week. 17.10.2014. - URL: <https://www.pcweek.ru/idea/blog/idea/7022.php> (дата обращения 10.03.2018)
8. Нанороботы в нашем мозге // Geektimes. 19.02.2015. - URL: <https://geektimes.ru/company/asus/blog/261874/> (дата обращения 10.03.2018)
9. Нейрокоммуникации и маркетинг // Rusneuro.net. - URL: <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet/segmenty-i-proyekty/nejro-kommunikatsii-i-marketing> (дата обращения 10.03.2018)
10. Рэй Курцвейл о том, как технология изменит нас // TED. - URL: http://www.ted.com/talks/ray_kurzweil_on_how_technology_will_transform_us?language=ru (дата обращения 10.03.2018)
11. Система обучения в будущем // Trendclub. - 27.08.2009. - URL: http://trendclub.ru/blogs/contest_august/651 (дата обращения 10.03.2018)
12. Суперкомпьютер IBM победил американских игроков в "Свою игру" // Lenta.ru. 14.01.2011. - URL: <https://lenta.ru/news/2011/01/14/watson> (дата обращения 10.03.2018)
13. Тарасевич, Г., Константинов А. Школа завтра не нужна / Г. Тарасевич, А. Константинов // Русский репортёр: журнал. — М., 2013. — 29 августа (№ 34 (312)).
14. Технологии и системы цифровой реальности и перспективные «человеко-компьютерные» интерфейсы (в части нейроэлектроники). Аналитический доклад. - Москва, 2015. - URL: <http://asi.ru/nti/docs/Doklad.pdf> (дата обращения 10.03.2018)
15. Тулинов, Д. Нейронаука в ожидании краниопагов / Д. Тулинов // Полит.ру. 12.05.2014. - URL: http://polit.ru/article/2014/05/12/ps_neurocranoscience/ (дата обращения 10.03.2018)
16. Тулинов, Д. Нейронет: Технологии влезают нам в мозг / Д. Тулинов // Кот Шрёдингера: журнал. — 2015. — № 7-8.
17. Халиуллин, Ю. Суперкомпьютеры-аналитики / Ю. Халиуллин // Независимая газета. - 26.10.2011. - URL: http://www.ng.ru/science/2011-10-26/10_superpc.html (дата обращения 10.03.2018)
18. Computers & the Internet // FutureTimeline.net. - URL: <http://futuretimeline.net/subject/computers-internet.htm> (дата обращения 10.03.2018)
19. Dr. Larry Farwell - Inventor of Brain Fingerprinting. - URL: <http://www.farwellbrainfingerprinting.com/brain-fingerprinting-overview-dr-larry-farwell-dr-lawrence-farwell.html> (дата обращения 10.03.2018)
20. Kurzweil: Brains Will Extend to the Cloud // CIO.com. 03.10.2012. - URL: <http://www.cio.com/article/2391631/cloud-computing/kurzweil-brains-will-extend-to-the-cloud.amp.html> (дата обращения 10.03.2018)
21. Martins, A. Paraplegic in robotic suit kicks off World Cup / A. Martins, P. Rincon // BBC.com. 12.06.2014. - URL: <http://www.bbc.com/news/science-environment-27812218> (дата обращения 10.03.2018)
22. Web 3.0, the "official" definition // Calacanis.com. 03.10.2007. - URL: <http://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения 10.03.2018)

Статья поступила в редакцию 17.03.2018

Chikharev, I. A., Polulyakh, D. S., Brovko, V. U. The Influence of the Up-to-Date Information Communication Technologies on Modern Society: Some Scenarios

The evolution of communication technologies and its impact on the development of society is analysed. There are two scenarios for the development of information and communication technologies in the future: Web 3.5 and Web 4. The Web 3.5 scenario assumes a significant sophistication of modern communication technologies by increasing the efficiency and computing ability of systems, integrating the physical and virtual world. In turn, the Web 4 scenario implies the transition of communications to the development of neurotechnologies, the massive implementation of which in the previous scenario is hampered by certain problems. Attention is focused on the threats and potential influence of up-to-date information and communication technologies on society.

Key words: information and communication technologies, Web 3.5, Web 4, neurotechnologies, Neuronet, socio-political forecasting.

УДК 316.61/.64-057.875(470-13):303.1

В статье анализируются методологические и методические основы комплексного социологического исследования межнационального и межрелигиозного согласия студенческой среды Крыма и Севастополя. Обосновывается необходимость обращения к категории «согласие» и раскрываются его содержательные характеристики. Предложены теоретико-методологическая база, логика операционализации предмета исследования, основных его понятий в ходе анализа феномена согласия в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в Крыму и Севастополе.

Ключевые слова: межнациональное согласие, межрелигиозное согласие, межнациональный и межконфессиональный мир, система идентичностей, ценностная иерархия, социальные установки.

О. В. Ярмак, доцент, канд. социол. наук,

Севастопольский государственный университет

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

А. М. Канах, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ammar.qanah@gmail.com

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНОЕ СОГЛАСИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ: ДИЗАЙН СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Для Крыма проблема межнационального и межрелигиозного согласия была всегда актуальной. С его вхождением в состав Российской Федерации она не потеряла значимости, а, наоборот, с учетом новых экстремистских и террористических вызовов современного мира, приобрела новые аспекты. С одной стороны, в Крыму существует внутренний крымско-татарский вопрос, требующий изучения в рамках достижения межэтнического и межрелигиозного диалога. С другой стороны, наличие внешних вызовов заставляет задуматься о воздействии на молодежь и, в первую очередь, на студенчество как самую организованную ее часть, как агентов распространения экстремистских настроений и террористических установок. В этой связи исследовательский проект о состоянии межнационального и межконфессионального согласия в студенческой среде Крыма и Севастополя, выполняемый при финансовой поддержке РФФИ, позволит выявить механизмы успешного достижения межнационального и межрелигиозного согласия в крымском и севастопольском студенческом сообществе.

При построении теоретико-методологических основ исследования был осуществлен анализ понятия «согласие», которое, с нашей точки зрения, намного шире уже плотно вошедшей в научный оборот категории «толерантность». Проблема толерантности возникла в те времена и наиболее остро стояла там, где народы с различным вероисповеданием были вынуждены жить вместе в пределах единых государств. Толерантность продолжает оставаться существенным фактором социально-политической стабильности государств. Категория «согласие», отражающая единомыслие и единодушие, согласованность и соразмерность, более соответствует анализируемым нами понятиям «межнациональное и межрелигиозное согласие». В этой связи категории «межнациональное согласие» и «межрелигиозное согласие» рассматриваются в нашем исследовании как целостные феномены, в которых социально-политическое и культурно-психологическое находятся в диалектическом единстве, а характер согласия определяется через категории «дружба», «доверие», «уважение», «мир».

В российском доктринальном пространстве, а именно в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», термин «межнациональное (межэтническое) согласие» поясняется с точки зрения рассмотрения нации в этнокультурном понимании. Среди приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации, определяемых в данном документе, наш исследовательский интерес сконцентрировался на двух: обеспечении межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных

¹ Исследование реализовано при поддержке гранта РФФИ №17-06-004400 «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития» на 2017-2019 годы.

(межэтнических) отношений; и укреплении единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации) [2]. Обратив внимание на то, что в Стратегии межнациональное согласие понимается через обеспечение межнационального мира, в ходе операционализации основных понятий исследования категориям «межнациональный мир» и «межрелигиозный мир» придается особое значение. В контексте исследования термин «межнациональный мир» рассматривается как согласие между этническими группами – русскими, украинцами, крымскими татарами, а «межрелигиозный мир» – как согласие между представителями различных религиозных традиций.

Теоретический фундамент исследования составляют: теории дискурса (Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Д. Поттер), теории коллективных представлений (Г. Лебон, Г. Тард, С. Московичи, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Дюркгейм), теории фрейминга (Т. Такешита, Х. Д. Ву, Р. Колеман, М. МакКомбс, У. Гамсон, А. Модильяни), теория повестки дня (У. Липпман, Э. Роджерс, Дж. Диринг, М. Рейнольдс), теория мобилизации ресурсов (Дж. Маккарти, М. Зальд, К. Вильсон, А. Обершол), концепция относительной депривации (С. Стауффер, Р. Мертон, В. Руинсман), концепции факторов социально-политической дестабилизации (Дж. Голдстоун, Н. Бакр, Ф. Ховард, М. Паркс, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина), традиция реализма при анализе нации и межэтнических отношений (Б. Андерсон, У. Альтерматт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум), теории и концепции социальных, этнических и межэтнических установок (Г. Олпорт, М. Смит, Д. Узнадзе, Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, А. А. Сусоколов), концепции социальной и культурной дистанции (Г. Зиммель, Т. Парк, Э. Берджесс, Л. фон Визе, А. Фэрнхем, С. Бочнер), концепции и теории системы идентичностей и этнической идентичности (Э. Эрикссон, Г. Тэшфел, Дж. Тернер, Дж. Г. Мид, Н. Луман, П. Бергер), концепции и теории межэтнического и межконфессионального согласия (В. А. Тишков, Л. М. Дробижева, М. К. Горшков, М. М. Мчедлова), концепции интегрированности и консолидации общества (В. А. Ядов, Н. М. Великая, Т. И. Заславская, Е. А. Агеева).

В российском исследовательском поле для изучения проблем этнического и религиозного согласия используются социально-психологические и этносоциологические подходы. Как уже отмечалось, категории «межнациональное согласие» и «межрелигиозное согласие» по своей структуре и содержанию более широкие, чем понятия межнациональной и межрелигиозной толерантности. Они включают в себя не только межнациональные и межрелигиозные ценности, но и диалоговые межнациональные и межрелигиозные установки, готовность к достижению межнационального и межрелигиозного доверия. Именно такой подход к анализу межнационального и межрелигиозного согласия использует известный российский социолог Л. М. Дробижева. Определение межэтнического согласия, предложенное Л. М. Дробижевой, формулируется как система установок на бесконфликтное, диалоговое регулирование противоречивых ситуаций, стремление к достижению справедливых решений проблем, возникающих в ходе развития, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение «образа мира» [1]. Межнациональное согласие проявляется через межличностное общение, через выявление тех ценностей, интересов, ориентаций и установок, которые определяют жизненные и социальные позиции и объединяют людей разных национальностей.

Наше понимание межнационального и межрелигиозного согласия близко к сути определения понятий, предложенных Л. М. Дробижевой. Считаем, что эти понятия достаточно широкие, означающие не только уважение к другим, но и стремление к решению межнациональных и межконфессиональных проблем через диалог, достижение взаимоприемлемых решений, межличностного и межгруппового доверия, общих ценностных ориентаций, общего видения образа мира.

Целью исследовательского проекта является изучение уровня межнационального и межрелигиозного согласия в студенческой среде Республики Крым и города федерального значения Севастополь. В качестве задач исследования определены:

- выявление ценностных ориентаций, личностных установок, национально-государственной идентичности, потенциала межнационального и межрелигиозного согласия студентов городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- определение источников межнационального и межрелигиозного согласия и несогласия в студенческой среде городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- анализ уровня готовности к межнациональным и межрелигиозным контактам в студенческой среде городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- дифференциация понимания категорий «межнациональное согласие» и «межрелигиозное согласие» в представлениях студентов городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

- определение факторов, препятствующих и способствующих процессу достижения межнационального согласия в студенческой среде городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- определение факторов, препятствующих и способствующих процессу достижения межрелигиозного согласия в студенческой среде городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- анализ структурных и содержательных характеристик межнационального и межрелигиозного согласия студенческой молодежи городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;
- выявление механизмов успешного формирования ценностей и установок межнационального и межрелигиозного согласия в студенческой среде городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Структурная операционализация основных категорий исследования была осуществлена через раскрытие следующих понятий (табл. 1).

Таблица 1

Структурная операционализация основных категорий исследования

Показатели	Переменные
<i>Массовый опрос</i>	
Историческое самосознание	• интерес к истории; • переживание общности исторической судьбы; • восприятие личной сопричастности к истории страны; • сформированность представлений об ответственности за сохранение исторического наследия; • практический опыт участия в сохранении исторического наследия
Система идентичностей	• структурные характеристики системы идентичностей; • специфика религиозной идентичности; • специфика этнической идентичности; • специфика языковой идентичности; • сформированность национально-государственной идентичности; • отношение к Украине; • отношение к «европейскому» выбору Украины
Ценностная иерархия	• жизненные приоритеты; • ценностные стереотипы в отношении различных этнических групп; • жизненные стратегии
Социальные установки	• представления о статусе этнических групп в России; • представления о статусе этнических групп в Крыму и Севастополе; • отношение к многонациональности России; • отношение к многоконфессиональности России; • оценка состояния межнациональных отношений в Крыму и Севастополе
Культура межэтнического согласия	• оценка государственной, региональной, муниципальной политики, направленной на поддержание межнационального мира и согласия на полуострове; • оценка условий для сохранения языка / традиций / религий различных этнических групп полуострова; • сравнение советского, украинского и российского опыта реализации межнациональной политики в Крыму и Севастополе; • отношение к мировому опыту решения межнациональных вопросов; • отношение к способам разрешения противоречий и конфликтов

Опыт межэтнического согласия в повседневных практиках	• наличие и характеристика опыта личной коммуникации с представителями различных этнических групп; • наличие и характеристика опыта коммуникации с представителями различных этнических групп у референтных лиц
Социальные технологии достижения межэтнического и межрелигиозного согласия в студенческой среде	• наличие и характеристика опыта личной коммуникации с представителями различных этнических и религиозных групп в вузовской среде; • информированность и вовлеченность в проекты и мероприятия, посвященные межнациональному и межконфессиональному согласию; • оценка эффективности социальных технологий достижения межэтнического согласия в вузовской среде
Лидеры общественного мнения	• источники получения информации о межнациональных отношениях на полуострове; • политики, гражданские активисты, религиозные деятели, формирующие культуру межнационального согласия на полуострове
Глубинные интервью	
Когнитивные составляющие установок на достижение межэтнического согласия	• характеристика ситуации в Крыму / Севастополе; • восприятие воссоединения Крыма и России; • оценка воссоединения Крыма и России спустя четыре года; • оценка ожиданий, связанных с воссоединением Крыма и России; • уровень информированности об этнических и конфессиональных группах Крыма; • принадлежность к этническим, религиозным общностям
Аффективные составляющие установок на достижение межэтнического согласия	• описание отношений с представителями других этнических и религиозных групп; • ориентация на нормы и ценности в общении с людьми, принадлежащими к другим этническим и религиозным группам; • оценка предположительных и реальных конфликтных ситуаций с людьми, принадлежащими к другим этническим и религиозным группам • оценка ценностей и норм, способствующих поддержанию мирных межнациональных и межконфессиональных отношений; • характеристики особых черт этнических и религиозных групп Крыма
Поведенческие составляющие установок на достижение межэтнического согласия	• оценка лидеров общественного мнения в Крыму; • оценка политических или общественных групп, формирующих мнение людей о межнациональных отношениях, определяющих нормы во взаимодействии между этническими группами; • оценка меры, предпринимаемых властями Крыма / Севастополя в сфере государственной религиозной и межнациональной политики власти Крыма; • оценка действий властей Крыма / Севастополя в отношении формирования и укрепления межнационального и межрелигиозного согласия в первую очередь; • оценка мирового опыта решения межнациональных противоречий и конфликтов; • формулировка «правил и норм» поддержания межнационального мира в Крыму / Севастополе; • готовность следовать этим «правилам и нормам»

Модель эмпирического исследования базируется на триангуляции количественных и качественных методов. Благодаря комбинированию количественных (массовый опрос, мониторинг социальных сетей) и качественных (глубинное интервью) методов данная эмпирическая модель позволит дополнить показатели российской аудитории Интернета описанием национальных профилей и типов ценностных предпочтений молодых пользователей.

Исследовательский проект предполагает проведение в течении трех лет комплексного социологического исследования, построенного на сочетании количественных и качественных методов, а именно:

- массовый опрос с выборочной совокупностью 4800 студентов (3600 крымчан и 1200 севастопольцев в возрасте от 17 до 25 лет), репрезентативностью по территории проживания, полу, национальности при соблюдении предельной ошибки выборки не более 3% (по 1600 опрошенных ежегодно в течении трех лет осуществления проекта). Данный метод позволит исследовать структурные и содержательные характеристики процесса формирования межнационального и межрелигиозного согласия у студенческой молодежи городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

- глубинное интервью с 360-ю студентами (270 - с крымчанами и 90 - с севастопольцами в возрасте от 17 до 25 лет), с охватом представителей разных территорий, национальностей, гендеров (по 120 интервью ежегодно в течении трех лет осуществления проекта). Данный метод позволит проанализировать процесс формирования ценностей, символов и смыслов межнационального и межрелигиозного согласия у студентов Крыма, и Севастополя. В процессе глубинных интервью будут выявлены когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие установок на достижение межнационального и межконфессионального согласия;

- киберметрия сообщений крымского и севастопольского сегментов Интернета с применением онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz, глубиной выгрузки Интернет-контента 2016-2017 годов, объемом выгрузки – 1 млн. сообщений из трех наиболее популярных социальных медиа (Instagram.com; Vk.com; Facebook.com). Киберметрический анализ позволит изучить воздействие Интернет-среды и коммуникации на формирование уровня межнационального и межрелигиозного согласия в студенческой среде Крыма и Севастополя, осуществить анализ информационных потоков, посвященных межэтническому согласию в социальных медиа, определить хабы взаимосвязи тематических групп и сообществ, понять неконвенциональный/экстремистский дискурс пользователей социальных медиа и выявить лидеров общественного мнения студенческой среды.

В массовом опросе использовалась многоступенчатая выборка, построенная с применением процедуры поэтапного отбора объектов опроса. При этом совокупность объектов, отобранных на предыдущем этапе, становится исходной для отбора на следующем. На первом этапе была применена вероятностная (гнездовая) выборка. Единицы отбора первого этапа (первичные единицы) - типы поселений с наличием и отсутствием вузовских структур. На втором этапе использовалась квотная выборка. Единицы отбора второго этапа (вторичные единицы) были определены на основе сведений (параметров квот) об общем количестве обучающихся в вузе, то есть элементов генеральной совокупности. Единицы анализа отбирались при помощи простого случайного отбора, при котором вероятность быть включенным в выборку является одинаковой для всех единиц совокупности. Объем выборочной совокупности первой исследовательской волны 2017 года составил 1600 человек при допустимой ошибке выборки, не превышающей 3%.

При проведении глубинных интервью использовалась неслучайная (невероятностная) выборка с помощью направленного отбора, предполагающего выбор единиц по заранее определенному принципу: выделению индивидуальных характеристик (пол, национальность, территория проживания). Кроме того, во внимание принималась интенсивность вовлеченности пользователя в Интернет-коммуникацию (не реже 1 раза в неделю) и наличие аккаунта в одной из социальных сетей. Таким образом, глубинные интервью проводились с респондентами из числа участников массового опроса, наиболее полно раскрывающих свои позиции. Объем выборочной совокупности глубинных интервью исследовательской волны 2017 года составил 120 респондентов.

Мониторинг социальных сетей реализован с помощью киберметрических инструментов социальной сети VK, а также программы IQBuzz (для Facebook и Instagram), что позволило использовать тип сплошной выборочной совокупности.

В исследовании применены сравнительный, типологический, киберметрический анализ. Посредством реализации кластерного анализа и выявления семантических оснований наименования кластеров были выделены типы ценностных предпочтений и установок студентов. Типологический анализ применен при обработке результатов мониторинга социальных сетей. В данном случае базовым типобразующим признаком выступают репрезентуемые в профайлах пользователей ценностные ориентации и установки. При этом совокупность типобразующих признаков должна иметь трехкомпонентную структуру. Первая компонента – характеристики самого явления, которое подвергается типологизации, вторая – характеристики социального фона, в котором протекает это явление, третья – факторы, объясняющие существование типов проявления изучаемого явления.

Контроль за обеспечением качества исследовательских процедур осуществлялся на всех этапах проведения массового опроса. В рамках контроля реализованы такие мероприятия, как экспертная оценка программы исследования, инструментария массового опроса и топик-гайда глубинного интервью, проверка качества заполнения бланков анкет, контроль за допустимым уровнем ошибки выборки, за обработкой данных, а также обсуждение результатов исследования на научных семинарах и конференциях.

Отбор респондентов для глубинного интервью осуществлялся по результатам массового опроса, и здесь в качестве контрольных будут осуществлены такие действия, как конструирование выборочной совокупности с учетом пола, национальности, вуза и типа населенного пункта.

Научными результатами проекта, полученными на первом году его реализации, стали, в первую очередь, исследовательские. Это разработка программы исследования и его инструментария, операционализация основных категорий исследования, создание его эмпирической модели, осуществление полевого этапа первой волны, включая проведение киберметрического анализа сообщений крымского и севастопольского сегментов Интернета за период 2016-2017 годы с формированием механизма автоматизированной разметки (параметризации) Интернет-контента социальных медиа посредством разработки специального браузерного классификатора, компьютерной обработки полученной социологической информации и анализа ее результатов. Промежуточным итогом исследовательского проекта должна стать разработка факторной модели межнационального и межрелигиозного согласия студентов городов Республики Крым и города федерального значения Севастополь с учетом влияния факторов реальной и цифровой среды. Общим итогом исследования будет разработка адресных программ рекомендаций, направленных на оптимизацию процесса формирования межнационального и межрелигиозного согласия в студенческой среде Крыма и Севастополя – отдельно для Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Список литературы

1. Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. - 376 с.
2. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации [утвержден 19 декабря 2012 г. ; №1666]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения : 20.02.2018).

Статья поступила в редакцию 24.03.2018

Yarmak, O. V., Qanah, A. M. Interethnic and Interreligious Concord Among Students of Crimea and Sevastopol: Design of Sociological Research

The article analyses methodological foundations of a comprehensive sociological study of interethnic and interreligious concord of the student environment of Crimea and Sevastopol. The necessity of using the category of "concord" and its substantial characteristics are revealed. The authors present theoretical and methodological basis, logic of operationalization of the subject of the research, its basic categories in the analysis of the phenomenon of concord in the sphere of interethnic and interreligious relations in Crimea and Sevastopol.

Key words: interethnic concord, interreligious concord, interethnic and interreligious peace, the system of identities, values hierarchy, social attitudes.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 9
2018

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 15.05.2018. Формат 60×84/8. Заказ № 42/18.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7